

Александр Дергачев

По аллеям души

Александр Дергачев

По аллеям души

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68931483

SelfPub; 2024

Аннотация

«По аллеям души» – книга Александра Дергачева, в которую вошли небольшие по объёму произведения: рассказы, эссе, зарисовки, повесть. Читателю будет интересно вместе с автором окунуться в мир природы, переживаний, искренних чувств любви и добра. Его герои и наши современники, и люди из прошлого, а через их судьбы прослеживается авторская философия жизни, он умеет найти в ней светлое. Страницы сборника наполнены и юмором, и ностальгией по прошлому, и восхищением мудростью и совершенством природы, поэтому книга читается легко. Её можно почитать в дороге, чтобы просто отвлечься от проблем.

Александр Дергачев

По аллеям души

Рассказы

Однажды в дождь

Вот уже неделю шёл дождь, мелкий, противный, не давая своей монотонностью даже намёков на окончание. Он был причиной нашей многодневной стоянки здесь, на берегу таёжной реки. Мелкие, словно просеянные через сито капельки проникали везде, где только можно, заставляя нас надевать длинные плащи с капюшонами, резким запахом сырости и блестящие от этих капель сапоги. Тучи понизу цеплялись большими дымчатыми клочьями за верхушки высоких сосен, елей и этим скрывали истинные размеры деревьев. Иголки, принимая на себя мелкие капли, удерживали их потом между собой. Ветви растений опускались к земле под тяжестью падающей с неба атмосферной воды. А берёзы с кустами, хотя у них нет хвои, умудрялись набирать морось на листья, ветки и стволы. Она потоками стекала по ним вниз или шумно била по траве и кустам большими прозрачными, уже укрупнёнными и потяжелевшими каплями. Те же в свою очередь, пока находились на травинке, листе, иголке, отсвечивали и искрились всеми цветами радуги, при этом постоянно меняя свою форму. Но если подойти и неосторож-

но задеть за торчащие лесные красивые ветки, то мгновенно промокнешь, будто побывал в большой настоящей водяной струе: обдаст с головы до ног.

Нам явно не повезло: над нашей местностью кружился тёплый обширный малоподвижный циклон, и по прогнозам ветродуев-синоптиков, пока он полностью не прольётся своим морозящим дождём, изрядно будет портить нам настроение. В силу этих обстоятельств мы в лагере передвигались только в случае крайней необходимости, сидели в палатках почти весь день, спали, играли во что-нибудь, читали, хоть как-то отвлекаясь от монотонного ожидания хорошей погоды. Делали это вместе с большими кусачими рыжими комарами и кровожадной мелкой мошкаррой, которые атаковали нас без устали днём и ночью. Недаром именно мошкара считается одним из самых свирепых созданий на земле. Замерев на оголённой коже, она откусывает своими жадными челюстями кусочек вашей плоти, и вам становится по-настоящему больно, а всё тело начинает чесаться. К вечеру комары на нашей стоянке особенно свирепели, становились очень наглыми: сначала они как обычно воинственно жужжали возле уха, а потом, улучив момент, кусали и кололи всех рыжими носами в губы, шею или руки. И мы от этой боли уже забывали о мелкой мошкаре, которая жила где-то там у каждого из нас под одеждой, начинали ладонями отчаянно лупить себя в ночи, зверея от своей беспомощности.

Лагерь наш состоял из нескольких давно промокших па-

латок, среди которых целыми днями невостребованными слонялись мы, унылые, искусанные и скучающие работники без работы, продолжая ждать «у моря погоды». Мы все приехали сюда, чтобы немного подзаработать, но застряли в этом промокшем лесу. А виной всему был этот обложной тёплый дождь.

Вечерами после ужина мы подолгу засиживались у костра под натянутым брезентовым навесом, сушили свои вещи, накидывая их на воткнутые в землю колья, пили чай, разговаривали, вспоминая всякие истории, пока хватало припасённых дров. Эти вечера стали для нас просто спасательным кругом.

Нас было семеро. Публика разношёрстная, разновозрастная. Представьте картину: у костра прямо у огня на раскладных железных табуретках, обтянутых брезентом, расположились Владимир, мужик ещё не старьёй, но с таким возрастным пивным животиком, а чуть поодаль от него его слева – скуластый Геннадий, раньше – шахтёр из Донбасса, а потом работник УСИНа. Справа от Владимира задумчиво глядел на огонь грустными синими глазами молодежавый Сергей. Когда-то он работал по вентиляции, но что-то пошло не так, и ему пришлось уволиться. Рядом с ним был энергичный Анатолий, которому здесь приходилось носить и днём и ночью вязаную шапочку, сберегая свою лысину от укусов. Говорят, что когда-то он имел свой бизнес на рынке, а потом пришлось его свернуть из-за кризиса. Был ещё строи-

тель Олег, молодой и шустрый; возрастной Николай, бывший страховой агент; а также скромный автор этих строк.

Как-то Владимир с хрипотцой давно курящего человека вдруг стал рассказывать. Все мужики под пологом сразу за-тихли, расположившись полукругом, глотая чай с комарами из своих огромных кружек.

«В тот год я уволился с завода, который просто стал разваливаться. Долго не работал тогда, месяцев пять. А тут в газете прочитал, что набирают людей для работы на вахту. Надоело уже дома сидеть на шее у жены, ну и пришёл к ним. Действительно, набирают. Спросили:

– Кем работал?

– На заводе мастером, – отвечаю.

– Бригадиром пойдёшь к нам?

– Пойду, – согласился я, тем более что деньги мне там пообещали хорошие».

Тут порыв ветра пригнал рассказчику в лицо порцию слезливого дыма, от которого закашлялся его сосед Олег.

– Не даёт послушать, зараза, – заулыбался он. И все тоже заулыбались.

– Комаров пугает, не иначе! Ну, что дальше было?

«И поехали мы тогда на вырубку подлеска нефтяной трассы на север. Народ подобрался вроде одинаковый, но хмурый какой-то: в глаза при разговоре не смотрят. Вроде умный базар ведут про житьё-бытьё, а потом понимаешь, что изъян в них какой-то. Слышишь только витиеватый мат. Ржут гром-

ко и как-то очень зло, балаболят по любому поводу. А когда говорят о своих же жёнах и вообще о бабах, то стыдно потом за них становится. Практически они все раньше сидели, мотали срок, и это, конечно, витало в воздухе. Причём, чувствовалось, что все они деревенские, примерно из одного района. Курили, как черти, чифирили. Ещё я понял, что они люто ненавидят любых начальников над ними, просто потому, что те всё равно обманут. Как таких людей на эту работу набирали, не знаю.

В общем, дали мне тогда денег на прокорм и для работы, и мы отправились. У нас были моя бригадирская «Нива» с кузовком и «ЗИЛ-131» – «будка КУНГ», знаете, такой закрытый кузов-фургончик, они ещё с советских времён в армии использовались (да и используются до сих пор). Внутри имелось необходимое бытовое оборудование и спальные места».

Владимир, не спеша, прикурив сигарету из костра от головешки, несколько раз затянулся, и продолжал:

«Мужики пилами с кусторезами работают, в кучи носят сучья, укладывают, а я около 131-го кашеварю, бензином их снабжаю».

Тут Владимир с размаху безжалостно бросил в костёр свой окурок, должно быть, что-то вспомнил, плюнул потом со злостью в огонь, вызвав этим треск и букет дыма в ответ.

«Неделю всё было хорошо, работали от зари и до зари. Утром, по прохладе, разгоняли темп работ, после обеда снижали из-за жары. А работать-то они могли, привычные к тру-

ду, заразы, бывалые; и вроде понимали все, как надо работать «на калыме». Только мошкара очень донимала. Особенно, когда пилили ивняк по жаре в низинах, где она плодится. А там же ещё и комары! Всё это кусает, пищит, грызёт! Вымотались, короче, все. В накомарниках жарко, чуть открылся – капут! Уставали больше морально».

Рассказчик снова сделал паузу, уклоняясь от надоевшего дыма, видно, тяжело ему было об этом вспоминать.

«Вот и зашёл разговор о бане, чтобы как-то залечить укусы, отдохнуть. Правда, за неимением лучшего баню заменили душем. Нашли пластмассовый бачок, приделали лейку и приторочили к соснам. Воду грели на костре, а потом заливали её наверх.

Настроение после горячей воды у всех поднялось.

– Надо бы чуть вздрогнуть по маленькой, – предложили мне мужики, и я с ними, не подумав, согласился».

Владимир снова чиркнул спичкой, прикуривая сигарету.

– Пашто спички не экономишь, костёр ведь есть? – проворчал Олег, уклоняясь от дыма. – Ладно, давай дальше!

«Ну, сели, врезали. Нет! Им ещё давай, давай и всё. Разошлась, понеслась, «родимая», по кочкам, одним словом!».

Рассказчик вынул из костра наполовину обгоревшую ветку и уложил её, подсохшую, на кучу углей. Ветка вспыхнула, осветила лица всех собравшихся.

«Нет больше, поздно уже, – говорю. Не понимают. Я махнул безнадёжно рукой, а сам полез себе в палатку, как бы

показывая, что разговор окончен, залез в спальник и сразу уснул.

Прошло около часа-двух после этого. И вдруг проснулся от какого-то беспокойства. Уже стемнело. Где-то недалеко зажгли большой костёр. От него несло сладким запахом лесной гари. Прислушался. Шёл громкий разговор:

– Давай его разбудим, а деньги заберём! Или ноги ему слегка подрежем! Кинем, свалим по домам. Надоели эти шакалы, начальники. Пусть кого другого вместо нас поищет!

Я вдруг понял, что это они про меня.

– Ты чё, я ещё на условно-досрочном, сразу менты повяжут.

– А давай его палатку подожжём, хай побегает!

Тени на пологе палатки мне казались страшными и уродливыми, не люди, а демоны.

Кто-то постучал по пологу:

– Бригадир, ты не спишь? Можешь выйти поговорить?

Я лежал, не двигался, а у самого сердце в пятках. Молчу.

– Спит, гад!

– Да ну его. Пошли, вмажем самогонки, а потом вернёмся, разбудим.

Шаги стихли. У меня сердце колотилось, как у зайца, норовило выскочить из груди.

Вдруг около будки машины раздался выстрел. Да у них оружие! Вот придурки!

Дело принимало совсем скверный оборот. Что же мне де-

лать? Живым бы остаться.

– Давай по его палатке мелкой дробью. Подумаешь, немного в штаны наложит. Ха-ха-ха!

– Нет, давай лучше его подожжём, а потом пару ведер воды выльем, пусть поплавает! На зоне одному это устроили, так тот аж уделался!

Так громким смехом, матом и выстрелами, постепенно приближаясь ко мне, они показали мне, на что способны. Уроды!

– Мужики, ура, есть бухло! Лысый достал в посёлке! Он пришёл к бабке, а она не продаёт ему! Не дам, и всё, хоть убей, говорит. Пришлось припугнуть, забрал всё же у неё здоровую канистру. Ну, Лысый, молодец!

– А сам-то он где? Не хочет поучаствовать в охоте на сладкую дичь?

– Наливает всем в кружки. Пошли! Отоваримся по полной, он и закуску принёс тоже!

И, гогоча, они удалились к себе в будку. Всё стихло. Про меня на время забыли.

Что делать? Я же за всё отвечаю тут. Поэтому, быстро растегнув молнию на дверях палатки, пошёл к 131-му и рванул дверь будки.

Там было накурено, воняло чем-то кислым, может, какой-то травой или ещё чем. По полу вызывающе каталась пустая бутылка. Все сидели за столом, у каждого в руках была кружка, наверно, с самогонкой.

– Вы что творите?

– Ты это, дай нам денег, только и всего. И будет тихо, – после возникшей паузы ухмыльнулся Лысый. – У тебя же денег уйма, а так, по-другому, мы тебя кончим, нам терять нечего. Пропал где-то в лесу и всё! Один тут уже пропал, а как гоношился!

Обстановка накалялась. Я понял, что передо мной сидят уже не люди, для них уже нет ничего святого, и они готовы на всё. Проклятые, обезумевшие зэчары. У всех на хавальниках были злые улыбки. И эти слова о пропаже кого-то из них... А что, если это...

– Ты не понял, деньги давай! – Лысый покачивал голову, ухмыляясь, для убедительности даже растопырил пальцы, подняв вверх оба мизинца.

Я попытался как-то остановить этот беспредел:

– Это же деньги на еду, бензин, работу!

– А нам-то что! А знаешь, давай выпей с нами.

Он протянул мне свою кружку. Я отвёл её в сторону.

– Что, брезгуешь, начальник? Белая кость? Тварь!

Он схватил со стола большой нож и двинулся на меня:

– Зарежу! Ненавижу!

Раздались крики:

– Давай! Давай его прямо тут опустим!

Я отпрянул, закрыв дверь будки прямо перед мордой Лысого, потом кинулся к своей палатке за сумкой, где были деньги. Не помню, как успел её схватить».

Наш костёр внезапно проснулся от тлеющего сна, загорелся и осветил своим красным холодным светом нас, сохнувших под пологом слушателей. Всем было интересно.

А рассказчик продолжил:

«Я бежал и лихорадочно думал, что делать дальше. Чувствую, эти придурки уже меня догоняют. Они зверели всё больше и больше:

– Стой!

Я резко остановился и обернулся. Лысый не ожидал моей остановки. Он с пеной у рта по инерции подался вперёд и от этого упал на четвереньки, а в его руке сверкнул нож.

– Ну ты попал! – крикнул он мне. Он стал размахивать ножом и рыть землю, вонзая его по самую рукоятку: раз-раз-раз, кровожадно рыча, как хищное животное.

– Зарежу! – завопил он. Подоспели остальные, встав в полукольцо за его спиной.

– Ты попробуй, кинься! Этот нож воткну в твоё вонючее горло! – сказал я тихо, но так, что все застыли, не ожидая такого поворота событий.

Воцарилась зловещая тишина. Да, картина маслом. У него: ямы в земле ножом; у меня: пружина какая-то внутри и мысль, что я его прикончу, воткну его же нож в глотку, и никто ему, этому злодею, не поможет.

И вдруг, сам не ожидая от себя, я пошёл вперёд. И они почему-то расступились, пропуская меня. Воспользовавшись их замешательством, я рванул в лес!

Через некоторое время раздались выстрелы. Они устроили на меня стрельбу, как в тире, настоящую охоту. Хорошо, что они были в стельку пьяные, плохо соображали и стреляли мелкой дробью, всё обошлось без последствий.

Вдруг земля словно ушла вниз. Сумка улетела куда-то в сторону, а я кубарем свалился в ночную пустоту, в овраг, и потерял сознание.

Когда очнулся, было совсем светло. Стояла тишина. До лагеря, оказалось, было около двух километров. Увидел 131-й вдалеке, потом подкрался поближе. Дверь будки была открыта настежь. Я помнил о ружьях, поэтому осторожно заглянул внутрь.

На нарах с краю сидел Лысый, качаясь вперёд-назад, и его голова с выпученными безумными шарами тоже раскачивалась, как маятник. Овощ и овощ! Жуть!

– Покурили, выпили, денег давай... – пробормотал я. – Погуляли...

В столе торчал тот самый нож, который я чуть не воткнул в этого демона, не взял грех на душу».

Рассказчик встал и в наступившей тишине подбросил в костёр нарубленный хворост.

– И как всё закончилось? – спросил Сергей,

– Да вот собственно и всё. Исчезли работнички. Свалили. Их вещей-то в 131-м не оказалось.

– Как, совсем смылись?

– Да, сдулись, уехали домой. Бросили инструмент, свои

вонючие роботы. Хорошо, что хоть водитель не убежал. Когда протрезвел от дурной сивухи, рассказал мне, что пили самогон, курили чего-то там и сдурели от этого конкретно. Лысый полез на мачту ЛЭП, чтобы лучше расслышать сигнал по сотовому телефону, да сорвался вниз башкой о землю. Наверное, другие испугались, просто дали дёру.

Короче, я сам тогда вызвал скорую и полицейских, перенёс все разборки, как говорится, доказал им, что ни в чём не виноват. Видел, как Лысого погрузили в скорую.

Всё так вот успокоилось. Работу, конечно, не сделали. Денег никто не получил. Да, каждый, наверное, думал, что он бессмертен, что у него есть ещё жизни, как в игре. Закончится одна, на – вторую, потом – третью. Лови! Давай! И что? Приехали! Как вот так жить? Зачем? Поэтому и сюда поехал работать с тревогой на душе. Какие тут люди встретятся, не знаешь».

Рассказчик умолк. Под пологом слышался настойчивый стук капель с деревьев, да потрескивал хворост, а по кругу вился едкий дым. Кровососы нас кусали, но казалось, что уже не так больно.

Повисла пауза.

– Да, с такими нельзя сюсюкать, – проговорил будто бы дремавший Анатолий.

– Такие думают, что у них, как у кошек, несколько жизней, не везёт в одной, повезёт в другой, это так называемый «синдром отложенной жизни», наверное, – произнёс Генна-

дий. Он расположился недалеко от огня, постоянно менял позу от его горячего воздействия, сгибая и разгибая ноги.

– Я их тоже много повидал. Работал когда-то в СИЗО. Сама система делает их такими. И они там сами себя делают. Что с него взять, когда ежедневно: «Статья такая! Суд тогда-то!». Следаки, нары, шконки, похавать, заложить, фуфло, бабло, zenки вылупил! Они живут потом, как волки проклятые, только лес свой знают. Детям своим потом рассказывают да ещё этим и гордятся! Те потом тоже смотреть туда начинают, их копируя. Озлобленные на всех.

– Да, точно, твари, – ответил ему Сергей, – никто из них, очевидно, ни в грош не ставил свою жизнь, поэтому и закончилось всё, как закончилось. – А вот со мной случился эпизод прямо противоположный, второй раз, можно сказать, родился.

И Сергей поведал свою историю.

«Вообще в жизни мне везло на приключения. Например, удалось как-то побывать в действующей угольной шахте на глубине; покачать крыльями пассажирского лайнера, даже его штурвал держал в руках; залезал на гору, где на высоте уже трудно дышать. Однажды сплавился на байдарке по горной речке, видел вблизи старт баллистической ракеты, страшно было! Даже порулил большим океанским кораблём; погонял на боевом танке ночью по приборам ночного видения; прыгнул с парашютом и многое-многое ещё. Но вот нафига я залез в кабину вертолётa МИ-2, до сих пор для меня

загадка.

Так вот. В кабине этого «геликоптера», так раньше называли вертолёты, есть всего два кресла: для пилота и пассажира, обычно техника-механика. И вот техник остался тогда на земле, не помню, по какой причине. Место было свободное, ну я и сел!

Летели над тайгой вдоль линий. Обзор хороший: стекло от пола до потолка, только смотри! Когда винт крутится, то достаточно шумно, поэтому надеваются наушники с микрофоном у рта. Надо тебе что-то сказать, нажимаешь на приборном щитке кнопку, говоришь, например, «привет!», а командир слышит и тебе что-то говорит.

Делали разведку. Часто подсаживались для дозаправки топливом из бензовоза, который ехал за нами по земле.

Вот и тогда-то взлетели, помню, после топливной заправки. Внизу было обширное болото: то тут, то там мелькала вода. Лягушек мы, конечно, с высоты не видели, но запах метана над болотом хорошо чувствовался.

Маршрут дальше проходил над массивом высокого кедрача. Он навис над сопкой сплошным зелёным облаком и становился всё ближе по ходу полёта.

Мы шутиливо переговаривались по внутренней связи, и, ни о чём не думая, летели и летели на заход солнца».

Теперь уже Сергей на правах рассказчика встал и подкинул веток в костёр. Все сидевшие одобрительно закивали.

«Вдруг стало заметно тише, гул двигателя стих. А дальше

вдруг послышалось: чак, чак, чак, чак, чак, чак! Что это?

Я посмотрел на командира. Тот, ухватившись за рычаг управления, с ужасом смотрел на приборную доску. Видно было, что не что-то, а всё идет не так: мы стали быстро терять высоту, стала приближаться земля, то есть болото. Да, это был отказ двигателя.

Я раньше считал, что вся прошлая моя жизнь – это длинное-предлинное событие, а тут увидел и понял, что нет! Она – короткое мгновение! В памяти почему-то всплыла избитая фраза: «его жизнь вся промелькнула перед глазами». Да, именно. Каким-то калейдоскопом, когда видишь всё одновременно.

Зелёный горизонт тем временем стремительно опускался, уносясь в стороны. Я знал, что будет удар, ведь высота приличная. Сердце замерло в ожидании...

– Господи-и! Спаси-и!

Вот оно! Бах! Осколки лопастей, как снаряды в кино, словно в замедленном действии пролетели мимо».

Сергей, обхватив свою голову ладонями, покачался из стороны в сторону, помолчал и продолжил:

«Потом нас развернуло на сто восемьдесят, немного приподняло над местными лягушками и снова сильно кинуло о землю, окончательно заваливая машину на бок, причём, в мою сторону. Уже не полёт, но и остановки-то ещё нет!

Всё, однако, рушилось!

Вот она смерть, за окном в болоте, только руку протяни.

Разбилось стекло, пригнулся в другую сторону я...

Трава... Осколки...Моя жизнь...

Всё хрустело, трескалось, шипело! Потом наконец-то остановилось...

Всё. Живой...

Помню, как отстегнул ремень безопасности и свалился в наполняющую кабину воду, потом нырнул и с трудом встал на оказавшуюся где-то внизу дверцу.

Надо мной сидел боком командир, всё ещё пристёгнутый ремнём.

– Цел? – спросил он меня.

– Цел! – ответил я, – давай вылезать будем, раз живые.

Я отстегнул ремень и толкнул его в окно. Он, пулей выбравшись из кабины, помог и мне через это же окно выбраться.

Огляделись. Болото. Вертолёт на боку.

– Долетался! Хорошо, что в болото, а не на вон тот близкий кедрач, – пробурчал командир.

А до кедрача было-то всего метров сто... Просто по-везло.

Громкое шипение покинутого нами «геликоптера» заставило забыть о своей радости.

– Сейчас рванёт, – сказал я. Но всё обошлось».

Сергей приподнял кружку с чаем, как бы говоря тост.

«Нет, я не набожный, не подумайте чего. Но Бог, я понял, есть! Да, верно говорят, что на войне не бывает атеистов. По-

том появились спасатели, были экспертиза, показания. Помню, что уже в гостинице часов через пять у меня началась такая тряска, зуб на зуб не попадает! Дрожь какая-то глубинная. Налили тогда мне водки целый стакан. «Пей!». Я выпил:

– Что же в-в-ы м-м-не в-воду-то дали?

Не унялась дрожь и тогда!

– Пей ещё!

Даже закуски не надо было. Выпил ещё.

– Опять вода что ли?

Тогда выпил я целую бутылку водки, даже не почувствовав её крепости.

Утром долго смотрелся в зеркало, вспомнил всё. Ужаснулся.

– Ну что, запомни этот день – шестое августа, будет у тебя теперь ещё один день рождения, – сказал я своей физиономии в зеркале.

Вот и думай, в чём смысл жизни. Да в самой жизни и есть смысл. Простая мысль почему-то пришла мне тогда, как же я люблю эту жизнь! Каждой клеточкой, каждым вздохом! Когда позвонил жене и услышал её голос, так был рад, ведь всё могло быть и по-другому».

Сергею подлили горячего, душистого чаю, который тот начал с удовольствием отхлёбывать под звуки потрескивающего костра. И снова дым отгонял всякую нечисть вместе с мошкой, не допуская их в наш уютный круг.

– А зачем ты полез-то в вертолёт? Ты ж не лётчик, – улы-

бались мужики.

– Пускай бы без тебя командир лягушек бы и пугал! Да ещё и ангела-хранителя своего побеспокоил! Он у тебя есть, это точно!

Потом минорно звучала гитара. Пели все вместе песни о любви, счастье, просто о жизни. Подпевали все, даже те, кто не знал слов...

Как хорошо всё же жить...

Разошлись под утро, чтобы снова ждать и ждать конца этой мокроты. Спали до обеда, потом все молча поели. Разговаривать не хотелось.

А дождь в это время продолжал монотонно долбить, снова везде слышался надоедливый стук капель, везде всё жужжало и кусалось.

Развели костёр, чтобы согреться. Для этого серо-оранжево-желтые стволы сухих сосёнок и сучьев были нарублены, напилены на полешки, сложены в огромную кучу под полог из полиэтилена. И снова густой дым от намокших веток и лапника кружился лениво то в одну, то в другую сторону и, как живой надоедливый умник, устремлялся за любым человеком, приблизившимся сюда «на новенького», лез в глаза, вызывая слёзы, заставлял снова задерживать дыхание, пережидать наплывы сладковатых его клубов. Он щекотал любому приблизившемуся сюда человеку нервы, как бы говоря, кто здесь хозяин. Комары вместе с мошкаррой чуть отгонялись им на безусловных его правах, чтобы потом, пока дым

делал передышку из-за слабых порывов ветра, давать насекомым снова и снова жужжать и кусать людей без усталости и сожаления.

Сидели, думали каждый о своём. Молчание прервал Олег. Как раз в это время дым перекинулся на него, да так свирепо, что его глаза заслезились и дыхание перехватило. Он чуть пригнулся от надоедливого дыма.

«А хотите и я вам расскажу. Вот со мной был случай такой. Представьте заводские будни небольшого завода вдали от магистралей и аэропортов. Там люди жили и живут по привычной схеме: утро-вечер. И от дыма страдают тоже! Завод получил заказ изготовить партию стальных резервуаров для хранения нефти. Работу поручили опытной бригаде сварщиков. И тут нас, студентов, прислали из техникума на практику, определили в цех подсобниками. Мы ещё, конечно, совсем пацаны, даже в армии не были. Усы только пробиваются – пушок. Я попал в пару с Трофимычем, самим бригадиром.

Мужик был старой закваски: ворчливый, нудный, иногда грубый, заносчивый, жёсткий, порой даже жестокий. Он держал бригаду сварных в ежовых рукавицах. Ему не прекословили. При этом уважали за профессионализм, а также за то, что он пахал, как все, от работы не отлынивал, а, напротив, брал её самую трудную часть на себя. Сначала тот был очень рад напарнику и даже сначала хвастался этим фактом:

– Не первых практикантов-то прислали, а всё-таки, – го-

ворил он гордо. Но решил по старой традиции для начала своего практиканта слегка помуштровать. То заставит меня придерживать для прихвата заготовку, а сам зайдёт за резервуар и выкурит пару сигарет, специально забыв о моём существовании. Потом, когда вернётся, начинает распространяться о том, что молодые руки держат не то и не это, что всё сдвинуто, и надо снова мерить и приставлять, прихватывать по новой. Деталь после прихвата надо было обваривать по периметру, и это тоже поручалось мне. Или вот, например, когда мы находились вдвоём наверху резервуара, скажет принести с земли что-то, а потом это оказывается и не то, и мне приходилось раза три спускаться и подниматься. Не дай Бог что-то, где-то не так. А сколько матов и проклятий сыпалось потом от Трофимыча и не пересчитать. Короче, так он меня достал! Я даже плакал, но чтоб Трофимыч не видел.

Одним словом, возненавидел я его всем сердцем, всей душой. Дальше – больше: придирки и издевательства становились всё злее и изощрённее. У всех парней наставники, как наставники, а тут – «злая собака».

Вечером в бытовке бригадир в одиночку засаживал шкалик и молча уходил.

Однажды варили лестницу к резервуару. После сварки шлак сбивали кувалдой. Чтобы сбить окалину, приходилось стучать прямо по стенке железного изделия, пугая округу эхом от ударов. Трофимыч естественно поручил мне эту работу, а сам пошёл курить в бытовку. Уж я там от души тогда

наяривал кувалдой по пустой цистерне... Бам!...Бам!... Целый час бил. Звон в ушах был, как пытка!

Мелькала школа, начало учёбы в техникуме. Вспомнил похороны отца. Мать потом ушла к какому-то залётному фраеру, мы остались с младшим братом одни, и много чего ещё. Голодно иногда так было. А тут ещё свирепое лицо Трофимыча... Да сверху летнее солнце нещадно палило, будто заключило союз со звоном и грохотом.

Тут поплыло всё перед глазами, и я потерял сознание. Очнувшись, увидел Трофимыча. Я испуганно вскочил. Бригадир даже не спросил, что со мной. Спокойно пошёл дальше. Тогда я взял в руки кувалду и с криком: «А-а-а! Ненавижу!» – изо всей силы ударил по звонкому борту резервуара прямо рядом с головой врага. Потом одумался, бросил кувалду, отбежал метров на тридцать и стал ожидать реакции.

– Придурок, – только и пробурчал Трофимыч. Затем достал сигарету, закурил и зло добавил:

– Сопливый придурок! Сдурел, придурок!».

Рассказчик немного прервался, тоже закурил, хотя дыма всем сидящим у костра хватало.

«Не последовало дальше между нами никаких объяснений и извинений. Ненависть стала для обоих хронической, ушла внутрь под кожу.

«Пойдём сюда, балбес, варить будем полку», – как-то сказал бригадир. Мы поднялись на самый верх железяки, потом спустились по внутренней лестнице с переноской в ру-

ках. Лампа горела, пока мы не оказались на дне сооружения, и вдруг почему-то потухла. Люк, куда залезли, высвечивал только квадрат синего неба наверху. Воздух здесь был горячим и спёртым от нагретых стальных бортов, что дышать было трудно.

– Иди, узнай, что там такое, – приказал Трофимыч. – Я здесь побуду. Да не будь конченным, возвращайся скорее.

Так я оказался на свободе. Дул ветерок. Хорошо!

Мысль родилась мгновенно. Я закрыл люк тяжелой крышкой и накинул гайку. Тотчас послышался тихий крик Трофимыча с проклятиями. Быстро спустившись по лестнице, я увидел...да, да кувалду, с которой потерял сознание, и со всего размаху бабахнул по железяке, вложив в удар всю злость, а потом стал неистово бить эту звонкую стену. Обесилев, бросил кувалду.

Но каково же ему там, в темноте? Ужаснувшись, я уже простил жалкого Трофимыча и, освободив крышку люка от стопора, быстро откинул гайку,

Огромная крышка, как пушинка, отлетела в сторону, и на свет, как чёрт из табакерки, выскочил бригадир. Прыгая через ступеньки, он спустился по лестнице и, оказавшись на земле, оглянулся как-то виновато на меня и потом вдруг рухнул на землю.

Пришла очередь испугаться мне. Я подбежал к мастеру и ну его тормозить. Однако тот не подавал признаков жизни. В голове набатом застучала мысль: «Умер, и это я его убил!».

– Очнись, Трофимыч, только не умирай! – закричал я. – Я не хотел так!

На крик подоспели люди, вызвали скорую, бригадира увезли.

Потом в бытовке посмотрел на его шкафчик. На дверце была фотография красавицы в бикини, которая символизировала всю его спокойную жизнь до сегодняшнего инцидента. А теперь её нет. Всё. Мне тюрьма. А как же брат?

Чуть позже я пошёл в кардиологию, куда доставили Трофимыча. Била дрожь. Вдруг бригадира уже нет в живых? Мимо спящих врачей тихонько на цыпочках прокрался в палату, где он лежал.

– Прости, Трофимыч, бес попутал, я просто пошутил, дурак, – проямлил я, наклонившись над больным. – Ну виноват!

На что тот еле слышно ответил:

– Да ладно, чего там, бывает.

– Не умирай только, ладно?

– Постараюсь...

– Вот, сок принес тебе, пей.

Потом ещё долго стоял над неподвижным бригадиром, видел, как капельки раствора уходят тому в вену. Слезы стояли у меня в глазах, было стыдно.

И вдруг показалось, что Трофимыч не дышит. Склонившись над койкой, я вдруг услышал:

– Шутки такие, шутки...

Тут же помчался за помощью. Но прибежавшие врачи выставили меня за дверь.

– В реанимацию, срочно!

Потом мимо меня проследовал накрытый простынями бригадир с хлопотавшими по ходу движения каталки медсестрой и врачом.

А ещё через какое-то время проклятый инфаркт отступил.

«Спасибо, спасибо, Трофимыч!». Нет, я не плакал, просто слёзы, никого не стесняясь, выходили из души.

Я так никому и не рассказал о происшедшем, просто бригадиру стало плохо и всё».

Все молчали. Видно, что всех задела эта история. Анатолий в своей вязаной шапочке встал и подкинул в костёр ещё полешек, вызвав полёт множества ярких искр.

– Да, такое вот наставничество. Раньше оно было даже обязательным. Потом подзабылось. А зря... Правда, наставники-то разные бывают. А где их наберёшься, хороших? Встреча с настоящим мужиком нужна любому парню. Ладно, если у тебя есть отец, когда он даёт ремня, с ним начинаешь понимать, что можно, а что нельзя, иногда он даёт один урок на всю жизнь. А тут ты сам учился жить. Вот и получается, если нет мужика в семье, то и не на кого опереться, не у кого спросить совета, как жить, как поступать. Наверное, у каждого из нас было что-то такое в молодости, за что до сих пор стыдно. А сейчас вообще стыд не в моде, да и слабые

пацаны пошли, многие без отца растут. А рядом кто? Ведь у нас везде одни женщины: дома – мать без мужа, в садике – воспитательницы, в школе – учительницы.

Порассуждали ещё немного. Незаметно наступало утро. Стало совсем светло. Дождь всё отбивал свою ритмичную музыку, обложной, долгий.

С неохотой покидал тогда я этот наш костёр, в палатке потом вспоминал и вспоминал рассказы, а ещё наши песни, пока не окунулся в сон. Про телефон тоже свой вспомнил, что надо бы позвонить сегодня домой. Там так ждут моего звонка...

К обеду прилетел вертолёт, кстати, тоже МИ-2. Он привёз продукты, как-то прорвавшись сквозь заставы дождя.

Летчик сразу спросил, что за автомобиль или генератор работает постоянно здесь у нас, и так удивился, когда мы ему ответили, что это просто голодная стая комаров стучит и жужжит с другой стороны палаток на улице. Зашёл разговор о дожде.

– На этих площадях дождь будет ещё три-четыре дня, – узнали мы от него.

– А нам-то что же делать? – чуть не взвыли все мы. Перспектива мокнуть без работы, дальше скармливая себя комарам, не радовала.

– Да, ребята, мне очень вас жаль. А давайте попробуем прекратить дождь! Может, пошаманим, а? – предложил командир. Видно было, что он опытный, но мы сначала не по-

няли.

– Как это? Вы что можете повлиять на погоду и прекратить дождь? – удивились

– Условие такое: надо в это всем хорошенько поверить.

– Да мы уже хоть в чёрта поверим, достала уже эта мокрота! Дело надо делать, а мы тут комаров только кормим, – в один голос ответили мы, – конечно, давайте попробуем.

– Сколько нас человек? – спросил лётчик.

– Семеро, с вами восемь.

– Надо девять.

– Прямо вот так девять?

– Да. Ладно, попросим механика. Тем более, что нам пришёл запрет по метеопрогнозу на полёты. Действо надо проводить, как у шаманов, на закат солнца.

Пришлось определять и высчитывать местоположение запада по компасу в момент заката, ведь тучи надёжно его закрыли.

– Нам понадобится ещё девять заострённых четырёхметровых жердей из ивняка. Их быстро вырубili, заострили, бегом принесли к ногам командира. Доложили готовность, ведь когда скука и безделье, то любая работа радует.

Но вот наконец все собрались. Минуту постояли молча и потом вдвядтером двинулись к самой кромке воды, на реку. Каждый нёс жердь и думал об окончании постылого дождя. Песок на речном пляже чуть поскрипывал под ногами, словно сомневаясь в реальности происходящего. Мокрые капю-

шоны, болотные сапоги, жерди, идущие друг за другом мы. Каждый в тот миг думал с усмешкой, что не хватает только алтаря и жертвы юной, всё было пока так нереально, так обманчиво.

– Живой огонь нужен в ритуале, – сказал каким-то сухим трескучим голосом командир. Поэтому, не доходя пары метров до воды, мы остановились, разожгли костёр из веток, плеснув туда бензина.

Он выстроил нас в круг и снова попросил каждого поверить, что дождь прекратится и, главное, сильно-сильно пожелать этого.

– Вы только будьте серьёзны и уверены в этом, и всё сбудется.

Где-то за тучами находилось закатное солнце. Уточнив по компасу его местонахождение, лётчик воткнул с размаха свою жердь тонкой верхушкой в песок.

– Делай, как я!

И по этой команде вскоре все девять жердей были с размаху воткнуты в пляж.

Получился неподвижный круг из жердей и копошащихся рядом людей.

– Делай, как я, думай как я, повторяй за мной! – громко сипел командир.

Он повернулся спиной к западу и, широко разведя руки в стороны, резко сомкнул их вверху над собой, потом, как бы обращаясь к кому-то, крикнул:

– Хочу, чтоб не было дождя! Дождь, прекратись!

И он упал на колени перед костром. Каждый из нас по его примеру сделал то же самое, каждый упал на колени и разводил и сводил руки, обращаясь наверх, кричал.

Были там тогда мы, девять взрослых мужиков, наедине с бесконечностью, просящих на коленях у природы пощады. Наши голоса слились тогда в одном мощном порыве. И девять жердей, воткнутых верхушками большим кругом, подтверждали, что всё серьёзно и всё обязательно сбудется.

Мы желали! Мы гнали прочь тучи! Мы были едины!

В лагерь возвращались, с тоской глядя на мокрые деревья и кусты, серое хмурое небо, ожидая уже действия нашего обряда. Разговоры только и были про чудеса природы.

– Учитесь ждать, – сказал нам тогда командир, и все разбрелись по своим палаткам.

А дождь не унимался и даже стал сильнее: стучал по веткам, лупил по палаткам, кидался шишками, иголками, противный, не хотел прекращаться!

Через некоторое время внезапно всё стихло. Дождь перестал! Не верилось!

Услышав громкий голос тишины, все пулей вылетели из своих палаток. обсохшее солнце резануло по глазам, улыбаясь нам своими волшебными лучами в полоске чистого голубого неба.

Нам не верилось. Но всем так хотелось чуда, и оно произошло. Мы были едины. Каждый был причастен к его со-

творению. Как же мало мы о себе знаем. И как же многое в жизни зависит от воли и устремлений человека!

Вчерашний ночной костёр почти потух, но дымком всё же напомнил о себе в наступившем летнем тихом утре. «Генераторы» с «моторами» жужжали, продолжая работать и удивлять...

Лагерь пробуждался.

Впереди был день, впереди была, наконец, работа!

Командировка

Однажды я приехал в город Донецк Ростовской области в командировку. Этот шахтёрский городок был небольшой, но в нём находились три шахты и достаточно крупный машиностроительный завод. Поселившись в единственную гостиницу, которая находилась в центре, я отправился на завод. Рабочий день там уже подходил к концу, но мне всё же удалось пройти на территорию, встретиться с нужными людьми, договориться о дальнейшем моём здесь пребывании, и через пару часов уже вернулся в гостиницу, захватив в магазине продуктов для ужина.

Номер у меня был двухместный, и я несколько не удивился, когда увидел ещё одного жильца, средних лет мужчину в тапочках на босу ногу.

– Здравствуйте, я Александр, – сказал я ему и прошёл в комнату.

– Здравствуйте, а я Виктор, – ответил мне сосед и заулыбался. С первых секунд мне стало ясно, что передо мной нормальный мужик, весёлый, примерно моего возраста, не зануда. «Мне повезло», – подумал я. Мы сразу разговорились. Выяснилось, что Виктор – шахтный инспектор, приехал на одну из шахт для проверки. Я же сказал ему, что инженер, приехал сюда в командировку на завод.

Время приближалось к ужину. Виктор тонко спросил у меня, где я собираюсь перекусить, а я в ответ показал ему на авоську с продуктами. Сосед достал из своей сумки бутылку водки. Мы быстро соорудили ужин, и вскоре после трех-четырёх тостов, как два кота, разлеглись на своих кроватях.

Виктор оказался неплохим собеседником. Он как профессиональный горный инженер здорово разобрался в тонкостях своей специальности, потому что раньше работал сменным мастером на шахте у себя в городе. Он рассказывал о нелегкой шахтёрской жизни, как в его смену произошел взрыв метана, и он был вынужден перейти в инспектора. Я слушал его с большим интересом, тоже в свою очередь говорил о себе. И тут мне очень захотелось хоть одним глазком посмотреть на шахту, на шахтёров, на их работу, когда постоянно над тобой висит угроза смерти.

– А можно мне побывать на шахте?

Я задал вопрос и даже не надеялся на положительное его решение.

– Да, конечно. Я всё организую, и в обед мы с тобой спу-

стимся вниз (на «ты» мы перешли сразу при встрече). В свою очередь я предложил Виктору побывать на заводе.

Утром я поехал на завод, где мне удалось начать переговоры с руководством завода по теме командировки и заказать пропуск для Виктора на следующий день.

Пообедав в столовке, я позвонил Виктору и с первых слов понял, что всё в порядке: моя мечта сбудется, и я спущусь в шахту. Виктор приехал за мной на машине, которую ему выделили, прямо к гостинице, и вскоре мы входили в здание шахтоуправления.

Познакомившись с правилами техники безопасности (их проходит обязательно каждый, кто спускается под землю), я переоделся в робу шахтёра: куртку, брюки, белую нательную рубашку и кальсоны. Также мне выдали массивный газоанализатор метана, тяжёлый аккумулятор, к которому подсоединялась лампочка для освещения, каску, резиновые сапоги и респиратор. Я прикрепил на специальный кронштейн лампочку к каске: очень даже удобно, куда повернёшь голову, там и светло. Аккумулятор был массивен и привешивался на ремень, туда же крепился и анализатор метана. Метан в смеси с воздухом, как известно, образует взрывную смесь, и этот анализатор должен оповестить об опасности. При проходке часто бывают случаи, когда в пласте угля шахтный комбайн встречается с метановой полостью. Там метан под давлением находится миллионы лет, а потом мгновенно высвобождается в атмосферу забоя. Происходит резкий выброс этого

газа, и любая искра приводит к взрыву смеси. Взрывная волна тогда пройдет по шахте, вызовет ожоги легких шахтёров, жертвы, а также многочисленные завалы и разрушения. Эти доспехи шахтёра (аккумулятор и анализатор) были тяжеловаты, где-то около пяти килограмм. Да к тому же на ремень ещё привешивался туесок с едой. В общем, свое отражение в зеркале я не узнал!

Просторный двор, яркое солнце проводили меня к высокой металлической конструкции с вращающимся барабаном. По тому, что прибыла вереница вагонеток откуда-то снизу, я догадался: это был подъёмник. Стали выходить шахтёры, и барабан остановился. Я подумал сначала, что это негры, только зубы сверкали. Они оживлённо о чем-то разговаривали, проходя мимо нас с Виктором, отдавая нас реальным чувством окончания трудной работы. Или всех своих страхов под землёй? Может, они радовались, что просто живы?

Мне уже совсем не хотелось спускаться куда-то в преисподнюю... Но Виктор... Виктор шагнул в неподвижную вагонетку и взглядом показал мне: «Садись!».

Мы начали спуск, всё скрылось из виду. Рядом двигалась транспортёрная лента, по которой на-гора поднимался уголь. Триста метров спуска (всего-то!), и вагонетка, наконец, остановилась. Попетляв по освещенным галереям, мы пересели в другую вагонетку и опустились ещё на двести метров (!). Любой человек, особенно тот, кто никогда не спускался в действующую шахту, испытывает ни с чем не сравнимое чувство

замкнутого пространства. А если осознаёшь, что над тобой гора, готовая раздавить тебя в лепёшку, и каждую секунду всё может взорваться и обрушиться, то становится совсем жутко. Суший ад! Короче, на глубину пятьсот метров я при-был на одних эмоциях.

Дальше предстоял путь пешком. Горели светильники, освещающая проход по галерее. Надо было идти! Наши шаги звучали в такт, делая всё происходящее каким-то нереальным.

Свод галереи справа и слева подпирали частые бетонные крепи. Некоторые из них были изогнуты, так на них давила гора. Транспортёрная лента, достаточно широкая, находилась в постоянном движении. Между ней и дорогой была канава, наполненная глубинной шахтной водой, которая успокаивающе журчала. Галерея, по которой мы шли, была длинная. В одном месте нам преградила путь большая куча породы. Камни были острые, большие и мелкие. Крепи во-круг повалены и сломаны.

– Что это? – спросил я у Виктора.

– Обвалился свод, – ответил он.

– Почему крепи снова не устанавливают?

– А зачем? Всё, что могло, уже здесь обрушилось.

Виктор показал на образовавшийся купол. Мы с трудом перебрались через завал, и, дойдя до конца галереи, упёрлись в стену. Но это, как выяснилось, была совсем не стена, это вертикально висели листы толстой резины внахлёст друг на друга. С усилием отодвинув один лист, мы попали в некую

замкнутую камеру – затвор. Тут и там стояли коробка, доверху наполненные мелкой белой пылью. Виктор пояснил, что это размолотая порода. При взрыве метана или угольной пыли, а оседающая пыль тоже взрывается, она переворачивает коробка, тогда пыль заполняет всё пространство этого затвора. Резина гасит часть взрывной волны и не дает огненному смерчу распространиться дальше по галерее и шахте.

– Что, страшно? – засмеялся Виктор.

– Страшновато, – честно ответил я, устремляясь за ним к висящей резине на другой стороне затвора.

Остаток пути по этой галерее был для меня самым трудным. Кислорода в воздухе было явно намного меньше, чем мы привыкли. Воздух был тёплый, поэтому дышать приходилось чаще.

– Это поток из шахты к поверхности. Отработанный воздух из нижних галерей и ярусов, но сейчас мы пройдем его, – подбадривающе сказал Виктор.

Мы повернули в боковой тоннель, снова прошли через затвор. Свежий воздух новой галереи был настолько резким, что от быстрого перехода даже закружилась голова. «Боже, зачем мне эти мучения? Вот ещё любознательный нашелся!» – подумал я про себя.

Потом начал опускаться свод, стала меняться и высота прохода по галерее. Крепи вокруг были напряженные, изогнутые. Пятьсот метров давали о себе знать. С каждым шагом мы наклонялись все ниже и ниже, пока я не начал до-

ставать дорогу руками. Мы, чертыхаясь, пробирались вперёд уже на четвереньках. Свет от лампочек на касках слепил глаза, пятнами метался по крепям, камням, отражался в тихо журчащей воде внизу под ногами. Дальше встретился купол от давнего обвала, и мы пошли нормально, поднимая голову. В сапоги попала вода, руки окоченели и не слушались. А лента с углём всё монотонно двигалась, нарушая легким шуршащим тишину пятисотметровой глубины...

– Хочешь посмотреть, как работает комбайн? – Виктор показал куда-то в уходящую даль галереи. В ней рождалось и тут же рассеивалось густое угольное облако. Пыль от комбайна была вездесуща, проникала в каждую мою клеточку, респиратор давно не помогал.

– Да нет, наверное, и это впечатляет, но пойдем уже обратно, – пробормотал я. Виктор быстро зашел в какую-то небольшую комнатку, где были пускатели, выключатели, реле, упакованные в контейнеры из пенопласта, что-то записал в лежащем на полке журнале, рассматривая контейнера. Очевидно, что это конечная точка моей экскурсии в тар-тар-ры...

Обратно мы пошли уже какой-то короткой дорогой. Подъем – это не спуск. А когда уже известно про будущее окончание ада, это дело даже радостное. Наконец-то я увидел дневной свет! И лопасти барабана уже возникли передо мной. Ура! Приехали!

В раздевалке я долго смотрел на себя в зеркало. В нём

отражался жалкий испуганный чёрный негр! Я улыбался и качал головой, и моё отражение качало белозубой головой тоже. Странно, я ведь ничего не делал, не работал, только прошёлся по шахте, а весь чёрный. Потом я долго мылся в душевой, отплёвывался углём, смывая и сажу, и стресс.

Виктор отправился в шахтоуправление, а я пошёл в гостиницу, и, выбрав самый короткий путь через площадь, почти бегом пересёк её. Быстрее отсюда! Да, в шахту я теперь ни ногой, как бы мне не было интересно.

Как же люди работают там всю жизнь? Кто-то из классиков сказал: «Ко всему-то подлец-человек привыкает»... Такой вот крепкий народ – шахтеры!

На другой день мы с Виктором из гостиницы, как и было запланировано к обеду, поехали на завод. Нам оформили пропуска, и мы прошли на территорию.

После посещения шахты я не знал, как себя вести с Виктором.

«Покажу побольше», – решил я, и началась экскурсия теперь для Виктора...

Пришли в огромный токарный цех. Здесь было множество станков, сновали быстрые электрокары, тенью работала сверху кран-балка. И запах...

Запах не горы, а горячей эмульсии, стружки. Вот важно шагают по цеховым проходам молоденькие девушки-контролёры, вот склоняют над обрабатываемыми деталями очка-

стые лица токарей, фрезеровщиков. Вот стеклянные кабины сменных мастеров с озабоченным видом по выпуску продукции. Народу!

Но этот цех совсем не удивил Виктора. На улице я спросил у него:

– Ну как?

– Да как в раю, – улыбнулся он мне в ответ, и мы пошли дальше.

Пришли в цех гальваники. Здесь выстроились в ряды несколько автоматических линий. Производство вредное, но нужное.

Здесь покрывались детали никелем и хромом. Автоматическая тележка сама выбирала детали, окунала их в ванны, занимающие всю площадь цеха. Обслуживал все эти умные тележки, подвески всего один человек. Это настоящее чудо автоматики, гордость завода.

– Ну как? – опять спросил я у Виктора.

– Как в раю!

И вот, наконец, мы подошли к цеху, который я наметил посетить первым, но из-за обеденного перерыва всё передвинул. Мы прошли в большие распашные ворота... кузницы.

Кузница! Вот рай! Вдоль стен стояли пять больших молотов. У каждого вес падающих частей с трехметровой высоты был больше десяти тонн. К молоту под большим давлением подавался по отдельной трубе пар, он дополнительно разгонял верхний боёк, и тот почти с утроенной силой бил

по заготовке, установленной на нижнем неподвижном бойке. Эти пять гигантов в обед, конечно, молчали, но должны были ожить, уже совсем скоро. На молотах штамповались заготовки размером с небольшого человека. Они разогревались в печи неподалёку и огромными клещами укладывались на нижний боёк для штамповки.

От печи шёл жар. Температура превращает твёрдый металл в пластилин. А он, горячий, манит к себе, зачаровывает, гипнотизирует человека: смотреть на него и смотреть! Вот уже появились нагревальщики в касках, шерстяных спецовках и ботинках с металлическими носками, предохраняющими ноги от повреждения при работе.

И началось! Люди подвели огромные клещи к печи и вытащили оттуда нагретый почти добела большой металлический цилиндр, затем повезли его к молоту. Появился кузнец – главный в этом процессе. Он включил молот, и верхний боёк, как лёгкое перышко, взлетел на три метра и стал вверху покачиваться, готовясь к удару. Первый удар молота был неожиданным в этом тихом, таком симпатичном мире обедов, очередей, проходных. От удара сердце ёкнуло, подпрыгнуло. Такой же эффект мы ощущаем, слушая громкую ритмическую музыку по низким частотам в стиле хард-рока. Второй и третий удары монстра были еще мощнее. Молот по движению кузнеца взмыл вверх, а огромные клещи уже закусил штамповку и потянули её на огромный пресс, где был удален излишек металла. Готовая штампованная де-

таль грохнулась в большой контейнер и осветила своим почти белым светом его дно. Но в цехе же пять металлических монстров. Краем глаза я заметил приготовления ещё у двух молотов. Будут одновременно работать три гиганта! Я даже немного испугался за Виктора. От ударов ещё двух исполнителей закачалась земля. Ударная троица нещадно била и била свои нагретые огромные заготовки, а сердце от нарастающего гула, казалось, скоро выскочит и остановится.

Я посмотрел на Виктора. На его лице был не просто испуг, был ужас! Виктор стоял в оцепенении, уставившись в разогретые болванки. Я не мешал ему воспринимать окружающее. Он после каждого удара пригибал голову, а потом цепко схватил меня за рукав куртки и, показывая на дверь, что-то прокричал.

Мы пулей выбежали из цеха. В ушах звенело, земля качалась, казалось, тишина оглушила. Так молча и добрались до гостиницы.

А вечером за столом долго говорили, как нам обоим было страшно, о красоте раскалённого металла и раздавленных крепях. Виктору, привыкшему к тишине подземелий, молчанию многометровой горной глубины было отчего сбежать из кузницы. Там для него был ад, который напомнил ему, быть может, о пережитом взрыве в его смену на шахте.

А я на шахте? Там для меня был ад, на глубине без воздуха, с обвалами, в пыли, под угрозой взрыва, с тусклой лампочкой, в сапогах и робе.

Виктор уехал утром, а я вечером. Больше мы никогда не виделись.

Грибники

Если следовать на север от города, то увидишь, что лесов становится всё больше, а бесчисленные поля сменяются колками, берёзовыми островками, которые кажутся зелёными брызгами на карте. И чем севернее, тем они крупнее.

«Куда поедем?» – спрашивали друг друга все, кто собирался завтра за грибами. Конечно, на юг ехать бессмысленно: берёзовые колки редуют, а там и целина рядом, бескрайние степи с суховеями. На запад или восток от города тоже можно ехать, но всё зависит от дождей. Нарвёшься на сухое место, будешь ходить по высокой траве весь день, кормить комаров, пыжиться, но ничего не соберёшь. Поэтому решили отправиться на север: там и дожди прошли хорошие, и лесные массивы большие, а грибы это любят.

«Есть такое знакомое мне грибное место около заброшенной деревни, там безлюдье. Можно в этот район и двинуть», – предложил наш водитель.

Итак, поутру в надежде на успех мы с корзинами отправились в путь. Отъехав километров сто по асфальту, свернули на просёлок. Лужи в дорожных ямах показывали, что здесь недавно были обильные грибные дожди.

Газель мы оставили на открытом месте, чтобы её изда-

лека было видно, и разошлись. Я решил быстренько идти по опушкам, где встречаются и обабки, и подберёзовики, и грузди.

«Какой-то воздух здесь особенный, звенящий», – громко разговаривал я сам с собой, шагая быстро прочь от машины. Люблю рассуждать так вслух про всё, что попадаетея, когда один, естественно, а то подумают, что больной. Особенно, когда выбираешь какое-то решение. Например: «Пойду правее или левее, или присяду, или отдохну».

Из-за леска сначала робко, а потом всё настойчивее стало проступать кладбище. «Вот надёжный ориентир, не заблудишься», – пробормотал я себе под нос. Моя корзина быстро наполнялась. Да грибы такие отличные: молоденькие крепыши, как на подбор, с толстыми ножками. Азарт охотника охватил меня, смял, заставил голову кружиться, гнал вперёд и вперёд.

«В воздухе густота какая-то, – удивлялся я, – и они, грибы, будто специально для меня выросли, прискакали к опушке, ждали, чтобы я их срезал. Хорошие вы мои, – хвалил я их, – спасибо, что пожаловали».

Вот и чёткий ориентир кладбища встал окончательно впереди на моём пути.

«Хорошо как! Я один на один с этим чудом, с моими грибами. Ура-а!»

Корзина уже была полна, и, опьянев от необычного воздуха, решил отдохнуть. Улёгся на спину, раскинув руки в сто-

роны, у большой красавицы-берёзы, долго глядел на синюшее небо и задремал. Жужжали мухи, стрекотали кузнечики, пели птицы. Красота!

Сколько проспал, не знаю, но внезапно проснулся от того, что кто-то кусает меня за ногу. Муравьи! Рыжие! Да много! «Эй, вы, что творите! – сказал я им громко, – больно же. Ну улётесь я к вам на тропу, так уже сваливаю».

На месте покинутой деревни виднелись следы запустения и разорения. Здесь когда-то люди жили, радовались, огорчались. А потом никого не стало. Деревня стала, видите ли, неперспективной. На месте покинутых и снесённых домов теперь лишь прёт высокая крапива. «А как это неперспективно жить на земле? – думал я вслух. – Ходить в школу, сеять хлеб, скот пасти; просто любить, наконец, или ненавидеть, страдать, болеть, умирать?»

Вспомнился мой поход на лодке по Иртышу. Однажды мне пришлось от самой воды подняться вверх по крутому обрыву и посетить такую же неперспективную заброшенную деревню. Тут сейчас вот домов уже не было видно, только бурьян, а там дома стояли. Домов десять-двенадцать вдоль самой кромки обрыва. Тогда я постучал в один из них в надежде, что кто-то там ещё живет. Помню, как я переступил порог. В комнате стоял спёртый, тяжёлый запах, а на кровати лежала бабушка. Увидев меня, приподнялась на подушках, а потом силы покинули её, и она уронила голову... Я испугался, не умерла ли она, настолько она была слабой.

– Здравствуйте,– промолвил я, – могу я чем-то помочь вам?

– Воды бы принёс из колодца, сыночек.

Я схватил ведро, побежал на колодец, а мысль была тогда в моей голове, что хоть бы она не умерла сейчас и что я ей помогу выжить, напоив водой. Она попила совсем немного, силы пришли к ней опять, но голос был очень тихий.

– Спасибо тебе, мил человек...

– Да, что вы. А как же вы здесь одна?

– А ко мне сегодня из райцентра дочка приедет, всё зовёт меня к себе. Забрать хочет. А как вот всё бросить? Здесь ведь всё моё добро нажитое и могилки мужа мово Ивана Федотовича да сына Володечки. Как же уедешь? – заплакала она.

Она ещё попила колодезной воды.

– Спасибо, сыночек. Легче стало. Я уж сама-то не могу встать. Хотела вот помереть сейчас и остаться здесь, да вот не удаётся...

Вышел оттуда в жутком настроении. «Только кладбище в дымке и осталось от бывшего. Грустно!» – сказал я вслух и быстро пошёл к машине.

Мой путь обратно проходил через редкий подлесок, затем я миновал большое открытое пространство всё в чертополохах, колючем осоте вперемешку с лебедой и крапивой. «Вот пройду его, и справа будет стоять машина», – сказал я себе, тому умному человеку. Но тот почему-то промолчал, таща давно потяжелевшую корзину.

И вдруг я увидел каких-то странных людей. Они нагибались, оглядываясь по сторонам, казались совсем рядом и в моём восприятии были и реальны, и нереальны одновременно. Они будто кружили по одному месту. В дымке на фоне кладбища картинка казалась зловещей.

«Тоже что ли грибники? Что это за зомби? Как из фильма про мертвецов», – сказал я вслух.

Меня заметили, оторвались от своих дел, и, будто плывя в дымке, жестами стали показывать в мою сторону. Вдруг один из них быстро направился ко мне! Жуть!

«Ноги, мои ноги, резвые, длинные, выручайте!» – я рванул изо всех сил к машине. Грибы посыпались на ходу, но я нёсся, не замечая потерь. Бежавший за мной тип между тем остановился, видно, понял, что меня не догнать. Замедлив бег, я с трудом перевёл дыхание, и, оглянувшись, увидел, как «мертвец», подобрав вывалившиеся из моей корзины грибы, пошёл к своим. Те что-то продолжали искать в траве. Я стоял, как вкопанный. Ждал. Во рту всё пересохло. Вскоре понял, что ждать-то и не надо, рванул дальше.

Окончательно отдышался лишь у машины.

– Ты что от кого убегал, на тебе лица нет? – удивились грибники.

– Ужас! Покойники что ли там ходят? Еле убежал, они на поле бежали за мной, – пробурчал я.

Все переглянулись. Корзина-то моя была полупустая в отличие от остальных.

– Да, крепко ты сдрейфил, раз все грибы растерял. Не покойники это. Люди. Тут раньше кузница была, двор МТС. На всю округу славились, потом всё распахали, – сказал наш водитель. – Вот теперь металл на этом поле и ищут. За день сумку килограмм тридцать-сорок вдвоём набирают. Потом сдают. Бухло здесь пятьдесят рублей бутылка, даже дешевле можно иногда взять, а закуска-то своя, что природа даст. Так вот и живут...

– И что они хотели от меня?

– Наверное, просто сигарет стрельнуть.

– Тоска им тут, сейчас вот твои грибочки пожарят и закусят, – засмеялся водитель.

– Много растерял-то? Давай корзину, – и грибники, улыбаясь, щедро поделились со мной грибами.

Собрали стол, расстелив полог на траву. Потом пообедали, и уже скоро тряслись по грунтовке на юг.

Встречных машин почти не было. Я понемногу успокоился и сквозь сон вспоминал муравьёв, покусавших меня, грибы на толстых ножках, выпавшие из моей корзины, страх перед зловещими мертвецами в мареве на фоне жуткого ориентира – кладбища. А места здесь грибные, однако.

Дело было в Ростове

Представьте Ростов восьмидесятых. Лето. Тепло. Не спеша движутся люди. Кажется, что они одновременно выша-

гивают по своим улицам-артериям во всех направлениях, быстро или медленно, плавно или рывками. Одни подолгу останавливаются в домах, другие садятся в автобусы, машины, трамваи, пропадают на время из виду, чтобы потом появиться снова и... снова вышагивать.

Довелось и мне как-то побывать здесь в этом городе по своим делам. Идти по вечернему Ростову пешком с портфелем и печальным видом «туда, не зная куда» было вовсе не трудно, а просто любопытно. Помню, проходя мимо большого магазина на площади, мне встретилась группа туристов. Экскурсовод дул и кричал в мегафон, призывая свою группу к сплочённости и вниманию:

– Товарищи! Официальной датой основания города Ростова считается 15 декабря 1749 года, когда императрица Елизавета Петровна, открыла здесь таможенный пост и основала крепость, впоследствии получившую название Ростов.

Надо же, 15 декабря – это мой день рождения. Совпадение, но так приятно. Даже теперь каким-то родным показался мне этот город. А в народе его ещё тепло называют «Ростов-папа».

Кричащий гид скоро исчез, позвав туристов в помещение, а я продолжил свой путь.

Гостиниц тогда было мало, а мест в них для любого приезжающего неожиданно сюда под вечер, естественно, не очень.

– А вы зараз идите на рынок в «Колхозную», там и переночуете, – сказала мне администратор гостиницы, что на

центральной улице. К этому моменту я посетил их уже три, отчаялся из-за отсутствия мест, поэтому совет воспринял с надеждой на удачу. После веерных расспросов у прохожих я получил сразу три разных маршрута, как найти Центральный рынок, и с помощью интуиции мне удалось-таки добраться до «Колхозной».

Таким образом, проследовав строго по упомянутой ранее кровеносной системе города из точки «А» в точку «Г» под названием «Гостиница», я, наконец, нашёл то, что искал: точку своей базировки, надеясь получить здесь место для ночлега.

– Ура! – уже кричал мне мой внутренний голос, и даже летний вечер казался мне уже не таким грустным.

Место мне всё же дали, но администратор за стойкой ехидно промолвила:

– Только зараз в комнате ночует много народу, человек тридцать.

Цифра «тридцать» слегка напрягла, но не расстроила. Пока я заполнял анкету, появились ещё люди, которые, как и я, хотели найти здесь ночлег. Я наизусть помнил свой паспорт, поэтому был обычно самым проворным среди приезжающих и первым по заполнению бумажек. А быть первым при конкуренции за место – это преимущество. Когда же на стойке возле пышногрудой дежурной замаячила табличка «Мест нет», я просто почувствовал себя счастливейшим человеком.

Путешествуя по городам, я обратил внимание, что все администраторши похожи друг на друга, как две капли воды: обычно это крашенные женщины неопределённого возраста. И эта табличка «Мест нет» применяется ими не обязательно тогда, когда их правда нет, а исходя из обстановки. Я не раз убеждался, что свободные номера обычно есть, но надо только суметь чем-то приглянуться этим людям, образующим некую касту.

Ключ от комнаты мне не дали. Он просто был не нужен, ведь двери всегда охранялись самым количеством людей и понятной цифрой «тридцать». Койки стояли рядами, а сама ночлежная комната была огромная, даже каких-то монстрообразных размеров. На спинках были пришпандорены картонные номера, нарисованные от руки, поэтому я легко нашёл своё койко-место и огляделся.

Всюду буграми возвышались кроватиные постояльцы, такие же, как и я, радостные от наличия места. Слышались и храп, и смех, и разговоры одновременно. Мужики, кто в трико, кто просто в трусах, расположились по-домашнему. Несколько человек сидели за столом, играли в «дурака», азартно шлёпая об стол карты. Окна были открыты настежь, но было накурено. Ещё припахивало носками, туалетом, хотя он находился в коридоре. Было влажно, противно и душно.

– Что, испугался, сосед? – спросил меня мужик слева, полужёжа на своей кровати.

– Да нет, всё как обычно, – ответил я ему, морщась от всего и от него тоже.

Устроившись в этот «шикарный» отель, я, наконец, вспомнил, что давно не ел.

– Послушай, сосед, где-то можно перекусить в это время?

– Беги в ресторан, там до полуночи, успеешь.

Быстро спрятав свой походный портфель под кровать, я понёсся туда с одной только мыслью: успеть поужинать.

Народу в ресторане было много. Та же всепроникающая духота вперемешку с табачным дымом висела в воздухе. Она царила здесь и была ещё сдобрена женскими духами и запахами кухни. Обратившись к уставшей официантке, я попытался вызвать у неё к себе чувство глубокой жалости.

– С дороги голодного накормите, пожалуйста, – попросил я.

– Ладно уж, покормим, – и она проводила меня к одному из столиков на свободное место.

Я заказал то, что осталось в меню: «Бедро жареного кочета», побольше хлеба, какой-то напиток, уселся лицом к эстраде и огляделся.

Там зажигали лезгинку: азартно, с южным неистовством, здорово. За соседними столиками хлопали в ладоши и смеялись женщины. Они явно гордились своими мужчинами, которых отправили в круг на этот темпераментный танец, хотя при этом как бы незаметно скользили глазами по залу, прицениваясь к публике. Мне даже показалось, что и меня не

обошли вниманием их хитрые глазки.

Надо отметить, что стол, куда меня посадила официантка, был просто завален закуской. К сожалению, чьей-то. Блюда были все изысканные. На соседской тарелке лежала вилка с надкусанным куском аппетитного окорока величественных размеров. Ожидали кого-то салаты, уже остывший шашлык с луком и специями. Музыканты тем временем выдохлись: не слышны стали переборы и пассажи, а усталость сделала их аккорды короткими, отрывистыми. Наконец, кто-то крикнул:

– Перерыв! – и вся разгорячённая публика хлынула к своим столикам выпить, запить, закусить... Мгновенно стал слышен звон бокалов, громкие обязательные и шумные тосты.

К моему столику подошёл и грузно уселся симпатичный мужчина средних лет с чёрными усами и бакенбардами. На груди у него болталась толстенная золотая цепь, поблёскивая в свете люстр. Это был хозяин столика.

– Здравствуйте, – громко поздоровался он, глубоко дыша, ещё не пришедший в себя от танца.

– Здравствуйте, меня вот к вам подсадили, – сказал я. Не обращая внимания на мои оправдания, он в ответ молча протянул для пожатия руку:

– Меня Романом зовут.

– А я Виктор, – сказал я первое, что пришло в голову. В пожатии чувствовалась и сила его, и слабость одновремен-

но. Удивительно, сколько рукопожатий приходится мужчине благодаря традиции сделать за свою жизнь. Бывают то твёрдые, волевые, то быстрые, но запоминающиеся. А иногда они мягкие, влажные, отзывающиеся непонятным тягучим ощущением, как длинный шнурок, какие-то безынициативные прикосновения. Так вот у Романа пожатие было по первому варианту с добавками из второго. Затем у нас был разговор, что вечер хорош и всё здесь просто чудно и здорово.

– Слушай, Виктор, а давайте выпьем водочки, – предложил вдруг Роман. Он жестом подозвал официантку.

– Принеси, Светочка, нам хорошей водки.

Та кивнула, и вскоре на нашем столике для безусловно-го уничтожения красовалась бутылка «Пшеничной». Роман быстро наполнил рюмки и провозгласил тост:

– За порядочных людей, нас так мало осталось!

Закусили из того изобилия, что громоздилось на столе.

– Давай ещё по второй, за нас!

Я с небольшим испугом обозначил, что выпил, и поставил рюмку на стол. А Роман не унимался. Сразу налил ещё.

– За знакомство! До дна! – воздвигнул новый тост он, чокнувшись с ещё не успевшей опорожниться моей рюмкой.

– Светочка, шампанского! – громко позвал он официантку, и вскоре налитые ею фужеры с холодным напитком звякнули под его усилиями неповторимым звоном.

Приступив к терзанию бедра цыпленка, помаленьку отхлёбывая прохладное шампанское, я был всецело поглощён

самим процессом поедания и прикрывал, как мог, свой фу-жер рукой, но собеседник всё время норовил подлить мне и сам не унимался, в одиночку ещё и ещё прикладываясь к напитку. Наконец, Роман опорожнил бутылку, и у него вдруг засветились глаза.

– Знаешь, Вить, хочу рассказать тебе одну историю, а ты, если можешь, помоги мне. Я не женат. Работаю здесь на рынке, рублю мясо. Мать говорит, женись, сынок, хозяйству нужна помощница. Ну что мне ей возразить, надо, конечно. Но только не умею я знакомиться с девушками.

Роман громким хлопком отсалютовал залу, умело не пролив пену из новой бутылки, явно привлекая к себе чьё-то внимание.

– Вить, она со мной танцевать не хочет. Я уже три раза приглашал её. Помогите. Пригласите на танец и объясните ей. Ну, про меня, – и он снова наполнил напитком оба фужера.

Музыканты заиграли снова. Я согласился помочь Роману. По описанию я сразу определил предмет его воздыханий и пригласил симпатичную девушку с русыми короткими волосами. Кружась с ней в медленном танце, я произнес ей на ушко:

– Видите вон того усатого мужчину за столом? – Он очень скромный и испытывает страх при знакомстве с девушками. Три раза он, несчастный, подходил к вам и не решался ни на что, даже заговорить. Пообещайте мне, что следующий танец будет его.

– Ну ладно, – ответила девушка.

– А как же вас зовут?

– Наташа, – улыбнувшись, ответила она уже около своего столика, куда я её проводил.

Благодарно кивнув ей, я вернулся к Роману и уселся на своё место.

– Как она, что? – Роман с нетерпением ждал от меня отчёта «за проделанную работу».

– Следующий танец твой, – я отхлебнул маленький глоток.

Музыканты опять заиграли медляк. И Роман медленно встал весь в своём неистовом волнении. Покачиваясь, он сделал несколько шагов вперёд, потом вернулся к столу, налил и выпил «для храбрости» ещё водки из рюмки и запил её шампанским. Ведь не зря же его брал! И... рухнул на стул без чувств.

Недалеко стояла и улыбалась Наташа. Она видела эту драму и рукой приглашала меня танцевать. А что было делать? Надо же сгладить момент. Танцевали мы с ней, смеялись, потом танцевали ещё и ещё. Очнулись, когда музыки не стало. На стуле, уложив голову на стол, спал скромный Роман. Мы с Наташей сгрести его и повели домой. Он, сам не зная как, но указывал направление к дому, так и не проснувшись толком.

Я и Наташа расстались утром. Сна не было. От её дома я на удивление легко и просто нашёл дорогу в гостиницу, тихо прокрался мимо спящей администраторши, улёгся на

кровать.

Уже горланили где-то на дворе первые ростовские петухи.

– Ну что, перекусил? – спросил сосед слева.

– Перекусил, успел...

– Доволен?

– Душно здесь, – ответил я и вырубился, быстрее стремясь к женскому образу под петушиные крики наступившего утра...

Да, Ростов. Побывав здесь единожды, хочется посетить этот город снова, чтобы почувствовать такое милое гостеприимство местных жителей.

В грозу

Он ехал через дождь, торопясь к сроку, который сам себе поставил. В конце дороги всем будет хорошо, поэтому надо быть пунктуальнее, хотя до окончания поездки ещё очень далеко.

– Доеду вовремя, – думал он.

Дворники мерно работали, разгоняя дождь по сторонам ветрового стекла. Его жизнь в последние перед сегодняшней дорогой дни была, как хроника в кинозале, с быстрым переходом от света к тени и наоборот. Обочина проступала неясно, поэтому приходилось не гнать, цепляясь за середину дороги.

Путь туда. Путь оттуда. Какие это разные отрезки в его

путешествии. Он вспомнил, что когда ехали туда, решил ей сказать всё: о надоевшем ему совместном быте, нелюбви, их предстоящем разводе.

А теперь встречные фары нещадно били по глазам, заставляя вспоминать и переживать уже существующую реальность, щуриться и прятать глаза.

Вспомнились эпизоды прошедшего дня, когда они бежали под дождём к машине, стоящей от них неподалёку. Наговорили массу всего...

– Надо как-то определиться, – сказал первым он, и голос при этом предательски дрожал.

– Что с тобой? – спросила она его.

– Нам надо расстаться. Нас уже ничего не связывает. Понимаешь, ни-че-го.

– А как же любовь?

– Да нет её...

Он уже боялся этого разговора, её ответов.

– Да и правда, нет, – её слова прозвучали приговором.

– Ну, конечно, нет, нет! – сказал он металлическим голосом, краем глаза заметив на небе довольно чёрную тучу, нависшую сверху.

– Закончится, наконец, наш театр, спектакль с ролями и вывертами. Так будет лучше нам обоим.

Ветер поднимал пыль, готовя дождь, а они здесь стояли, не замечая ничего вокруг. Было затишье, будто перед грозой: ни ветерка, ни звука.

Пока ещё не была пересечена точка невозврата, они не произнесли страшных слов: «Не люблю, уходи, прощай!», поэтому их диалог не перешёл в запретную зону и держался на общих фразах.

– Наверное, так будет лучше нам обоим. Я приеду за вещами завтра, но если ты настаиваешь, могу забрать их и сегодня, – заторопился объясниться он.

Раскат грома потряс окружающий мир, и было видно, как совсем недалеко наклонились от сильного ветра деревья под напором первых крупных капель.

– Никогда не встретимся? – она спросила и испугалась раскатов грома, прозвучавших словно в ответ на её слова. Тут же подул ветер.

– Что ты говоришь?

– Я говорю: никогда не встретимся! – она громко повторила свою фразу. Близкий гром снова бабахнул и оглушил обоих.

– Поговорили! – прокричал он.

Реально, ощутимо повеяло сыростью и прохладой.

– У тебя кто-то есть? – снова крикнул он.

– Тебе-то что, ты давно стал чужим со мной, иди к своей...

– Значит, есть?

– Нет! А у тебя?

Его ответ потонул в громе, когда словно множество орудий выстрелили одновременно.

– Что плачешь? Не плачь! Ничего страшного! Найдёшь

себе кого-нибудь!

Первые мелкие капли уже чувствовались на руках и лицах.

– Я не плачу! Это ты рёва!

Молнии стали осязаемы, били где-то рядом, освещали их виноватые лица, стоящую неподалёку одинокую машину.

Всё кончено!

– Ну что, расходимся?

Она в ответ как-то нелепо закивала головой и заплакала. Впрочем, слёзы видел только он. И уже крупные капли дождя начали сначала незаметно, а затем всё более интенсивно бить по ним, будто отрезвляя обоих.

– Пойдём в машину! – крикнул он, глядя на неё, и тоже понял, что она видит его слёзы. Оба были сейчас такими жалкими и мокрыми.

– Это я что ли во всём виновата, – прокричала она, – ты просто негодяй!

– Да, негодяй!

Дождь пошёл сильнее, как-то сразу намочил, накрыл обоих, но они уже никуда не спешили. Молнии искажали их лица, объяснения были на пике эмоций. Подул порывистый ветер.

– Я так тебя любила, а теперь ненавижу! – кричала она ему в дождь.

– И я тоже ненавижу! – вторил он ей в гром.

Лило как из ведра, а они продолжали стоять, несмотря на

начавшийся катаклизм и буйство высших сил природы. Но вот он обнаружил у себя в руках зонт, который, оказывается, предусмотрительно захватил с собой, неловко и суетливо начал его раскрывать и, с большим трудом раскрыв его, водрозил зонт над её головой, как-то забыв о себе.

– Спасибо, пошли!

Они вдвоём заспешили к стоящей машине.

Дорога бежала, унося его всё дальше в воспоминания...

Вот опять ослепила встречная, он снизил скорость. Потом нашёл «разделительную» и успокоился.

Вспомнилось, как они одновременно открыли двери и, промокшие, плюхнулись внутрь машины. Стёкла сразу откликнулись на тепло их тел и запотели. Зонт остался смешно мокнувшим под потоками воды и таким бесполезным, когда с неба льёт река.

Они посмотрели друг на друга, заулыбались и под впечатлением происходящего дружно рассмеялись над своими обидными словами, сказанными друг другу ранее. Обстановка разрядилась.

– Так расходимся? – спросила она.

– Конечно! – ответил он абсолютно серьёзно.

– Давай только быстрее разбежимся, – улыбалась она.

– Нам уже никак нельзя без этого!

– Чего этого?

– Этого!

И он поцеловал её красивые мокрые губы, сам теряя рав-

новесие в реальности.

– А ты же меня не любишь, уже и вещи собра.., – второй поцелуй, как раньше гром, помешал ей закончить фразу. Молнии озаряли вспышками стоящую машину с запотевшими окнами.

Потом она согрелась от тепла и близости, уснула на сидении, умытая дождем, счастливая, нужная...

Он тем временем продолжал ехать дальше, цепляясь за прерывистую линию. Шёл мелкий послегрозовый дождичек.

Путь туда. Путь оттуда. А рассвет уже тлел на востоке, да дворники мерно качались, будто говоря: «Молодцы!»

Его уставшее от пережитого счастье посапывало, свернувшись клубочком на соседнем сидении, напоминая о том, как хорошо было им вместе.

Если не знать, сколько времени, то трудно определить, сколько его тут промелькнуло для них в одно мгновение.

Начиналось утро. Он улыбался ему. Улыбалась во сне и она.

– Доеду вовремя, – подумал он.

Вторжение

Как-то мне вспомнился случай. Была, нет, стояла, красивая пора первоосенних тёплых дней бабьего лета. На деревьях ещё сиял зелёный цвет, но уже кое-где бил по глазам жёлтый. Листопада пока не было, но каждое утро на весь лес

ложились обильная роса. Хотя она была и холодная, но серьёзно ещё не воспринималась природой и была первопричиной предстоящей тотальной желтизны всех листьев.

Помню, когда мы, охотчи люди, приехали на одно из лесных озёр, начинался рассвет, и солнца с его длинными утренними лучами ещё не было видно. Всё окружающее казалось серым и однотонным, ожидающим этого самого солнца, которое-то и должно будет раскрасить все предметы в привычные яркие цвета дня.

Лес стоял тих и загадочен. В нём на ночь притаились спящие быстроногие животные и стремительные птицы.

Мы прибыли на охоту, одним словом, на утку. По приезду все тотчас принялись бегать и суетиться. Везде стали слышны дружные, частые вздохи лягушек-насосов, надувающих лодки. Кто-то снаряжал ружья, вытащив их из чехлов, рассовывал по патронташам и карманам патроны со свинцовой начинкой. Надо же первому занять себе место на озере в камышах, и чтобы была обязательно рядом свободная вода, и маршрут перелёта птиц чтоб был неподалёку.

Вот уже первые люди в броднях и камуфляжных костюмах проворно начали своё движение к воде и потянули на своих плечах туда надутые лодки. Глядь, и они уже отталкиваются от берега и гребут быстро своими маленькими вёселками, скрываясь в утреннем мареве. Потом там, сидя в своих лодках, они примут удобную позу, достанут сигареты и перекурят, ожидая начало всему.

Но подготовительные действия, включая их исчезновение, продолжаются считанные минуты, и вся кампания замирает, дожидаясь восхода солнца, которое вот-вот разбудит спящую птицу, поднимет её на крыло, заставит лететь к ним, замершим в напряжении.

На этом озере предстоит разыгаться трагической драме, в конце действия которой будут безжизненные тушки застреленных в азарте птиц с их безвольными, верёвочными шеями. Для птиц мы, люди, убийцы, варвары, в упоении поедаящие их плоть и испытывающие наслаждение от этого.

И я был, как все: одет в хаки, экипирован оружием, патронами. Только вот энтузиазма, азарта, желания почему-то абсолютно не испытывал. И уже на подъезде по ухабистой дороге сюда моё настроение всё менялось и менялось, а внутренний протест против самого действия охоты усиливался. Мне стало жалко дичь. Не надо мне сейчас греха. И я решил остаться на берегу, в лагере, не участвовать во всём этом.

Ах, эта наша людская постоянная двойственность, эти бесконечные в душе «да и нет», когда хочется и не хочется чего-то одновременно. Она толкает, наверно, людей на измены, неискренность, обман и простую глупость. И я даже ощущал, что находясь здесь, всё-таки принимаю участие в происходящем, и вина моя в предстоящем массовом уничтожении птиц очевидна.

Так в утреннем сумраке на берегу я остался один. Нет, точнее, вместе с ещё нетронутым, нестреляным зыбким ми-

ром. Тишина казалась мне особенной, набухшей и ватной. Но скоро, скоро солнце...

А я ничего не могу изменить и в бессилии начинаю произвольно шагать прочь от озера, брести сначала по берегу, а потом по дороге к лесу, безмолвие которого должно скоро будет закончиться от звуков выстрелов.

Туман клочками белел в лощинах, скрывал часть деревьев. Но именно господину лесу, его верхушкам, достался первый луч солнца. На него-то и смотрели из лодок, из гнёзд соответственно люди и птицы. Именно лес начал охоту, обозначил и натурально проявил себя и другие предметы. Освещённый первым лучом солнца лес-то и поднял уток. И те полетели сюда, к озеру. Дурные, несмышлёные. Здесь чучела, и ружья уже вскинуты, и ждут камуфляжники. Сейчас начнётся...

У наших охотников – возбуждение, азарт. У них – испуг, смерть, бегство.

Внезапно пошла истеричная канонада. Я ускорил шаги. Сначала миновал мелкий подлесок, который примыкал к озеру, а потом дальше я забирался в глубь леса, шёл быстрее и быстрее, не глядя под ноги. Деревья обступили меня. Ветра не было. Глухими хлопками звучали выстрелы, и они становились с каждым шагом тише.

Вдруг я наступил на что-то и, присмотревшись, не поверил своим глазам. Это были опята! О, они были везде. У корней мокрых от росы деревьев торчали семьями и поодиноч-

ке. Молодые, с загнутыми внутрь шляпами, на толстых ножках, красивые.

Я замер, боясь наступить на них снова, замерли и грибы во всём своём великолепии. Их было множество, нет, точнее, их было тут море. Они грациозно волнами поднимались и вдалеке, и вблизи, и куда бы я не переводил взгляд, не поворачивал голову. Здесь, в лесу, грибы правили бал. Они приветствовали меня, двигались в такт моим мыслям и даже заставили меня забыть обо всём на свете, даже вскружить мою голову этим танцем, заставили забиться сердце и по-новому взглянуть на себя как бы со стороны.

Заметив это место в лесу, я вернулся в лагерь за корзиной. Она у меня достаточно ёмкая, ведра на три-четыре. В неё я положил пару холщовых мешков от картошки на всякий случай.

Через пять минут я начал наполнять отборными грибами свою тару и так преуспел в этом, что за считанные минуты уже забил её доверху. Всё содержимое из корзины я аккуратно переложил в мешок. Короче говоря, в результате наполнил оба мешка и корзину доверху.

За три раза я перетасил всё собранное в лагерь, а там вытряхнул мешки в одну кучу, прямо на землю, потом подумал-подумал – и корзину тоже.

Грибное море не уменьшалось, оно перешло на другие рядом находившиеся поляны, куда я потом приходил ещё и возвращался снова в лагерь. Куча, куда я сносил грибы, по-

лучилась огромной, метра полтора-два высотой и в диаметре. Обессиленный, я улёгся у костра немного отдохнуть и заснул.

Мне снился сон, что моя лодка стоит в камышах, а на воде плавают чучела-приманки, чтобы заинтересовывать и сбивать с толку быстрых летящих птиц. Для окончательной картины у меня манок, который издаёт звуки селезня, привлекает пернатых. Это обман и драма жизни для птиц. И вот утки летят прямо на меня, на мою лодку. Я прицеливаюсь чуть вперёд по ходу и нажимаю на курок, потом дуплетом жму другой. Одна из птиц падает, спикировав с приличной высоты, врезается прямо в мою корзину, полную опят, прямо в лодку. Опята зашевелились, стали большими и скинули с себя упавшую на них безжизненную птицу. Хотя нет, совсем не безжизненную, а живую. Утка тряхнула головой, будто ото сна, и растворилась в утре. Чудеса! Азарт и само действие захватили меня целиком. То тут, то там слышались выстрелы. Летели утиные перья, а я смог рассмотреть свою добычу. Вот снова появляется утка среди опят, которые обступили её. Но птица мертва. Грибы печально расступились, чтобы мне можно было всё рассмотреть подробно. И мне стало очень обидно.

– Зачем я в тебя попал, милая? – сказал я утке. – Ты упала прямо в мои грибы. Что ты хотела этим сказать? Что жизнь коротка и оборвалась? Чтобы я понял, что стал виновником катастрофы, и от неизбежности и судьбы никому и мне не

уйти?

Абсолютная жалость к этому слабому, беспомощному созданию накрыла меня. Грибы траурно склонили свои шляпы. К вам, птицы, вторглись мы, горе-цари природы, люди в хаки на лодках. Здоровенные, такие беспощадные, злые.

Мне снился грибной вожак, как я наступил на него и как извинялся потом и перед ним тоже. А его разговор со мной был без слов, гармоничный, понятный, утешительный.

Вечером я уминал вместе со всеми кандёр с опятами, хваля повара. Всё хорошо, внушал я сам себе и винил людскую двойственность. Но какая-то обида на себя, комок в горле, у меня остались.

Грибы, что были свалены в кучу, потом разделили. Разделили и уток. Мне достались одна, наверное, та самая, из сна.

Тем временем бессмысленное вторжение в заповедные места сюда меня и моих товарищей заканчивалось. Взошедшая луна ярко светила и образовывала дорожку на воде озера. Природа в очередной раз простила человеку все его поступки и прегрешения и ответила звенящей тишиной. Она просто замерла в своём величии, словно приглашая нас, людей, куда-то по неповторимым серебристым лучам, туда, где солнце завтра снова начнёт дарить живые краски этому удивительному и прекрасному миру.

На озере ещё долго будут плавать пёрышки от подстреленных уток, в лесу же вырастут новые грибы.

Грачи прилетели

Возвращался я как-то из гостей. Посидели хорошо! Ну и пошёл как обычно по знакомой дорожке. И вдруг прямо передо мной забор. Из штакета. Да, блин, такой ладненький, новенький прям. Откуда? Как он тут появился, не знаю.

«Ну, крохоборы, отгородились, всё мало им земли!» – проворчал я. А забор-то мелкий такой, как говорят, «метр двадцать с кепкой», но ведь он есть! Для меня-то – преграда! Дорожка дальше себе бежит, манит, стелется, но это за забором...

Что же делать? Мысль стремительно заработала. Присмотрелся: ага! С той стороны увидел поперечные прожилины, куда можно наступить и подтянуться, чтобы перелезть, а с моей-то стороны их нет! Перелезть-то невозможно! Попробовал оторвать штакетину, но бесполезно: они все оказались намертво прибиты чьей-то твердой рукой.

Ну что? Обойти его что ли? А как? Сугробы такие надуло за зиму! «Перелезть надо!» – решил я. А кругом весной уже пахнет! Дальний лесок в дымке... Идиллия! А я тут застрял.

Ну что ж, надо лезть! Попробовал подтянуться – фиг, лишь коленкой саданулся. И так раза три подряд. Да жалко так себя стало! Приложился от невезухи лбом к забору, прямо к шершавой пике и застыл, соображая.

Хоть и яблок не было, ничего на голову не свалилось, но

придумал! «Эврика!» Скатал снежок, потом бросил его на снег и давай оборачивать, винтить-крутить, собирая снег на бока в ком. Он вскоре разросся – не поднять. С трудом прикатил его к забору. Даже жарковато стало. Уселся прямо на ком отдохнуть: «Уф!» Про детство вспомнил, тогда тоже весна была с синим-синим небом... Солнце спит, от леска будто пар идёт, превращаясь в мираж, красота! А я тут.

Попробовал осторожно встать на снежный ком сначала одной ногой, затем подтянул другую. Получилось! Ура!

Я ощупал острые пики забора и раз! Сделал стойку, как гимнаст делает на коне: руки у основания бедра, а ноги впереди, в тупом углу (под девяносто лишь гимнасты умеют). Стою так минуту, другую, кайф ловлю, вроде позирую, а на самом деле выпитое сказывается... «Дальше-то что?» – спрашивает какой-то внутренний голос. Ноги-то в валенках, а не в гимнастических чешках, неловко в них вытворять такие этюды. И вдруг ... они поехали вниз! За забор! Медленно так... Я раз – и просел в снег! Штакетник сзади! Казалось бы, вот оно счастье! Но не тут-то было.

Моя куртка неожиданно зацепилась за деревянные острые пики штакета!

Всё! Я повис! Видели вы чучело в огороде, за шкурку его обычно держит какой-то осиновый кол? Во-во! Это был я.

Вспомнил тут же историю с моей сестрой. Работала она учительницей в деревне. Молодые были, отметили как-то с подружками День учителя и по домам. Она шла-шла и гово-

рит: «Идите, я догоню». Ну, те и пошли. Идут, забыли уже про неё. Потом опомнились: «А Танька-то где?» Вернулись, а она, видно, присела по своим делам, а подолом зацепилась за забор, да так, не вырвавшись, и уснула. Ой, ржали тогда все долго.

А мне сейчас было не до смеха. Причём, любые шевеления бесполезны.

Так я стоял долго. Уже солнышко заметно так прошлось по небу, намекая на закат.

Вдруг откуда-то прилетела птица грач, чьи гнёзда чёрными кучами висели на белеющих берёзках, и явно заинтересовалась моими очками, стёкла которых отсвечивали для неё радугой. Она нагло уселась прямо на меня, стоящего в неестественной позе и тем самым напоминающего дивный памятник, и так долбанула своим здоровым клювом мне в щёку, что я вскрикнул. «Так тебе и надо, дураку, клевать тебя будут, гадить на тебя своим белым помётом», – пронеслось в голове. Потом на помощь ей прилетели ещё три крупных особи со здоровенными, чуть загнутыми к низу клювами. «Надо беречь глаза, надо вертеть головой», – подумал я, а сам от испуга, наоборот, вытаращил их!

Птицы же продолжали настойчиво поклёвывать меня то в лоб, то в щёку, то по темечку. «Кышь! Не дамся!» – заорал я во всё горло. «Надо же! Орёт что-то!» – подумали птицы, и, махнув своими большими крыльями, в недоумении отлетели, усевшись на стоящие рядом берёзы.

Тут солнце прошлось своим краем по горизонту, вызвав жёлтые и оранжевые краски заката на небо.

«Распятый грешник, блин, не вздохнуть, как говорится, ни охнуть!» Короче, устал я.

Слава Богу, сон пришёл, сразу отрубив меня от реальности.

Проснулся я, когда стало темно. Хотя, когда снег, то совсем темно не бывает. Всё равно жутковато как-то стало... «А вдруг сейчас будет проходить мимо какой-нибудь ма-няк», – пришло в голову, и я поёжился. Жертвой явно быть не хотелось. К тому же я замёрз. «Да, тут даже мат не поможет... К Господу что ли обратиться?»

И что вы думаете? К тому времени я почти протрезвел, мысль-то и пришла! «А рванусь-ка я вниз!». Так я и сделал. Рывок, но куртка осталась на заборе. Как из смирительной рубашки, блин, вылез! Радостно так снял её со штакета и понёсся домой, даже не оглянувшись на этот треклятый забор!

– Ты где был? – спросили дома.

– Грачи ведь прилетели, значит, будет тепло, – ответил я, поправляя очки.

Кот

Какая хорошая погода сегодня – прохладная. От этого шуба моя стала особенно гладкой, словно она без меня почувствовала приближение осени. Жара, наконец, отступила.

Она мне надоела и измотала во всём. Помню, как только и делал, что искал везде любую тень и потом переживал в ней зной. Шуба в жару? Да кому нужна шуба в жару? Вот и я о том же.

Я уже не любопытный котёнок и знаю о жизни уже кое-что. Давно научился ставить метки на своей территории, не пускать сюда чужих котов, приглядывать за птицами и, конечно, ловить здесь мышей.

Сейчас вот с осмотром как раз обхожу свои владения у большого дома, где и живу. Здесь моя квартира, и я в ней «за главного». Я не работаю, а хозяин – другое дело: вкалывает где-то на стройке и по хозяйству хлопочет. Он всегда умного человека из себя изображает и делает это по любому поводу. В общем, живёт он, живу я, так мы сосуществуем. Иногда он позволяет мне, хотя, вы понимаете, конечно, кто кому позволяет, сесть и умыться в переднем углу, помурчать на одеяле его кровати, меня погладить по голове и животу. А он ещё позволяет себе алкоголь и сигареты. Я, бывало, поутру сажу где-нибудь возле стола, смотрю, как он себя гробит. Ну, вот скажите, какая может быть от них польза ему? Вот и я о том же.

Осмотр у меня – дело ежедневное: сейчас пойду налево, потом поверну к крыльцу направо. Я стараюсь делать это всегда вразвалку, с достоинством и не спеша. Мышиные места здесь вокруг. Я не одно поколение пробовал на зуб: на вкус вроде «пойдёт». О чём же я? А-а.... Так что хозяй-

ство у меня хлопотное. На сафари «Одними лапами» собираются сюда все местные коты и кошки – искатели приключений. Это мои конкуренты. Они молоды, заносчивы, голодны и, бывает, не соблюдают правил охоты, норовя вырвать добычу прямо изо рта, громко урча. Я тоже тогда на них урчу, в общем, силой ставлю тогда гостей на место. Я же здесь не последний, а первый! Я хозяин!

Кстати, там вон около крыльца есть нора. Однажды, помню, такое пиршество было в этих местах у меня: сразу троих откушал, а четвёртой закусил. Я мышей в тот день тогда по писку приглушенному услышал. На всю округу давно известны знаменитые вкусовые качества наших серых пищалок. Тогда мне пришлось применить свой старый приём: лечь, замереть надолго, ждать их появления из норы ко мне. Я слышал, как они там, в норе, беснуются; топают, как слоны; кричат на своём противном непонятном никому языке. Эх, засунуть мне бы лапы туда к ним да когтями бы кого-нибудь примять! Зачем примять? Да чтобы потом съесть! О чём это я? Да всё о том же.

В общем, лежу на животе, замер, голову так пригнул к земле, что подбородок устал, терплю лишения. Хвост вытянул в струну, лапы поджал для прыжка. Время моё тогда пошло медленнее, появился азарт до умопомрачения. Вдруг внезапно показалась мышь: большая такая. Она огляделась, громко запищала, будто применила усилитель. Меня, как статую, она просто ничуточки не заметила. Я молнией прыг-

нул на неё со всей природной внезапностью. Зубы на рефлексах глубоко впились в её голову. Дальше, с радостью от удачи, я поволок тело прочь.

Да, не скрою, я хвастун по натуре и очень люблю покрасоваться перед кошачьим сообществом, перед людьми, перед хозяином, в конце концов, и лучшего места, чем принести ношу себе домой на крыльцо, я тогда не нашёл.

Ослабив хватку, я уложил мышь прямо посредине крыльца, а сам поскорее побежал опять к норе. Оттуда пока никто не показывался, и я с разбегу плюхнулся на живот на своё насиженное место. И сделал это как раз вовремя, потому что показалась вторая.

Эта мышь была очень осторожной. Она выбралась из норы совсем недалеко и замерла, прислушиваясь. Ясно, ждала писка от первой. Мне пришлось снова полностью замереть, ожидая, когда она отойдет подальше от норы. Как это только случилось, я скомандовал себе :

– Давай!

– Даю! – ответил я и быстрее мухи прыгнул к норе. В ход пошли когти. Я прижал её к земле, а потом только

пустил в ход зубы. Интересно, что мои зубы острые. Они точно такие же острые, как сабля хозяина, что висит в доме в одной из комнат на стене. «Хватай, режь, коли!» Дальше я потащил в зубах вторую, куда? Правильно, на крыльцо: я уложил её рядом с первой.

Первая мышь вдруг задёргала лапами, на моё удивление вдруг она очнулась. Запищала. Хвост её начал двигаться, привлёк всё моё внимание. Я забыл о второй, а зря. Вторая мышь вдруг резко вскочила на ноги и бросилась прочь. На своём месте она оставила горку продолговатых чёрных котятков от страха. Врёшь, не уйдёшь – пронеслось в голове. Я догнал её и придушил вторично. Затем вернулся к первой и тоже вторично придушил и её. Поправив обе неподвижные мыши, чтобы было красиво со стороны, я отправился снова к норе. Там, ожидая любого подвоха, я дождался третьей мыши. Третья мышь оказалась сама осторожностью. Вот она высунула свой нос и долго нюхала воздух, вот снова пряталась в черноте норы. Это продолжалось несколько раз. Потом, осмелев, она выбралась наружу полностью, но вдруг снова юркнула обратно. Я и ухом не повёл, я сидел в засаде неподвижно, этим, наверно, притупил бдительность у серохвостой. Она снова появилась в амбразуре норы. Пища и вертя головой в разные стороны, она встала около норы. Вдруг показался мышонок, потом ещё и ещё один. Встав друг другу в затылок, выводок колонной двинулся почти прямо на меня.

Я от нетерпения задвигал хвостом в разные стороны, а может хвост задвигал мной! Нервы у меня не выдержали, я взлетел над ними в прыжке и, когда опустился на землю, исхитрился схватить мамашу зубами за хвост. Но, к моему неудовольствию, я его от экспрессии, наверно, просто перекусил, но не растерялся и уже уцепил голову. Всё было

кончено. Бросив несчастную, тут же просто проглотил одного розового мышонка, ведь мои размеры, начиная от лап до хвоста, были во много раз больше. Другие вмиг разбежались... .

Да, мне было стыдно разбираться с детьми. Но меня обуял такой охотничий азарт, что забыл обо всём на свете. Каюсь, нехороший кот! А кто это? Да это я ! Я всё о том же! Ловко захватив третью мышь, ту, что без хвоста, побрёл с ней в зубах к дому.

На крыльце лежала оставленная здесь напоказ неподвижная моя добыча. Я уложил ещё одну серую, правда, немного дефектную, по моей вине, мышь рядом. Мухи – эти бездельники и халявщики уже облепили первых. Они испугались моего появления и пока улетели, но знаю, что они снова вернуться, когда я скроюсь.

С показным безразличием я свернулся в своём углу в комнате. Вот хозяин удивится моему подарку. Наверное, будет меня хвалить, Это хорошо! Мне не жалко. Пусть даже поест свою людскую пищу, может, даже вприкуску.

А во сне я натаскал на крыльцо столько мышей, что бедный хозяин там даже о них споткнулся и упал, отгоняя мух. Сквозь сон слышал громкий разговор людей, удивлённые возгласы хозяина. Потом чьи-то сильные человеческие руки меня понесли куда-то. Приятно, когда тебя носят на руках, как победителя. Руки хозяина. Такие сильные. Езда на руках. Покачивает . Так бы ехал и ехал. О чём это я? Об этом

самом. Мурота!

Потом вдруг рука другого человека схватила меня, подняла за загривок.

«Ба, да это не хозяин совсем, а какой-то с усами», – сказал я себе.

– Ну, вот тебе кот! – сказал человек с усами и бросил меня на пол.

Я приземлился на ноги. Мы, коты, всегда приземляемся на лапы, хоть вверх кидай, хоть боком.

– Грубиян, – сказал я ему по-кошачьи и огляделся.

Я стоял перед женщиной в коротюсеньком халатике. От этого её голые ноги показались мне огромными столбами, уходящими куда-то вверх.

– Это настоящий мышелов. Он мышей столько ловит, что складировать ему их приходится. Недавно поймал и сложил штабелем на крыльце у соседа пятнадцать штук! – сказала ей мужчина.

«Ничего прибавил», – подумал я, но вида не подал.

– Какой большой! Ты специалист? – Женщина, не стесняясь своей наготы, наклонилась, чтобы погладить меня.

– Мья, – ответил я и выгнул спину.

– Кабан! Усы, как у тебя! – сказала женщина про меня, показывая на него.

«Как можно так говорить про благородных и умных котов, сравнивая их со свиньями», – подумал я, но вида опять не подал. «Женщина – существо особенное!» – это говорила

мне ещё моя мама. «Она, женщина, очень похожа на кошку...».

Я посмотрел на столбы.

«Поэтому мы дальняя родня! Эх, мне бы кошечку люблю с ногами этой женщины!» – пронеслось в голове.

– Ну я пошёл, рыбка моя, – сказал мужик и вышел.

Это что получается, меня сюда доставили, чтобы я тут мышей ловил? Во-первых, это помимо моей воли; в-пятых, я сыт, в-третьих, погода плохая, идёт дождь, во-вторых, мне просто неохота, нет, во-первых. Неохота опять встать в позу, снова ожидать, чтобы этой, абсолютно голоногой, было нестрашно. И что ей мыши, да пусть живут!

Я стоял и смотрел на её ноги, не мигая, я её гипнотизировал, мысленно разговаривал с ней, я призывал её. Вспомнил, как однажды, когда был намного моложе, меня также вот заперли в комнате, также, как собаке сказали: «Лови!»

Я всё понял. Это сладкое слово – свобода! Чего не сделаешь ради неё!

И чтобы не ловить никого, я, глядя ей в глаза, не обращая внимания на её женские прелести, не обращая внимания на весь белый свет я!..я!..я!.. –прямо на её красивый ковёр навалил огромную кучу. Дальше меня будут ругать, тыкать лицом, на людском языке мордой, в эту кучу, а потом всё равно – точно выкинут вон на улицу!

– Ах ты гад! – крикнула женщина и, схватив меня за шкурку, выкинула вон. – Умный какой! – отметила она,

поправив свой коротюсенький халатик, чего-то застеснявшись...

Вот и я о том же! Я делаю очередной обход.

А там за углом есть нора...

Соль и кровь

Нина Павловна жила одна в небольшом частном доме на окраине городка. Нехитрое хозяйство: несколько кур в сарае да кот составляли её беспокойство в этой оставшейся у неё жизни. Главное, они отвлекали её от одиночества, которое прорастало, как сорная трава, везде, куда ни посмотришь: настойчиво, монотонно и неотвратимо. «Такая вот жизнь в дожитии», – говорила соседка Катя, которая знала все последние новости улицы, квартала и мира. Она была вдовой и также, как Нина Павловна, давно выращивала у себя, конечно, не по своей воле, не синюю, не зелёную, а горькую реальность, ту, что обе и называли, не сговариваясь, своим одиночеством.

Соседки особо не общались. Круговерть хозяйства их отвлекала и захлёстывала. Но иногда, где-то раз в неделю, они приближались к общему забору, и прорывало. Они буквально выплёскивали всё в себе накопленное, и после окончания беседы обе расходились в разные стороны, как бы очнувшись ото сна. Мир был для них снова прежним, солнце светило ярче, жизнь продолжалась, и снова хотелось полоть, кормить, улыбаться да и слезу пустить по этому или по дру-

гому поводу. «Что не жить, только живи: пенсию принесут, огород есть, в погребе полно припасов из картошки и капусты», – рассуждала Катерина с умным видом.

Однажды, так уж получилось, кончилась у Нины Павловны соль. Обыкновенная соль: ни суп присолить, ничего. Она сунулась было в магазин, а что толку – на дверях амбарный замок висит, не подступиться. Вернулась она тогда к своей кастрюле с супом обратно после неудачного шопинга и даже заплакала по-стариковски, кляня судьбу. Попробовала было есть несолёное, но куда там, что туда, то и обратно. Вспомнила про соседку, решила спросить у неё. Одним словом, огородом зашла она к Катерине на территорию и затем пошла к её дому. Мурава на тропинке чуть заплетала ноги, мычание коровы с клёкотом гусей в загородке дополняли друг друга.

– Катя! – громко позвала она соседку. Дверь в летнюю кухню была открыта настежь. В углу зияла дыра погреба, а крышка аккуратно стояла ребром рядом, приставленная к стенке. Что-то тревожное пронеслось в голове у Нины Павловны: и мычание, и гогот гусей, и даже мурава под ногами.

Она подошла к тёмному краю и заглянула вниз. Пахло сыростью и прохладой.

– Катя! – снова позвала она соседку в темноту. Поискала свечу, спички, фонарь какой-нибудь, чтобы посветить, но их нигде не было и в помине,

Прислушалась. Ответа на её зов не было, было тихо. «А у меня дома всё есть, чем посветить», – подумала она и вы-

скочила вон, наступая на густую мураву и пугнув со своей дороги откуда-то прилетевших воробьёв. Вернулась быстро, захватив и свечу, и спички, и даже железнодорожный фонарик: она же работала там до пенсии.

Он светил слабо и не добивал до дна, наверно, разрядился от невостребованности. Оставалась простая свеча. Нина Павловна зажгла её и начала спускаться вниз по мокрой деревянной лестнице с широкими ступенями. Блики и тени от свечи страшилищами возникали вокруг, плясали по стенам погреба и совсем не отгоняли мышей и крыс, которых она боялась всей душой и телом. Прежде надо определить, в погребе хозяйка или нет.

– Катерина! – позвала опять соседку. Её глаза привыкли к полумраку, вся она превратилась в сплошной слух. С самого дна удалось различить её.

– Нина, я здесь!

Под мерцающий свет свечи Нина Павловна увидела Катерину. Она пугающе стояла на четвереньках и представляла жалкое зрелище: взлохмаченные волосы, колени и шерстяная кофта измазаны в глине.

Нина Павловна ступила с лестницы на дно рядом с ней.

– Живая?

– Вроде да, – прозвучало в ответ.

Нину Павловну в этот момент смутило слово «вроде».

– Ты это ты? Не обманываешь?

– Это я, самая вроде настоящая.

Она протянула к ней руку. Её рука была холодной. Очень. Даже ледяной.

Но слово это «вроде» опять ведь прозвучало, и опять, где не надо. Во какие дела!

«Это не человек!» – пронеслось молнией.

Она знала еще с детства, что эти... – есть, и что они похожи на обычных людей. Всегда холодны и голодны, и ещё кровь пьют. Ей стало страшно. Её всеобъемлющий ужас застучал зубами, сердце затрепетало. И она, забыв обо всём на свете, вылетела из погребца.

Она оставила свечу, которая продолжала освещать причудливыми бликами странное и страшное происходящее. Свеча не потухла, а это значит, что никакого дурманящего газа, о котором все знают, в погребце не было.

Креститься Нина Павловна умела, её научили этому, когда она была совсем маленькой девочкой. Надо тремя пальцами тыкать себя в лоб, в живот, вправо и потом влево. Она повторила движения три раза.

– Кать, это ты? – задала она вопрос темноте.

– А это ты, Нин? – послышался ответ.

Нина Павловна знала, что они, эти – хитрые, изворотливые, коварные. Надо бы проверить. И вот она, набравшись храбрости, снова подошла к погребцу.

– Что ты в погребце сидишь, не вылазишь?

– Мне наверху плохо, наверное, будет.

– А-а, – кивая головой, согласилась она с пленницей по-

гребя.

– Ты тёплой красной жидкости хочешь? – намекнула Нина Павловна про кровь.

– Хочу, но пока терплю. Лучше помоги мне выбраться отсюда.

– Знаешь, я, наверно, пойду за помощью, а то врачи мне запретили поднимать тяжёлое и волноваться. У меня может сердце от этого остановиться. А ты посиди пока там.

– А про телефон забыла?

– Разряжен по причине склероза.

– И мой тоже по этой же причине. Я пить хочу.

– Воду будешь?

– Куда деваться.

Наталья Павловна подумала: «Опять странно, она точно из этих!»

– Щ-а-ас.

Нина Павловна зачерпнула из ведра, стоящего на столе и накрытого картонкой, потом подумала и решила закраснить воду, чтобы она была похожа на кровь. Смородиновое варенье в баночке из холодильника очень даже подошло: и красное, и сладкое, как кровь, его только в темноте и надо пить.

– Дай попить, чего так долго, – настаивала Катерина слабым голосом.

Нина Павловна не без труда ковшиком налила раствор в пустую бутылку из-под вина «Медвежья кровь», которая стояла сиротливо в дальнем углу, привязала бутылку за бечёвку

и опустила её вниз со словами:

– Это тебе поможет, это то, о чём ты просила.

– Вкус интересный – и не сладкий, и не кислый.

– Это «Медвежья кровь».

– Я ни разу не пила её вволю.

Наталья Павловна: «Ой, опять! Так люди не говорят!»

На дворе громко призывно загоготали гуси.

«Скотина не накормлена, никто не знает, сколько времени просидела в яме соседка», – пришло на ум Наталье Павловне.

Между тем августовское солнышко было в зените и ещё припекало, ещё смотрело, ещё удивляло своей летней прихотью светить и удивлять. Сначала Нина Павловна покормила раскричавшихся гусей и корову Мату, потом чёрный кот перешёл через тропу к её дому, и ей пришлось браться за пуговицу и читать молитву, крестясь. Она пошла по улице, стучалась в каждый дом за помощью, но не просто так, видимо, коты переходят дорогу. Никого.

И она решила возвратиться обратно, будь что будет.

– Сидишь?

– Сижу. А мне хорошо стало, только сыро немного.

Последовала небольшая пауза и булькающие звуки.

– Ты хитра, соседка, действуешь, как все эти, по шаблону, но меня не проведёшь.

– А давай песню споём, ведь мы когда-то и пели, и плясали, и на танцы бегали, – предложила Катерина.

Послышалось громкое икание, бульканье, а потом зазвучало: «Сронила колечко со правой руки...», а дальше вместе дуэтом, как когда-то: «Забилось сердечко о милом дружке».

В это время, видимо, собрав все свои силы, Катерина стала сама без чьей-либо помощи подниматься из погребца, обнимая бутылку из-под «Медвежьей крови». Вот уже голова показалась, вот уже погреб ей по пояс. Она шагнула вперёд и, не удержавшись, повалилась на пол. Тут бы Нине Павловне подбежать к ней, подсобить, но страх сковал её силу воли и заставил дрожать.

А Катерина ведь не выпустила свою драгоценную ношу, наоборот, она, наверно, решила рассмотреть дно бутылки. Это всё она проделала лёжа на боку, затем запустила бутылку, как заправский баскетболист, в погреб, откуда тотчас слышался слабый звон.

Потом она встала, придерживаясь за табуретку, накрытую тряпкой, и стала рассматривать Нину Павловну в упор.

– Ты кто?

– Это же я, Нина.

– Не знаю никакой Нины, хочу ещё крови.

Маленькая птичка надежды от страха испуганно сжалась внутри Нины Павловны.

И тут её осенило. Она подбежала к ковшику с разбавленным вареньем и потом протянула его соседке. В промежутке между действиями она попробовала содержимое ковшика. В нем плескался напиток градусов пятьдесят. Сделав

несколько глотков, Катерина опомнилась, встряхнула головой и спросила:

– Нин, ты что здесь?

– Соли у тебя вот пришла спросить. Сварила суп, а он ни туда, ни сюда. Потом ты в погреб. Я тебя испугалась и даже сейчас боюсь.

– А я полезла в погреб за картошкой, а там газ, наверно. Подняться сил никаких у меня не было. Я там и уснула.

– Скажи, а ты перед тем, как залезть в погреб, пила из вон того ведра?

– Совсем немного, пару стаканчиков. В нём напиток – моя гордость. Я его выгнала накануне.

Они по перемене по кругу стали отхлёбывать из ковшика, потом долго смеялись над собой. А мурава всё также цеплялась за ноги Нины Павловны, когда она возвращалась домой. Недоваренный суп давно остыл и ждал своей судьбы. И соли.

«С возрастом соль вредна, да и сахар тоже, а особенно алкоголь», – говорят люди. Пускай. Надо же им что-то говорить.

Рыба

Проснулся сегодня Сашка рано, не спалось, ведь совсем скоро предстоит лететь на вертолёте, а это было для него впервые. Вертолёты были в этих краях часто. Жужжащие

машины были там хорошо различимы своим неповторимым басом. Издалека звук от двигателей вертолѐта кажется тихим, и тот человек, который имеет острый слух, слышит этот звук первым, нежели все остальные люди с обычным слухом. Где-то рядом как раз жужжал один из этих ярких представителей вертолетного семейства. Сашка лежал, боясь пошевелиться, не поднимался из принципиальных соображений первым, хотя проснулся давно. Он был самым молодым из бригады и по утрам подвергался насмешкам остальных по любому поводу. Плотнo сомкнув глаза, он даже слегка похрапывал, продолжая свою ночь, якобы спал, но это было не так.

Сашка работал в северных местах от дома в дикой бригаде, которая состояла из семи человек и занималась разными строительными работами: настилкой деревянных полов в четырёхэтажном здании, бетонированием дороги и площадки для складирования нефтяного оборудования и так далее. Днём наш герой махал лопатой с раствором, а вечером вбивал гвозди в пол, правда, иногда попадая молотком по своим же пальцам. Иногда «стропил» на площадке дорожные плиты, подсыпая по ним песок, пилил доски и укладывал лаги для пола.

Работали обычно с шести часов до тех пор, пока не стемнеет на улице, а вечером опять стелили полы уже при лампочке. Работали попарно, так удобней: один помогает другому и наоборот. Не работал один бригадир Анатолий, но это

было как бы само по себе разумеющее, ведь он планировал работу каждого в бригаде и закрывал наряды. У него был в друзьях начальник стройки, и поэтому все самые стоящие и «сладкие» работы отдавались этой бригаде.

Как-то вечером пришел бригадир и сказал, что трое полетят срочно на вертолёт на реку на остров, где предстояло обить жёстью электрические сооружения.

– Полетит Молодой, Дима и Николаевич, – определил Анатолий.

Вертолёт прилетел после длительного жужжания и приземлился на вертолётную площадку, где его с вещами ожидала троица. В открывшуюся дверцу высунулась голова в шлеме и выбросила вниз посадочную лестницу. Лопасты продолжали крутиться, заставляя бегущих и идущих по земле пригибать головы и сутулиться. Внутри вертолёта по стенам были сидения, куда примостились вошедшие. Лестницу затащили обратно внутрь железной птицы, и всех охватила мелкая противная дрожь от взревевших двигателей. Всё это подсказывало, что полёт начался, и они взлетели в воздух. В иллюминаторе земля ушла вниз, там была река. И вот через полчаса река внизу вдруг приблизилась, открылся остров с буровой вышкой, куда они и стремились. Посадку ждали. Сашка заметил суетящихся людей-вахтовиков, подбирающих свои баулы и рюкзаки. В них наверняка были рыба, ягода, шишка... Гостинцы.

Сбросили вниз лестницу, троица быстро выбрались на во-

лю и, пригибаясь, быстро пошла прочь. К ним навстречу на смену двинулась вахта с огромными баулами и мешками. Поравнявшись, все обменялись короткими рукопожатиями: как бы вахту сдал, вахту принял, всё будет нормально. Это было традиционно и обязательно, многозначно. При работающих двигателях на сильном ветру все обменивались только жестами, и всё было без слов понятно. Но вот дверь за ними закрылась, проглотив очередную лестницу. Вертолет напрягся, зачастил оборотами, и, поднявшись над «вертолёткой», унёсся прочь.

Внезапная тишина обрушилась и обескуражила прилетевших. Пройдя дальше, они расположились в балке. Здесь были спальные места и кухня с набором посуды, газ. Решили пообедать прихваченным харчем, рассчитанным на пять дней здешнего пребывания. После еды, сытые и довольные, все пошли посмотреть окрестности.

Начали с буровой. Вертикальные трубы, лебедки, натянутые тросы – всё это придавало большой колорит тому месту, а вокруг ни души. Представилось, что отсюда рукой подать до центра земли. Сашке даже представилось ещё и древнее время с горизонтов того доисторического мира, откуда сюда вела эта скважина на острове. А недалеко за ивовыми зарослями они нашли и свой фронт работы: и железные конструкции электроустановок, и тюки с минватой, и оцинковку для обивки, и деревянные бруски. За три-четыре дня их небольшой бригаде надо было всю работу сделать и улететь

вертолётном обратно, поменявшись с действующей вахтовой бригадой настоящих бурильщиков. Тут же, не тратя время, взялись за дело: стали готовить прожилыны для крепления оцинкованных листов, приваривать к металлическим стенам уголки.

А вокруг благоухал цветами и запахами сентябрь. Нет, точнее, великолепье бабьего лета. С летящими паутинками, холодными утрами и быстрыми теплыми полуденными часами. Природа дарила такую погоду и словно фартила троице, подгоняла их своим чудесным действием и задавала работе высокую скорость.

И уже на второй день появились навыки, пришла уверенность. До темноты, а это до семи часов вечера, работа и ещё раз работа. Без обеда. Решено было не тратить время на обеденные пустяки, вкалывать и всё. Сашка втянулся и, хотя уставал очень, никому не жаловался. На ужин сил ещё хватало. Представьте ужин при лампаде из тряпки в солярке. Электричества-то не было. За считанные минуты троица основательно подкопtilась от этого источника света, добавляя слои сажи себе на физиономии, ведь и пару конов в карты играли там же и даже читали что-то. Утром под носами и на бородах проступала сажа – следы от вчерашнего вечера, и от этого всем было смешно и весело. Поутру сажу долго смывали подогретой водой с мылом. Смывались бороды Чайковского, Ленина, усы Сталина и Чарли Чаплина. Туалет проходил под открытым небом на заре, под первыми луча-

ми осеннего прохладного солнышка. За этим утренним занятием все достопримечательности речного островка с буровой оставались незамеченными. Но Сашка-то был молодой, а это значит, что инициативный и охочий до всякого там рода исследований. Его тянуло промяться по периметру острова, узнать что-то новое, что-то заметить.

Вот при таком обходе или, точнее, оббеге, он отметил интересную канаву, которая шла от одного конца по длине и под углом к другому концу острова, пересекая его. Буровая и насыпанный песок перекрывали ее, но, как он потом выяснил, и другой конец канавы, видимо, бывшей протоки, также не соединялся с рекой и был перегорожен дамбой. Впрочем, когда такая мощная техника применялась тут, то всё это были для неё мелочи. Протока была наполнена водой, наверное, в половодье. Умываясь утром, он случайно обратил внимание на какое-то движение в протоке, в стоячей воде. Он вытер полотенцем лицо и решил посмотреть, что же это. Вода в протоке была прозрачной, и было видно всё её дно. Сашка взял камешек и, как в детстве, запустил его по поверхности. Камешек стукнулся, подпрыгивая, раз пять.

Вдруг какая-то тень метнулась по канаве и быстро прочь в другую сторону. Заинтересовавшись, он прошёл вдоль берега и вдруг увидел большую рыбину. Она была вся на виду. Стояла на одном месте и смотрела на него своими большими глазами. Противостояние взглядов рыбы о человека было очень долгим, захватывающим и даже страшноватым немно-

го. Сашка ощутил его. Он быстро развернулся и побежал к остальным, которые занимались подготовкой завтрака.

– Там рыба...

– Какая такая рыба, может, золотая? – усмехнулся Николаевич.

– И кто тебя, Молодой, так напугал? – поинтересовался Дима.

– Рыбина там, огромная такая! Смотрит, не уплывает, я её боюсь! – выпалил Сашка.

Дима был азартным рыбаком. У него дома было полно снастей для вылова рыбы: всякие спиннинги, блесны, воблеры, мордучки, крючки, грузила и еще много-много кое-чего. Дима в каждом водоёме видел предмет для ловли рыбы и говорил не раз, что если рыба есть, то он её обязательно достанет и справится с ней. Азарт его был делом серьёзным и заражал всегда людей, его окружавших, даже абсолютных профанов в этом деле. Он и здесь на острове с первого мгновения пребывания думал о ловле, говорил о ней со своими спутниками. На эти слова попался Николаевич, человек молчаливый и прямой, немного сварщик, немного бетонщик, всего понемногу. В картах ему почему-то никогда не везло, зато, наверно, везло в пресловутой любви, и ему сообщалось об этом каждый раз при тусклой лампаде и Сашкой – Молодым, и, конечно, Димой. Он пару раз с Димой даже блеснил здесь на берегу, разводил большой костёр для приманки рыбы, не подходя к кромке воды.

Троица сразу не побежала на протоку, степенно на «целый день» обильно позавтракала рожками с тушёнкой, и, когда последний глоток чая провалился внутрь, все молча встали и пошли, нет, даже побежали.

Впереди нёсся Сашка. Он первым прибежал к тому месту, где встретил большую рыбину и стоял с ней тогда, упёршись взглядами. Никого и ничего не было: тихая неглубокая канава и всё! Он бросил горсть рожек, оставшихся после завтрака, в воду, и те, упав на поверхность воды, стали медленно погружаться на дно. Но что это? Тень метнулась к рожкам, и они пропали прямо на глазах. Азартный сразу же преобразился. Он забыл о работе, где он, что он. Глаза его не горели, а пылали. Николаевич тоже пробормотал насколько фраз себе под нос. Сделали петлю из тонкой мягкой проволоки, валявшейся под ногами, привязали её к палке и решили сначала завести туда рыбу голову, а потом вытащить и саму рыбину.

– Там протока соединяется с рекой? – спросил Дима Сашку.

– Нет, там дамба.

– Тогда бери палку и просто бей по воде, пугай, чтобы сюда обратно не приплыла.

И они с Николаевичем пошли по берегу с арканом и импровизированным садком в реальной надежде на успех своего предприятия. Что говорил Дима рыбине, осталось загадкой, но и у него было противостояние с ней «глаза в глаза».

Но вот петля становилась всё ближе к голове, ещё ближе, стала уже заведена. Рывок... Рыбина рванулась, но было уже поздно. Николаевич крикнул радостно:

– Попалась!

Сашка со всех ног кинулся помогать мужикам.

– Загадай желание, Сашка! – кричал восторженно азартный Дима.

– Загадай, и всё исполнится точно! – вторил ему Николаевич.

– Хочу то, что хотите вы! – пошутил Саша, – домой вернуться и денег, конечно!

С трудом, но цель была достигнута, рыбина была побеждена. Её голова была отсечена, и из неё сварили отличнейшую уху, а остальная часть была затушена в два приёма и съедена.

– Что там говорить, вкусно, – хваливал добычу Дима.

– Вот что значит по утрам умываться теплой водой, – засмеялся Николаевич.

– Да я себя вообще победителем чувствую! – подытожил Сашка, но вспомнил леденящий взгляд и момент противостояния с рыбиной. Он потом убрал со стола на правах Молодого крупные кости в мусорную яму и даже присыпал их песком, оставив тем самым всё произошедшее в памяти и грядущих воспоминаниях.

Через четыре дня за ними прилетел вертолёт. Обитые жестью строения стояли, гордо отсвечивая осенним солнцем на

всех и вся, как бы показывая, что работу троица закончила в срок. Вертолёт высадил очередную вахту профессиональных бурильщиков.

– Мужики, вы тут рыбину не видели, мы её откармливаем в протоке?

– Да нет, не видели. А что она у вас золотая?

– Золотая! – и высыпали корм для неё в канаву.

Странное дело, но на обратной дороге Сашка абсолютно не страшился вертолёта. Как и все, он потом прилетел на материк домой. Небритое лицо, борода (даже с рыжиной!). Он бросил на стол пачку заработанных денег, и те красивой дорожкой расстелились от одного угла стола до другого.

– Ой, – удивилась радостная жена. – Мне сегодня сон снился, что я рыбу ем. А это, говорят, к деньгам.

Сашка улыбнулся, вспомнив о «золотой» находке. Ведь она выполнила целиком все его желания и связала непостижимым образом разные реальности и миры.

Оригинальный метод

«Событие должно было совершиться только потому, что оно должно было совершиться», – написал великий Лев Толстой в своём известном романе. И он был, как оказалось, прав.

Как-то недавно, открыв свой почтовый ящик в Интернете, Сергей обратил внимание на очередную рекламную фишку: «Приглашаем посетить дантиста. Удаление. Безбольно. По

новейшей оригинальной методике! Круглосуточно!». Далее указывалось местонахождение зубного кабинета. Примерно, в той же стороне, где его офис.

«Надо же! К чему бы это? Но мне-то это не нужно! – машинально подумал Сергей, – ладно, надо собираться на работу». В этот день ближе к вечеру должна была быть презентация. Он для этого случая приоделся: костюм, галстук, парадные туфли. Надо сказать, не привык он к этому прикиду, потому что обычно хватало джинсов и футболки, кроссовок на босу ногу (по моде) и бейсболки. «Чёрт побери, как гусак важный, и морда довольная, чёрти-что, у-уу!», – глядя на себя в зеркало сказал он тогда себе в то утро и приставил два указательных пальца обеих рук к голове, изображая рога. А зря...

Обычно лениво дремавший у себя в уголке пушистый белый кот по кличке Бася вдруг, услышав слова хозяина, сказанные просто так в пространство, выгнул дугой спину и недовольно мяукнул. Сергей решил успокоить любимца, хотел погладить. В ответ кот зло царапнул его когтями по руке, а потом быстро отпрянул, но было понятно, что он готов опять, в случае чего, повторить нападение. «Господи! Бася! Ты чего? Да ладно, ладно, не трону, как сдурел! Может, предупредить хочет о чём-то?», – пронеслось у него в голове.

Сергей оставил в покое животное и отправился на кухню, решив подкрепиться, достал из холодильника сок, с аппетитом откусил бутерброд. И тут резкая боль пронзила челюсть!

Она была настолько внезапной, что от неожиданности наш герой громко взвыл. «Вот, блин, как некстати!» – подумал он и, махнув на откусанный бутерброд и нетронутый сок, помчался к машине.

Сергей работал в небольшой компании, куда ежедневно тащился по утренним пробкам. А зуб-то не отпускал! Неожиданно в памяти всплыла реклама про дантиста с его какой-то новой методикой. Абсолютно автоматически сразу прикинул туда дорогу от своего дома, зрительно представив её: светофоры, стрелки на развязках и даже кочки с ухабами, только дантист находился ещё дальше, квартала два по этой же улице.

Знать бы ему, горемыке, что это было только ещё начало его сегодняшних переживаний...

Больной зуб – это, конечно, трагедия и ещё страх перед неизвестностью, когда у человека линейная геометрия окружающего отступает. Образовавшись, зубная боль быстро и очень жестоко обхватывает голову, стремительно вся превращается в телесную, насквозь пронзает плоть, парализует волю, мониторит все движения человека, своего хозяина, отдаваясь жутким эхом при ходьбе, вдохах и выдохах. Она обычно невыносима и монотонна, играет на верхних регистрах терпения, разит наповал, без сдачи в плен, «стреляет», чем придётся: искрами, квадратными лучами и продолговатыми шарами. И всё страшно, беззвучно, вызывая стон. Тогда все ровные дороги оказываются вокруг почему-то в ямах

и ухабах!

Сначала боль была терпимой, и наш герой отмахивался от неё, как от назойливой мухи. Затем она стала нарастать, пока полностью не овладела всем телом, перекосила рот хозяину и уже настолько надоела и вымотала, что Сергей решил просто удалить зуб и потом идти на презентацию вполне здоровым. На лечение уже не было никакого времени.

Он почему-то сразу нашёл этот зубной кабинет и направился, весь перекошенный, к заветной цели. Но тут ему дорогу перебежала чёрная кошка.

«Да что же за день-то такой!» – проворчал он и, плюнув три раза мысленно через левое плечо, всё же вошёл в парадное, потому как его боли хватило бы на всех в городе.

Так он пополнил собой кучку таких же горемык, называемых неприятным словом «больной».

«Идите туда, подождите здесь, пройдите в кассу, кто следующий», – слышалось иногда.

Но вот позвали и его. Войдя в кабинет, Сергей окунулся в запахи белых салфеток, каких-то лекарств, перебивающих боль, и ощущения необъяснимого ужаса. Он тяжело уселся в кресло и затих. Вскоре медсестра повязала ему голубоватую манишку и тихо сказала кому-то, что всё готово.

Появился врач, закутанный во всё белое. Он присел рядом с полулежащим Сергеем, будто отгородившись от всего мира своей марлевой маской, а не только от Сергея. Для общения остались только карие выразительные и такие беспо-

щадные глаза. Они как бы говорили о его превосходстве в ближайшем противостоянии врача и больного, которое бывает при самом процессе удаления зуба. Можно было рассматривать сколько угодно эти глаза, но так и не найти в них ничего смягчающего и спасительного.

«Нужно письменное согласие от вас», – тихо и, как показалось Сергею, вкрадчиво произнёс врач.

«Да, от щипцов не убежишь, лишь бы силы хватило у этого врача выдрать зуб, а то всякое бывает», – и Сергей, уже обезумевший от боли, быстро подписал какую-то бумагу.

«Ну, откроем-те ротик!» – радостно сказал дантист и коснулся его зубов своими никелированными инструментами. Ожидание совсем нестерпимой боли заставило Сергея сжаться, съёжиться. Врач превратился для него в чудовище, настоящего дьявола, даже рога чётко виднелись из-под белой шапочки. Потом доктор начал постукивать подряд по всем зубам по очереди, наверно, отсекая здоровые.

Наконец пришла очередь больного зуба. И тут этот чёрт в маске так ударил по нему, что Сергей рванулся, высоко подпрыгнув из кресла, и заорал: «О-о-льно!»

«Ну что же вы, батенька, успокойтесь!» – и тут врач силой усадил Сергея в кресло, заставив открыть перекошенный рот. Потом вдруг сильно саданул чем-то в дупло многострадального зуба и ...

Сергея накрыла темнота, оборвав все ниточки, связывавшие его с реальностью. Он улетел, оказавшись вверху над

креслом под потолком. Казалось, произошло разделение души с телом. Оттуда было хорошо видно, как демон ковыряется у него во рту.

А Сергей сверху видел себя, чёрта-врача, медсестру, которая глядела на его тело глазами, полными слёз, и даже своего ангела-хранителя!

Дальше этот чёрт достал из стеклянной коробочки щипцы и, ловко орудуя ими, вырвал зуб у сидящего в кресле Сергея, чем очень удивил того хозяина зуба, который ещё парил вверх под потолком. И всё было тихо и спокойно, а, главное, небольно!

Демон поднял зуб над собой, глянул на потолок и пригласил парящего к себе, указывая на безжизненное тело. Он, представьте, наверху видел Сергея!

Ко лбу лежащего без движения больного врач приставил медный стержень.

Оч-ч-ень трудно было Сергею принять приглашение на возврат в тело. И потом при таком раскладе он понял, что его точно нет сейчас среди живых. А это значит, что он просто умер. Он, и вдруг умер! Да так нелепо!

Но нет! Он резко спланировал к стержню и коснулся его своей невесомой рукой! Эффект оказался поразительным: он снова внутри себя самого. Как же трудно было заставить себя сделать это!

От боли не осталось и следа, если не считать мокрого кресла (то ли от страха, то ли оттого, что он же умер!).

Врач, однако, остался доволен происходящим, когда увидел, что Сергей стал дышать, пощупал пульс и, наверное, испытал настоящий дьявольский оргазм.

Ещё через минут пять наш больной открыл глаза, пошевелился, молча показал врачу на потолок и на себя, но тот отвернулся, а потом совсем исчез. Правда, обернувшись перед дверью, он приставил два указательных пальца обеих рук к голове, изображая рогатого чёрта, а потом быстро закрыл за собой дверь.

Сергей окончательно очнулся. Он обалдело сжимал зубами большой тампон из салфетки. В небольшой эмалированной ванночке, как бы подтверждая реальность всего произошедшего, лежал его зуб...

«Следующий!» – опять раздалось в коридоре.

«Однако, оригинальная методика», – подумал он и двинул в кассу.

Ангел-хранитель еле поспевал за ним...

Короткая проза. По аллеям души

Начало

В конце тёплого летнего августа начинаешь ловить себя на мысли, что всё больше и больше думается о скором приходе осени. А она, находясь сначала далеко, за горами и лесами, на втором плане всех твоих летних событий, вдруг норовит напомнить о себе. Она делает это сначала робко, а потом уже

наверняка, усиливая свое неизбежное влияние на природу и одновременно на тебя.

Приход осени обычно отмечен морозящим дождём и уже чувствующейся прохладой, которые и являются её визитной карточкой.

Наступает период, когда зелень ещё не тронута заморозками, а воздействие на неё прохладных дождей и уменьшение солнечного света делают её серой и уже почти осенней. Деревья и кусты стоят тогда тёмно-зелёные и мокрые, на них уже начинают действовать первые холода. Их вид становится даже каким-то жалким и удручающим...

Люди по-разному чувствуют приход осени. Кому-то хорошо в эти первые осенние дни сидеть где-нибудь в тепле и пить горячий чай, положив в него, например, листики мяты, которые как-то будут напоминать уже прошедшее лето. Привкус мяты делает картину мира, в котором происходит ваше чаепитие, запоминающимся и приятным. Чайный парок взлетает над чашкой, а влажный холод сразу же проглотит и растворит его в себе без следа, оставив в воздухе аромат мяты. Чай, наверно, придаст какие-то новые мироощущения и, может, будет служить началом меланхолических воспоминаний о прошедшем лете или даже любви...

Чаепитие может происходить в открытой беседке, обвитой зелёными лианами винограда или вьюна, или на террасе, примыкающей к дому, крыша которой надёжно закрывает от дождя и атмосферной мороси.

И эта сырая реальность начинающейся осени, конечно, заставит вас закутаться теплее в уютную одежду, и тогда вам будет казаться, что не будет конца этому приятному действию.

Может быть, вам захочется или промурлыкать любимую песню, или почитать книгу, например, со стихами про любовь и разлуку, надежду и веру...

Вы снова посмотрите на зелень, которая стоит, хотя и мокрая, но пока не убитая заморозками. На ней ещё нет вкраплений жёлтых листьев. Это всё будет впереди и, к сожалению, неизбежно.

И, допив свой очаровательный напиток, вы с сожалением вернётесь из этого мира в дом, где забыли... фотоаппарат.

А потом уже трескучей зимой с удовольствием будете рассматривать фото пустой чашки с увядшими листьями мяты на фоне тени мокрой зеленой листвы, которая заплакана дождём в ожидании своего пожелтения. Грустно от этой неизбежности осени...

И это её начало...

Маскарад осени

Было начало осени. Первые холода, первые заморозки. Они прилетели к нам с севера, уперлись в деревья и давай их обрабатывать, дружить с ними.

Деревья оказались не против этого, вот только они совсем не учли, что первые холода будут плачевны для их листьев.

Листья же стали желтеть. Сначала таких было не много. Но они, листья, стали собираться в гроздья, прикрепляться и группироваться в красивые жёлтые пряди. Потом по мере воздействия холодов пряди слились в однородный ярко-жёлтый ансамбль, который привлекал внимание, резал глаза, зачаровывал. Листья мёрзли и очень гордились, что подружались с холодами, легко шуршали, словно говоря, что «вот мы какие исключительные, мы те, кто поменял краски у всего леса, и это в наших силах, когда мы вместе делаем и поём и трясёмся сообща. Да мы отдались всецело холодам, но теперь лес-то уже другой!»

От эмоций, перенапряжения некоторые листья, особенно на абрисах деревьев, стали отрываться от веток и тихонько падать вниз, кружась, цепляясь за ветки и друг за друга, вправо, влево. Они пели, пели свою осеннюю мелодию, с вариациями, шурша и меняя направления полёта. Внизу, на земле, они не сразу очнутся, поймут, что полёт-то последний, что жизни на дереве уже никогда не будет. По мере своего снижения каждый лист видел массивный ствол дерева, высокую траву вокруг, шляпки торчащих опят, ещё зелёные кустики шиповника с красными ягодами. Так постепенно листья устилали собой всю землю в лесу. И верх, и низ стали кричаще жёлтыми. Если находиться внутри этого пространства, то всё режет глаза, даже ослепляет своей желтизной. И только ели, подобрав свои лапы, остались верны лету, своим воспоминаниям о весне и летней жаре. Большими зе-

лѐными конусами они стояли в лесу, не меняясь, и горделиво возвышались над муравьиной кучей.

Переодевание природы шло к зиме. По утрам обильные росы, иней первых морозцев добавляли влаги и давали возможность росту семьям грибов, и те пользовались этим, росли тут и там. К ним-то вниз точно и стремились некоторые падающие листья, чтобы посмотреть одним глазком на заповедные, редкие для них быстрорастущие создания природы и устроиться где-нибудь неподалёку, а может даже на шляпки, явно украшая всё грибное семейство.

Шѐл неповторимый маскарад осени.

Яблоня

Яблоня росла в углу сада давно, даже никто не помнит, когда она появилась здесь. Она была хороша. Раскидистые ветки, как руки, высоко ушли в ярко голубое небо и, как по заказу художника, покрылись настолько частыми восхитительными белыми цветами, источающими весенний, пьянящий аромат, что оказались в них совсем не видимыми. Еѐ ещё крепкий ствол кряхтел под тяжестью веток и листьев и иногда скрипел от ветра.

Яблоня умудрялась издавать нежные ноты уюта и согласия жизни у любого, кто смотрел на неѐ и слышал звуки шорохи и роста, такие нежные мелодии души. Мысли и слова тогда соединялись в красоте, а сердце замирало.

Пчёлы от запахов совсем теряли головы и сновали вокруг множественными черными точками в белом море яблоневого цвета. Они ведь добывали нектар самим богам! Эти труженики натывались на мешающие им ветки, а те чуть вздрагивали в ответ, ещё и ещё подставляя себя неутомному пчелиному гуду и суеде.

Но вот прошло немного времени, и уже новая реальность неотвратимо наступила здесь повсюду: яблоня отцвела, и её лепестки стали с сожалением отлетать и стелиться рядом в небольшие мягкие, белые весенние сугробы.

Постепенно яблоню перестала тревожить жужжащая пчелиная команда, и поменялись ценности, ведь у неё взамен бутонов на ветках появились маленькие зелёные ещё яблочки, которые принялись тут же расти прямо на глазах с каждым днём, наливаясь здоровьем и силой. Наша кормилица только успевала их заботливо колыбельно покачивать и радоваться обилию народившихся плодов.

Совсем быстро пришёл август и стал отрывать от календаря свои дни. Он давал яблокам расти, наливаясь солнцем и утренними, пока тёплыми росами.

Ветки яблони потяжелели, наклонились к земле. Изогнулись дугой, терпеливо и с благодарностью легли на подпоры. Ей было сейчас, как матери, хорошо, и она была благодарна тем, кто понимал её, поливал и ухаживал за ней и её детками.

И вот однажды эти же руки коснулись больших, заветных, налитых солнцем её плодов. Яблоня поняла, что при-

шло время отлучить их от себя, с грустью расстаться.

Их было много, они загружались в сумки, вёдра, ящики, мешки и пакеты, а потом исчезали куда-то в неизвестность, но это была не беда для неё, а радость!

На самом верху, на макушке, куда невозможно дотянуться никому, созрели самые красивые, самые сочные и самые сладкие яблоки, те, которые достанутся только птицам, потому что недоступны с земли, сколько не трясى ветки.

Потом первый утренний заморозок застал её врасплох, и она откупилась от него и изменила цвет листьев на жёлтый. Но холоду этого мало. Он перешёл к решительным действиям, заставил её расстаться и с листьями. Как же она не хотела этого, но пришлось....

Тут и снег подоспел на подмогу холоду. Так от сожаления и обиды яблоня впала в спячку. Лишь обильный иней в утешение обелил вместо цветов её ветки. Он всю округу окрасил, а противный мороз скрипел тогда повсюду.

Сквозь сон она чувствовала, как трещали от него ветки, пропитываясь печным дымом из домов. А в них-то, глянь, интересно, на столе стоят её детки в компотах и вареньях.

Потом март с апрелем, взявшись за руки, отогнали холода, позвали солнце.

Наша яблоня проснулась или от прилёта скворцов, или ещё от чего.

Забурлило всё внутри, заклокотало и выстрелило сначала почками, а потом новыми листьями и белыми бутонами с

неповторимым ароматом.

Она снова решила надеть на себя свадебное платье, спрятав в нём, как раньше, свои ветки. Это и была её тайна. Ведь снова ей так захотелось жить!

Мечты у окна

Быстро мелькают ставшие уже короткими дни. Нет в них тепла. Совсем похолодало, но природа ведь знает, когда и что.

В тепле, пристроившись у окна, в тишине, сижу вот, смотрю туда, в осенний сумрак. Знаю, что сейчас моими глазами смотрит на мир зимняя мысль. И куда бы ни упал взгляд, всё делается зимним, одетым в белые пушистые одежды.

Волшебница всю резвится за стеклом. Я лишь перевожу глаза с тротуаров на дороги, и они, как корыта для будущей воды, миг наполняются пушистым снегом.

Я же перевожу взгляд дальше и дальше, то на деревья – они у меня становятся в белом инее, то на соседские козырьки на подъездах, вдруг шапками встречающими мой взгляд. И они тоже мгновенно раскрашиваются в белое.

Сейчас в осенний вечер, конечно, нет снега, и бьёт колючая крупа – быстро замёрзший дождь, но мысль уже всё успела: закружила сколько надо снежинок, крупинок, льдинок, навалила сюда сугробов, добавила морозов, непривычного пара изо рта и хруста под ногами.

Сумрак начинается после обеда часа в три-четыре. Он потом сгущается, больше и больше, пока не превращается в явный вечер, а там и до ночи рукой подать. Но образный, мною представленный снег, тогда становится настоящим событием, потому что с его появлением... светлеет! И небо начинает слабо мерцать, переливаться и, наконец, видится настоящее чудо.

Ба, да это же северное сияние! Его подсветка под зимний пейзаж становится сказочной и прекрасной!

А мысль не унимается, летит дальше через горы, через годы, уже становясь весенней!

Она опытная волшебница, я перевожу свой взгляд на эти же деревья – они начинают зеленеть, зацветают на глазах, и скольжу дальше: на крыши с осязаемой, слышимой капелью.

О тёплый мир моих надежд, где всходит по утрам ласковое солнце, а душе открыт целый мир! А я хочу – ещё дальше: до звёзд! Ввысь!

Над половодьем весенних рек в чистом пьянящем воздухе с цветочными ароматами. Мне легко в райском, сплошном восторге!

Но... Сиж у окна, сейчас холодный предзимок, всё сковало первым крепким морозом...

На изогнувшихся ветках деревьев, с бородами прозрачных сосулков от недавнего дождя и спряталась-таки моя надежда на счастливое будущее...

Дай Бог!

Встаю и пешком ухожу туда, в осень, открыв скрипучую дверь, вдохнув и ощутив настоящий зимний холод...

Поединок

Тополя хмуро стоят в посадке, что вдоль железной дороги. Кудри их веток мирно зеленеют барашками вблизи, и чем дальше проводишь их мысленно взглядом, тем больше они начинают сливаться, превращаться сначала в рыхлую линию, а потом, по мере удаления взгляда, в более чёткую, убегающую куда-то за горизонт прямо внутрь нависшей туче.

Туча была грозовой, огромной и чёрной. Вот она уже проглотила оконцовку вашего взгляда своим дождевым туманом и, казалось, почти стояла на месте, будто демонстрируя свое величие и принадлежность к высшим силам добра и зла.

Если присмотреться, то всё же можно заметить медленное приближение этого монстра к вам, потому что вместе с ним наступала пелена сплошного, сильного дождя. Она быстро поглощала тополя в посадке и саму железную дорогу да и всё вокруг, норвила совсем скоро оказаться здесь, показать свои пугающие внутренности, состоящие из дождя, грома и молний. Явление близости к катаклизму зачаровывало, приводило к оцепенению и заставляло смотреть и смотреть на смену природных декораций и настроения.

Как обычно бывает в таких случаях, сначала должен наблюдаться полный штиль (и он наблюдался), а потом поне-

сётся... Жёстко, громко, мокро. Будет трудно дышать. Будет жутко и страшно. Удары молний. Мысли о песчинке и величии. Страх. Будет вода за шиворотом и насквозь промокшая одежда. Будет купание в чём-то необъятном и необъяснимом. Будет мысль: «Хочу жить!»

А исполин тем временем продвигался всё ближе и ближе, тихо подкрадывался, пожирая расстояния. Он был уже совсем рядом.

Вдруг вся местность сверкнула ярким, быстрым, злоеющим светом. Это явилась близкая молния. И через короткую паузу... Гроыхнуло! Залп тысячи орудий мог только сравниться по силе с этим звуком.

Но что это? Ещё один звук и движение в посадке? Точно. Пассажирский. Курс – туча. У поезда нет страха! Вперёд!

Она летит...

Он летит...

И туча ответила. Да так, будто решила проглотить этого забияку и наглеца, выпустила вдруг из себя на свободу огромные тяжёлые капли. Ветер задул порывами, почти горизонтально, распылял и мельчил эти капли.

Через мгновение видимость исчезла, а вместе с ней и поезд, который посмел бросить вызов природе. Тополя качались, пригибались и снова вставали, хотя это было очень трудно. Порывы ветра отрывали на них ветки, и те легко подхватывались шквалом.

Вот так льёт! Вот так бушует ветер! Вот так вам! Вот так

всем! Громом ещё и ещё! И чтобы от молний урон! И чтобы залило!

Ага, страшно? Песчинки!

Дождь как-то неожиданно прекратился, только редкие капли били по лужам, оставляя крупные пузыри в ручьях и канавах.

Слава Богу, живы! Посадка осталась стоять, маня вдаль. А одежда потом высохнет...

Отражение

Смотрю в зеркало. Увидел тебя. Вспомнил, как всё у нас было. Утро молоджавое там увидел.

Небо уже светлое, звёзды исчезли, а солнца ещё нет – рановато!

Силуэты домов обрисовались и своими контурами заполнили весь задний план картинки.

А ты сегодня печальная, глаза выдают. Помнишь, как ты доказывала, что утро – это моя территория, а вечер – твоя. Про жаворонка и сову, помнишь?

Знаешь, я ищу в зеркале чего-то, что успокаивает душу, зная, что любовь успокаивает. Но разве можно её, эту любовь, увидеть, потрогать? Это только в миру этого нельзя, но в зеркале – можно!

Вон как всё обернулось. Пришёл домой, а тебя нет – исчезла куда-то вместе с этой самой любовью. Дала мне пред-

метный урок выживания.

А зеркало какое-то тусклое, и краски в нём неяркие. Утренний туман по углам съедает реальность, делает тебя расплывчатой.

Запела птичка: «Кьюи! Кьюи!». Это, наверно, ты прилетела обратно. Узнал по интонации, по голосу.

Сегодня, сейчас жизнь сделала маленький шагок, добавила кому-то и тебе морщин, забот, тревог, утренних слёз, а вечернюю реальность перевела сюда в зазеркалье.

Только здесь, в зазеркалье, можно связать события разной давности в один миг. Там смотрю на тебя, улыбаюсь. Глаза только выдают – пустое это всё.

Абрисы домов, деревья то голые, то покрыты листвой: это как посмотреть, как повернуть чуть зеркало. Эх, погрузить бы сейчас нам вместе, поокать, поакать, поплакать, наконец!

Сейчас у нас лето, а в зеркале, наверно, осень с прожилками инея на окнах тамошних домов.

Скорая заорала сиреной – это здесь, а птичье «Кьюи, кьюи!» – это там. Самой грани сегодня и вчера сейчас нет!

В зеркале проступили большие глаза, которые выдают свою Надежду. Обрисовался и мой силуэт с лучом солнечным: обросший, пришибленный разлукой.

Вот так зеркало всё переменяло, приблизило. Меня лицом к реальности. Тебя – к мудрости. Окунулись мы с тобой в этот мир с головой. Всё сходится: и то, и это, и что надо не позабыть.

Кофе? Утро же. Кофе в зеркале уже точно есть. Интересно, что он там появился немного раньше, чем здесь на столе. Стоит, дымится.

Так бежит моя жизнь. Успевай подстраиваться. Живи красиво, только мозоли выводил.

Добро утра

Я проснулся неожиданно от шума. Шёл утренний дождь. Он громко бил своими каплями по подоконнику, монотонно, призывно, как бы хотел сказать мне, что пора просыпаться. А, может быть, он хотел мне сказать что-то другое, открыть какую-то свою тайну. Мне захотелось распахнуть окно, чтобы быть рядом с этим неожиданным чудом.

Тучи были очень необычные, рваные и многослойные. Это они посылали дождь к земле, чтобы он вершил своё дело: стучал по подоконнику, будил меня, мочил и чернил асфальт во дворе, грибки на детской площадке, весело шумел. Его крупные капли падали на листья, и те отвечали ему своим приятным шорохом.

Но вот небо начало постепенно светлеть, и теперь уже стали видны барашки на тучах, и становилось понятно, что дождь скоро закончится. Но тот продолжал пока также мерно стучать по подоконнику.

Я стоял у открытого окна. Капли дождя били по подоконнику, разбивались об него и брызгами слегка попадали на

моё лицо, окончательно будили меня, гнали сон.

На востоке в тучах окончательно просветлело, тут и там стали появляться разрывы, а барашки уже были везде. Через рваные края туч, их многослойные построения начало сначала угадываться положение солнца, а потом и его первый луч долетел до земли, попал в моё открытое окно.

Эта яркая, пока ещё размытая облаками точка осветила уже двор, становилась всё больше и больше. Чёрные рваные тучи нижнего слоя – это остатки огромных грозных дневных, их в народе называют рваниной, быстро перемещались по небосклону. Стайка птиц пролетела чуть ниже и их не заметила, сразу скрывшись за крышей соседнего дома.

Постепенно дождь перестал сильно барабанить, стих шум падающих капель, и как-то сразу наступила тишина. Солнце через большие уже прорехи всюду терзало остатки туч и приятно освещало двор.

Дождь прекратился. Если он до обеда, значит, жди тёплого летнего дня. Это-то, наверно, и хотел сказать утренний дождик, разбудивший меня.

Это чувство трансформировалось во мне и вылилось на белый лист бумаги. А потом я уже стал читать тебе этот утренний этюд.

Купание в феврале

Вот и февраль, словно каток, наехал своими барханами-сугробами в чётком соответствии с календарём. День за-

метно прибавился по сравнению с декабрём и январём, открыв для себя, что уже может запросто конкурировать с ночью. Очень скоро весна.

Как же коротышка-февраль нам может быть интересен? Да так, что весну очень ждёшь! Начало, конечно, может быть морозным и трескучим, зато конец его – это настоящее чудо. Снег на солнце везде покрывается ледяными корочками, под которыми солнце собирается в одну точку, начинает действовать на искрящиеся снежинки. Если проникнуть внутрь этих камер солнечного тепла, то можно увидеть, как белые снежинки, нежные создания зимы, превращаются в маленькие капельки, которые в свою очередь ещё больше начинают усиливать действие светила.

Повсюду слышится тихий треск: то обвалилась, чтобы растаять, очередная ледяная бляшка одной из камер, образуя на поверхности сугроба углубление от таяния. Сам же сугроб на поверхности, куда не может попасть пока солнце, остаётся с теневой стороны белым, а с другой стороны становится весь в талых солнечных бороздах.

Конечно, ещё дни коротки, и действие лучей пока мало, но по морозным ночам всё растаявшее затвердевает, превращаясь в рыхлую рассыпающуюся на хрупкие льдинки массу. Здесь уже не снег, это, скорее, лёд.

Утром можно даже пройтись без лыж прямо по хрустящему месиву льдинок по поверхности сугроба, не проваливаясь. Но горе тебе, если наступишь на белую проплешину.

Тогда точно провалишься вниз в глубину сугроба по колено или по пояс. Там снег зыбучий, плывёт из-под ног. Немного даже становится жутковато. Он легко тогда набивается за голенище к вашим тёплым ногам, жжёт их, превращается в сырость. Вы непроизвольно начинаете переступать с одной ноги на другую, ища опору. И, о чудо! С каждым новым движением вы начинаете больше и больше возвышаться над дном этого снежного водоёма.

Секрет тут прост. Снег уплотняется. Наконец, после продолжительного топтания вы оказываетесь на поверхности. Осторожно вытаскиваете одну ногу из ловушки и ставите её возможно дальше от себя на твёрдую корку шуршащего наста. Потом переносите на неё весь свой вес. Раз! Выдёргиваете и вторую застрявшую ногу! Ура! Свобода!

Конечно, чтобы потом не оказаться снова в зыбучем плену на дне, вы прокладываете свой путь по насту намного осторожнее, но всё равно рискуя.

– Господи, помоги, – вырывается из ваших уст, и он... помогает пройти ещё считанные метры. Но вы опять угодили на самый низ, потом топчете изо всех сил снег и... выбираетесь! Вы ложитесь на живот и начинаете ползти к виднеющемуся краю предательского сугроба. Встав сначала на четвереньки, а потом уже в полный рост, оглядываетесь назад и там замечаете в насте дырки – следы от ваших ног и ныряний в снежное море.

Птицы увидели вас, смешного, в сугробе и подумали, что

весна уже пришла. И давай они петь, славя нашу русскую природу!

На даче

Поздняя осень. Уже все соседи по даче приготовили свои участки к зиме, снегу, морозу и ветру. Философски чернеют перекопанные грядки, заставляя думать о настоящем, будущем и прошедшем. Крупные вывернутые комья земли на них призваны задерживать снег и влагу, делая любой зимний снегопад или метель полезными. Эти колоритные грядки замерли в ожидании весеннего прикосновения людских рук. Сюда упадут семена, а потом из них вырастут плоды для банок, сковородок, кастрюль и соусниц.

Но остался, пожалуй, последний штрих, который необходим и который мне навевает разные мысли. Это заготовка на зиму капусты.

Кочаны похожи на людские головы и стоят обычно обособленно от других растений, кажется, даже секретничают между собой. Они на даче долгожители. Для них давно остались в прошлом полёты белых бабочек с пульсирующими от ветра крыльями, трава, лейки, шланги. На них смотрят, когда они будут готовы, и по ним сверяют быстротечное летнее время. Они исключительны каждый сам по себе и очень важны. Это белая каста, сборище неприкасаемых, уверенных, плотных и богатых. Они стоят на одревеневших ко-

черыжках, и потребуются огромные усилия, чтобы вырвать их из земли. Приходится нагибаться, отдавая каждой голове последние почести, и срезать-таки кочан с хрустом и какой-то жалостью. Он ухаёт, трещит от напряжения и, наконец, сдаётся, отделяясь от родного стволика.

Потом, проводя ножом у основания, заставим лишние верхние листья расстаться с кочаном. Сначала упадут самые зелёные, их цвет будет почти белым, они такие сочные, хочется срезать ещё, но стоп, достаточно.

Так и человек надевает на себя уйму одежды за всю свою жизнь, ведь ему нравится красиво одеваться. Он, как кочан, также хочет пожить подольше, быть крепким на ногах, быть исключительным, центром всего, находиться в гуще таких же неприкасаемых, уверенных и богатых. Он любит многократно сверять и тратить своё время. Ему хочется жить ещё и ещё.

Но наступает-таки и для него время «стоп». И оно скажет ему, как кочану: всё, приехали. И голова его, как кочан, полетит куда подальше.

А чёрные вывернутые земельные комья задержат для него метельную зимнюю влагу.

Кошка

Нагромождение дачных домиков. Тихие, опустевшие аллеи. Пришла осень. Нет, не та осень, когда ещё свежи воспо-

минания о лете, а осень первых нетающих снегов. Всё вокруг стало белым-бело, и нет пока сугробного сопротивления топающим здесь по припорошенным дорогам людям, которые оставляют за собой вереницу запутанных, последних перед стужей следов. А туда, куда попадает солнце днём, давайте будем правдивы, даже минусовой-то нет! Оазис! А, значит, всё хорошо, глянь, даже мухи здесь оттаивают и радостно летают.

Кошка осталась после скоротечного лета. Все уехали, а она нет, хотя маленький человек звал её с собой в город, плакал, снова и снова звал, но она не отзывалась, хотя была рядом в зарослях малины. Его маленькие руки любили её и гладили нежно. Разноцветные, так пока и не облетевшие осенние листья малины спрятали её тогда. Он хотел взять её в свои маленькие руки и перенести в машину, чтобы потом быть вместе в его городском каменном жилье. Он был настоящим другом для нее, понимал и видел так же, как и она, окружающий мир во всём его многообразии и глубине.

Кошка точно знала, что там ей будет хорошо. Там она будет сыта, там ей будет тепло. Она вспомнила, как весной на этой же машине приехала сюда после такой скучной квартирной надоевшей жизни. Воспоминания о высоком каменном мешке, противном корме в шуршащих пакетиках, неудобствах во всём низко прижали её там, в кустах малины, заставили молчать.

Маленькие руки держали призывно пахнувший кусочек

мяса. И слышалось:

– Кис, кис!

А потом маленький человек горько плакал от своего бессилия, жалобно спрашивал у взрослых про неё, звал её опять и опять. Отчаянно, долго. Потом медленно сел в урчащую, ожидавшую его машину. Та взревела и виновато растворилась в сизом облаке, которое сама же противно натарахтела.

Её же чуть не одолела слабость, и она почти уже поддалась ей, но потом, выйдя из своего убежища, понюхала оставленное маленьким человеком мясо и виновато, медленно пошла к закрытым на зиму воротам.

Если пойти с ней дальше, то обнаружишь, что в укромном уголке ждали её котята, про которых маленький человек не знал. Она принялась ласково их облизывать.

Как же так? Вот так.

В парке

Осенний парк развлечений сегодня пустое, унылое место. Который день шуршит дождь, продолжая поливать слетевшие повсюду жёлтые листья. Они наполняются от него запахами грусти, посылая сюда своё безысходное настроение.

Дождь монотонно трудится, выливаясь из низких туч, которые нависают и не собираются никуда уходить. Они сверху маячат серыми образованиями, не пропуская никакого намёка на солнце.

В небольшом кафе с мокрыми столиками и несуразно

перевёрнутыми на них стульями, стоят в ожидании тепла и солнца намокшие и давно обвисшие матерчатые купола грибков.

Фотограф, привыкший к людской разноголосице, ежедневной работе в гуще страстей и суеты, оказался без работы и решил запечатлеть для себя этот унылый пейзаж, когда листья прилипли к оказавшимся вдруг вверху ножкам стульев. Они сразу напомнили, как совсем недавно здесь всё было вверх ногами по-другому: играла музыка, звучала гитара. Люди наслаждались шашлыками, танцевали, и тогда солнце жгло и светило, только изредка прячась за тучи. Подумаешь, пустяковые грозовые тучи-пятиминутки, они же мимолётны, как и само жаркое лето. Ну и что, что они изливались мощным потоком дождика, весёлого проказника, который умывал зелень, громыхал себе салютным громом, прибивал пыль, наполнял воздух свежестью, был желанный и сказочный. Лишь первые дождливые капли дробно застучали, как детвора, гремевшая колёсами машинок и лошадок, сразу спряталась под навесы и тенты. Заботливые руки взрослых постарались спасти от дождя этот весёлый мелкий народ. Там, под навесом, укрывались все вместе: и мороженщицы, и покупатели, и танцоры, и музыканты. Всем было весело, все шутили и ждали появления солнца.

И оно, хотя и невидимое, в ответ вдруг всем подарило радугу. Радугу необычайной красоты. По ней на небо сразу же захотели пройтись самые маленькие, кого за руку привели

сюда родители, спрятав их здесь от дождя. Да и те, кто постарше, тоже этого очень захотели. Все стали закрывать собой от капель малышей, поэтому у них ничего не получилось с путешествием туда, а жаль.

Под навес случайно попал и наш фотограф с висящим на груди фотоаппаратом, который до этого снимал желающих и был вынужден здесь укрыться.

Вот стайка девчонок, мокрых, счастливых, шумных, босиком с дружным смехом прошла мимо. Малыши с любопытством смотрели на них, ведь девчонки уже большие, а шли под дождём, прямо на перспективное разноцветье. Крупные капли разбивались вокруг о лужи, образуя в них пузыри – диковинные образования, которые говорили, что дождь ещё будет и всем хватит его летних прелестей. И все, кто был под навесом, завидовал проходящей мимо юности. Возникло необыкновенное чувство прекрасного, такого, как та спелая радуга, полная солнечного тепла.

И фотограф не выдержал, выскочил тогда из-под тента на дождь и начал тогда снимать, снимать, снимать, щёлкая фотоаппаратом, улавливая особенные блиц-моменты счастья и красоты. На снимках будут глаза: голубые и карие, серые и зелёные – необыкновенные! И до мечты рукой подать...

Но вот дождь стал тише, и на аллею вышла компания пожилых мужчин и женщин. Наверное, была встреча одноклассников, они увиделись здесь, в парке, и решили тоже пройтись по радуге, невзирая на капли. Все вдруг оказа-

лись в далёком детстве: и фотограф, и одноклассники. Радуга объединила их в одном мгновении.

А зимой здесь треснет устоявшаяся тишина многократными звуками петард и хлопушек. Нарядятся новогодние ёлки, которым будет радоваться детвора, и опять будет многолюдно. Солнце будет сиять в морозном, радужном, разноцветном круге, сравнимом с летней радугой и её красотой. Захочется всем счастья и любви.

И фотограф сделает очередной снимок.

Окно

Длина светового дня в ноябре стремительно уменьшается, так, как будто пьёшь в жару воду из стакана. Солнце утром даже в восемь не выглядывает из-за дальней девятиэтажки, хотя ещё совсем недавно будило меня своими красноватыми, весёлыми лучами, било по голове, проникало в глаза, говорило: «Вставайте, Ваше величество, Господин лентяй! Поднимайся!»

А в это же время сейчас нет его там, а есть чуть посветлевшее небо, слегка одуревшее от всполохов городских огней. Предзимок – ноябрь и будущий рассвет захватывают и утомляют меня, зовут снова закрыть глаза, отключиться в сон. «Солнца мало, авитаминоз, поспи ещё», – тихо успокаивает меня Господин лентяй, натягивая одеяло на голову.

Дворники начали ворочать лопатами выпавший ночью

мягкий снежок, собирая его в кучи, выгребая его вместе с остатками сна на всеобщее обозрение.

Пока снег всем в диковинку: он не надоел – лёгкий, пушистый. После мокрой листвы – и вдруг снег. Дворники стараются, и в лопатной песне громко это у них получается. На окнах припаркованных внизу машин выросли длинные, замысловатые кристаллы морозного инея. Это остатки вчерашнего дня, точнее его тепла, которое превратилось в воспоминания.

Прямо передо мной больничное окно в палате. Сегодня у меня операция. И что-то изменится со мной навсегда. Мне от этой неизвестности становится страшно. Сегодня мой лентяй отпразднует полную победу. Он только боится, что после операции я стану другим. Бойся!

Больница старая, она приняла и проводила многих своих пациентов, некоторых даже навсегда. В здешнем окне можно увидеть и улыбку надежды, и бессилие врача, оптимизм больного и суровый приговор, и даже то, когда приговор исполняется по воле божьей.

Вот послышалась тихая, далёкая сирена «скорой». Вот она становится громче и ближе. В такт с ней начал мигать край у моего не зашторенного окна, заполняя его своими сине-фиолетовыми бликами. Вот для меня уже сирена «скорой» рядом. Вот они рядом настолько, что она со мной здесь, в палате!

Вдруг звук и свет внезапно оборвались.... Приехала в

«приёмное», расстаралась, наверное, успела. Наверное,... Она достигла своего конечного пункта, у кого-то жизнь не оборвалась.

Но кажется мне пора! В путь! Спаси и сохрани! Господи! Как стучит гулко сердце! Поехали...

Неизвестность закрыла собой все образы, промелькнувшие передо мной. Они стали мне милы и дороги. Увижу ли я вас ещё?

Я печально посмотрел в окно. Там пророчески визжала и мигала мне вторая машина скорой помощи с притаившимся в ней декабрём.

Весна

Весна на дворе. Прекрасная пора. Весна солнцем балуется, ветром прошлогоднюю ветошь травы пригибает, проникает повсюду. Она ощущается на вдохе каждой клеточкой, каждой былинкой. То тут, то там снуют по земле паучки, клещики, ожила мухота. Пчёлы облетают свои владения, где обязательно расцветут скоро все растения, и они искупаются в море нектара. Птицы от пришедшего тепла и радости красиво гармонично поют, усевшись на провода, свои неповторимые трели, выводя витиеватые коленца. «Во дают!», – восхищаетесь вы и тем самым напитываетесь прекрасным моментом.

Птицы поют от того, что у них будут скоро птенцы, и они

без устали носят в свои гнёзда насекомых для прокорма своих любимых, которые уже уселись на яйца. Поэтому на проходах долго не засиживаются, а, поучаствовав в какофонии звука, спешат туда – сюда на всё новые и новые поиски съестного. Берегись этих музыкальных голодных клювов!

В колках сок берёзовый стекает с деревьев в кем-то расставленные банки, которые уже стоят переполненные, ожидая страждущих будущих силачей.

И берёзам это нравится. Они покачивают с одобрением свои пока без листьев свисающие ветки, которые совсем скоро научатся шептаться красивыми новенькими листиками с ветром и шуметь с весенней грозой.

Вдруг вмиг небо заволакивает туча, и из неё начинает сыпаться белая крупа, а совсем не тёплый дождь.

Студёные порывы ветра охлаждают горячие головы, имеющие обыкновение забывать о том, что здесь не тёплый юг, а всё же какой-никакой север. Белые крупинки смешно подпрыгивают, ударяясь о землю, но у них не хватает силы сомкнуть свои плечи, чтобы образовать снежную сплошную корку.

Ещё мгновение, и снова показывается солнце, даря своё присутствие этому чуду под названием слепой снег. А весна ведь на дворе...

Прекрасная пора!

Исповедь тех, на кого бы вы и не подумали

Лето промелькнуло и унеслось. Было оно или нет, этого, впрочем, пока почти не заметно. Но оно промчалось...

А мы всё также из весны в весну, из осени в осень находимся на одном месте, тихо стоим здесь и скромно живём.

Мы – это дома, что называют презрительно «хрущёвки», которые, говорят, будут уже совсем скоро сносить.

Наш создатель – какой-то великий Архитектор. Он придумал нас, чтобы расселить пресловутые коммуналки где-то в середине прошлого века.

Под его же божественным покровительством скоро на этом самом месте вместо нас вырастут многоэтажные красавцы, эдакие громады с белыми боками, намного выше ростом и крупнее, чем мы. Для этого Божественный в своё время создал макет будущей стройки, расстарался.

Мы же сразу впитали быстрое время из его реки, перенеслись в настоящее, но при этом сильно обветшали, став для него обузой, потому что не приспособлены к сегодняшнему дню.

Что же это значит, когда вам уже далеко, далеко за пятьдесят? Это, когда вы постарели, а сердце-то бьётся, как прежде, и жить хочется. Это, когда глазами вы готовы сделать всё, но не получается.

Но мы не унываем, так и стоим своей кучкой под названием «Микрорайон». Вместе стоять лучше, ветер тогда не так сильно стены корябает. В наши глаза, которые люди называ-

ют окнами, не так надувается тогда песок или снег.

Уши у нас – это антенны и кабели связи, с помощью которых мы объединяемся в микрорайон и общаемся с окружающим миром и между собой по устоявшемуся расписанию.

Мы – стояльцы, с уставшими стенами, балками, перекрытиями.

Мы помним тихо шуршащие полчища тараканов (сейчас они куда-то исчезли!) и мышей в подвалах; горбачёвских сантехников в грязных сапогах, с газовыми ключами наперевес, и кусками пакли, торчащими из кармана; брежневских красивых чистоплотных людских хозяйшек в халатиках с безупречными фигурками, тряпками, натирающими наши окна, отчего те превращались в увеличительные стёкла.

Каждым утром в тумане, луне, дожде мы оживали в своих заботах, дежурили и будили своих жильцов громкими дворничьими лопатами и метлами; по нотам озвучивали целые оратории, подключая смывные бачки и тремольный топот спешащих ног по лестницам.

Всеми оставшимися ещё у нас силами мы исполняли так музыку новой тогда коммунальной жизни.

Мы провожали не проснувшихся до конца, спящих на ходу детей в колясках или за руку, прогревали армаду заночевавших авто, потом освобождая территорию от их присутствия.

И тогда своим интересом все мы привычно натирали до

блеска пришедший новый день, передавали его потом господину вечеру и дальше по эстафете – уже самой чёрной принцессе ночи.

Говорят, у неё в услужении есть знаменитая полночь с шагающей тьмой, куда она всегда заманивает любого «на пробу» с собой в другой мир, в тягучую неизвестность.

Тогда-то начинает кричать на всю округу «скорая», или пьяные гуляки нарушают устоявшуюся тишину, или вдруг забарабанит дождь, вымещая своё враждебное отношение ко всем нашим крышам и громко урча в водосточные трубы.

Незаметно, но время меняло всё вокруг, к сожалению, только не в нашу пользу.

Всякое бывало, когда по разным причинам в одной из квартир отключалась вода или, наоборот, топила. Тогда наши дома плакали разводами по ветшающим стенам, этим ещё больше укорачивая себе жизнь.

На первых этажах нашей домовой компании жили те, кто постарше. У них нет балконов и окна с решётками, на всякий случай. Такое впечатление, что не они отгородились от мира, а мир от них.

На последних этажах те, кто помоложе. У них здесь наверху и воздух чище, и ступени у лестниц не очень стёрты от каблуков, потому что не каждый ловелас сюда добирался, натугу высоты преодолевая.

А вот на средних этажах – там жильцы, которые всегда скрывали свою национальность. И всё без лифтов, все уди-

вительно уживались и сосуществовали.

А недавно прорвало трубу теплотрассы около одного из нас. Труба эта, мать её, настолько проржавела, что превратилась в ржавую труху.

И бабахнул вверх до третьего этажа горячий фонтан, а мы всей своей домовою компаниею в ужасе затихли, ожидая последствий. Трубу ту ни разу не меняли с момента нашего строительства. «То ли ещё будет!» – появилась мысль.

Некоторые индивиды заспешили специально эту струю сфотографировать, проникнуть в подъезд, подняться на её высоту и чикнуть, выкладывая своё сэлфи (вместо помощи).

«О, эти любители опасных сэлфи... Да Бог им судья, если от ума горе».

В общем, всё обошлось, никто не сварился. Людские ангелы -хранители, наверное, тоже тогда объединились.

Вспомнилось ещё, как на первый год после заселения все наши чердаки облюбовали голуби и ласточки. С годами там от них образовались горы помёта, который, лежит себе, ожидая своего часа до сих пор. Не знают о кучах новые белые дома-белоручки, его им не переварить.

А голуби на чердаках и сейчас курлыкают про свою любовь, да ласточки носятся, как оглашённые, громко пища и пикируя на зазевавшуюся насекомину.

От поведения и настроения птиц мы научились первыми узнавать о приходе весны или зимы, или бегстве коротышки лета в неизвестном направлении.

Про деревья ещё хочется вспомнить. Их посадили наши же жильцы на субботнике. Тогда молодые вежливые люди с улыбками и огромной энергетикой. Они себя тогда называли комсомольцами, любителями всего нового. Быстрые. Шустрые.

Потом эти деревья, посаженные по случаю, выросли, дотянулись ветками до пятого этажа. Они символизировали прошедшее их время, перестали толком пропускать солнце.

От дворового теневого мракобесия близко к дворцовому беспамятству. Решено было их спилить все до единого, а тень уничтожить.

Сказано – сделано. Спилили! Отчекрыжили по самое не хочу...

Тогда ничего уже не нарисовал художник, имея талант и восприятие. Не оставили ему масла, акварели, портрета, лишь обрубки, обрезки, куски глупости и столбцы уродцев. Повсеместно тогда во дворах была лесосека с зелёными кучами спиленных молчаливых, повядших веток без художественного оформления.

Потом забот от света нам прибавилось. Глаза-то наши оказались вмиг грязными, засиженными мухами, в паутине и в слезах постаревших как-то вмиг тех красавиц.

О наши дворы, обусловленные и выверенные своим временем...

Стояли, помнится, все мы ещё новёхонькие. Только познакомились друг с другом. Примеряли подоконники, стоя-

ки подъездной сантехники, слышали везде противное жужжание дрелей и перестук молотков.

Мы тогда подлаживались под первых своих жильцов. Подъезды ещё были без хулиганов, а их свежая краска ещё не была испещрена матерными надписями и не облупилась.

Вот сейчас почему-то ещё вспомнились свадьбы. Марш Мендельсона и всякое такое. Свидетели не берегли головы, было молодо, многолюдно, но «в тесноте, да не в обиде».

Проводы помним всем двором в армию, когда провожали, чтобы потом ждать, при этом верно любить. Какая-токая дребедень была, эта звучавшая тогда клятва из молодых трепетных уст девчонки и парнишки, но население-то в наших дворах стало со временем больше, а это значит, что клятвы их были не напрасны.

Похороны, что под марши духовых оркестров, со спуском покойников «на руках» в подъездах. Трудно, когда этаж четвёртый или пятый, идти вниз. Но поднимали и подхватывали. Так было!

Вспомнились ещё автоматы газводы по три копейки стакан. Детские красные галстуки. Школьники в униформах с кокардами на фуражках и подворотничками на тёмно-синих гимнастёрках, школьницы с их белыми бантами и фартучками на выпускных вечерах. Куда всё подевалось?

Сейчас процветают пивные магазинчики с перепутанными шлангами за прилавком. В них любой бок человека точно

обмякнет, пузо вспучится пузырём, без атлетической красоты, не говоря о подмоченных подъездах со специфичным после облегчений запахом.

Комсомольцы постарели, превратилась в склочных стариков. Раньше они гарцевали по микрорайону с пивком в бидонах из-под молока и диковинными для того времени полными полиэтиленовыми пакетами, в которых обязательно была дырка, как в песенке про лето.

Спины тогдашних девчат нынче ссутулились, изогнулись дугой к земле, а на ноги будто надели железные вериги. Случилось то, чего больше всего они боялись: морщины. На лицах у них остались несмываемые остатки грима и туши, а их голоса оказались давно прокурены и хрипят басом. Давно те девчата закинули куда-то свои туфли на шпильках, противозачаточные, прикупили себе парики и дешёвую туалетную воду. В больницу они выстроили большую очередь. И ведь раньше из них никто и не думал, что можно спутать камни в почках с камнями из нашего двора.

Мы, например, всем постоянно говорили, что виноват алкоголь. Всё без толку. Пословицы-скороговорки: «Водка – находка», «Пиво – диво», «Вино – вот оно!» знали все тогдашние шалопаи от мала до велика. Из-за дефицита спиртного в магазинах, подъездах – везде веяло ароматами самогона.

По утрам выходили, бывало, всякие там якобы спортсмены в тренировочных костюмах и соображали, трясясь, «на

троих».

Не отставали и собачники. Они никогда не убирали за своими питомцами, поэтому весной народу приходилось искать более длинные маршруты передвижения по округе.

Но наши дворы жили и поживали. Домино с громким стуком. Карты в «шестьдесят шесть». Суета мам и няnek в детских песочницах. Но на скамейках у подъездов бабки-то бдительные присутствовали, всегда сидели! Тогда дворовые субботники только чего стоили...

А сейчас во дворах безлюдно, лишь машины с проснувшимися внезапно сигнализациями, которые орут монотонными своими мелодиями, сводят с ума спящих людей.

Наши стены сейчас обшарпаны, глаза обветрены, нет давно заводского утреннего гудка, но ведь есть этот самый микрорайон, наша компания домов с колоритными дворами, собравшаяся гуртом.

Такие мы, гордые хрущёвки, где на малюсеньких кухоньках готовят, а в смежной комнате обедают, где и холодильник-то некуда воткнуть, нет места, а в коридорах вовсе не разминуться. Но зато как всё уютно, в своём времени.

Конечно, новому городу мы мешаем своей древностью и необустроенностью, занимаем много места. Мы источаем грусть, ностальгию даже в нашем неповторимом облике.

А недавно тот же самый архитектор вечером пришёл к своему новому макету-детищу, который изготовил для стройки на нашем месте. Он долго смотрел на новые бумаж-

ные белые дома, дороги, светофоры и машинки. Он что-то вспомнил. Из божественных его глаз даже капнула слеза. Окропила, приговорила нас.

Но вон уже появилась и молот-баба. Она двинулась к нам из переулка, испугав наших ласточек, и те быстро куда-то скрылись. Эта махина прибыла по нашу душу. Скоро она живо закрутит своей стрелой, начнёт бить и разрушать наши стены большим болтающимся, беспощадным металлическим шаром.

И уже совсем скоро на этом месте вместо нас будет много камней, щебня, осколков наших сердец. Подоспевшие самосвалы всё увезут, освободят место. Пожалуйста, можно будет строить.

Это действие начнётся и закончится, умрёт и всё воскреснет...

Только память...

Ну, а что память? Она тут одна затеряется вперемешку с птичьими пёрышками, которые слетят с наших крыш из тех упомянутых гнёзд.

– Можно сэлфи на память последнее? Архитектор, хотим с вами! Уважьте нас! Услышите! Это так серьёзно! Божественный!

Вдруг шар ударил по сердцу, обрушил целый кусок стены... Зазвенели осколки наших глаз, померкло солнце.

– Больно! Пощадите! Наши постаревшие ангелы, да где же вы?

Это не сварка

Обрыв под ногами. Дальше, если смотреть вперёд, будет почти безлесная пойма большой реки, которую саму не видно, но её чувствуешь по пролёту над ней чаек, по доносящимся изредка оттуда гудкам и звукам моторов

лодок. На другом берегу, как на ладони, виден город. Это место сплошного нагромождения зданий. Они стоят под зонтами крыш из красной кровли, стоят кучно, как грибы в лесу, и притягивают к себе взгляды. Шляпы этих грибов чуть загадочны и своеобразны, настолько позволяет воображение. Дым из печных труб здесь сливается с атмосферой и приближает горизонт.

Солнце встало и сейчас за спиной. Ваша тень скользит с обрыва на пойменный луг. Тишина то и дело разрезается жужжанием крыльев каких-то больших мух или пчёл. В этой идиллической атмосфере все, кто сюда попадает, долго стоят на обрыве и начинают чувствовать свой почти материальный взгляд туда, через реку на город. И взгляд летит, шарит по домам, деревьям, стройкам города. Наконец, он устремляется выше на летающих тут и там птиц, причудливые облака, которые вытянулись почему-то в красноватую линию. Вы запросто включаете воображение и оказываетесь в прошлом и будущем одновременно. Вы попадаете через портал

в другую реальность. Тогда вы начинаете гордиться тем, что можете запросто летать, что вы родились здесь, сюда на обрыв снова пришли.

Но вдруг резануло по глазам. Город ответил ярчайшей вспышкой света. Что это? Включили прожектор? Сварка? Пришлось рукой закрывать глаза. Из любопытства вы снова пытаетесь рассмотреть, в чём дело. Всё изменилось: теперь весь край города, каждый дом, полыхнул ярчайшим светом. Просто Солнце встало за спиной, осветило портал в другое; оно отразилось миллионами зайчиков, приглашая сюда снова, так реализуя новые наши мимолётные времена и будущие встречи.

Дверь

Потащило меня по улице не на машине, не на двухколёсной штуковине, называемой велосипедом или самокатом, а на ногах – самом древнем известном средстве передвижения. Они, ноги, в тот день шли и шли себе подальше, еле поспевая за «куда глядящими глазами». Я не видел мелких деталей по пути и всё шёл только вперёд. Я устал считать чёрных кошек, перебегающих мне дорогу, видел во всех встречных женщинах баб с пустыми вёдрами. Магазины не интересовали меня по причине отсутствия денег, а ненавязчивая реклама на каждом углу даже не нервировала по причине моего к ней абсолютного равнодушия.

Ноги устали тѣпать от одного светофора «с красным человеком» до другого и просились приостановить дальнейшее продвижение.

Конечно, я был задумчив, отрешен от всего и, наверно, со стороны стал похож на электроутюг без энергии или воздушный шар без воздуха. Надо срочно было передохнуть, присесть, в конце концов, и перевести дух. Но ни впереди, ни сзади не было ни одного приличного места, чтобы это проделать.

Вдруг я упѣрся в большую красивую дверь. Всего-то. Имело место противостояние один на один этой двери, как таковой, и меня, как человека, к тому же усталого путника. Оглядевшись, я понял, что очутился перед входом в музей и почему-то обрадовался этому, ведь никогда здесь не был, даже потрогал через карман свой смарт, который всегда со мной. Да, именно так – «и ночью, и днѣм со смартфо живѣм!» Привык я к его советам. Надо что – сразу туда. Надо фото? – пожалуйста; почему голова сначала рыжая, а потом седая? – потому; сколько корней из двух? – нисколько, потому, что корни из цифр не растут.

По инерции и из любопытства я прикоснулся рукой к красивой большой ручке и даже ощутил её тепло. Потом отдернул руку и достал смартфон. Набрал вопрос:

– Почему дверная ручка в музее тѣплая?

Пришѣл ответ:

– Ручка впитала и впитывает в себя энергию многих лю-

дей. За неё брались тираны и вожди, маршалы и важные министры, а также и другие люди, поэтому, согласно закону сохранения энергии, ручка должна быть теплее окружающей среды.

– А тут берусь за неё я, – подумал я и представил, как за неё бралось множество людей из прошлого. Вот сухие, пронырливые чиновники, стоя за дверью, подслушивают тайны и передают потом их кому-то, открывая и закрывая дверь, а, значит, берутся за эту самую ручку, вот офицер выставляет караул из солдат, открывает дверь, а потом надолго замирает в неподвижности на приёме или балу. Вот какие-то громко бранящиеся люди с красными бантами гремят этой тяжёлой дверью, с трудом открывают её и сначала прибегают в здание, а затем убегают быстро куда-то прочь. Я услышал, как в помещениях, куда ведёт меня музейная дорога, звучит красивая музыка и стихи, сдобренные уютом и миром, нет волнений с испепеляющей революционной страстью, нет знойных летних погод, нет никаких снежных буранов.

Вообще очень странно, что моя сегодняшняя дорога привела меня сюда к этому входу. Я понял ещё, что там за дверью находится какая-то другая жизнь, где всё и вся клокочет неизвестностью, и там спрятана какая-то тайна. Затем обратился к неодушевлённому помощнику:

– Мне будет интересно в музее?

– Да, – последовал короткий ответ.

Дверные полированные бока несли на себе лак с развода-

ми грязи от летающей в воздухе погодной пыли. При этом шпингалеты крепко держали одну половину двери, чтобы сюда не было хода всяким случайным, да и красивая ручка зазывала всех желающих зайти внутрь. С трудом я открыл тогда дверь.

Лохматый полумрак вестибюля отразился в начищенных канделябрах, заставлял загораться свечи и глаза.

В главном зале по обеим сторонам в нишах стояли караульные солдаты в парадных мундирах.

Бал в разгаре. Как раз дают полонез Огинского. Пары танцующих следуют грациозно одна за другой чётко в такт. Движения выверены. Кавалеры в мундирах и костюмах стараются вовсю, чтобы удивить публику, стоящую у стен недалеко от галунов на картузах караульных, а танцующие с ними дамы стреляют глазками и гордятся своими партнёрами. Дамы же, кто не танцует, завидуют им и пёстрыми веерами отмахиваются от духоты и скуки. Рука в кармане судорожно жала смартфон.

– Что скажешь?

– Танцуй!

Оркестр старается, тщательно выводит каждую звучащую ноту в мелодию. Получается. Дирижер рад, что всё идёт гладко. Он хитро улыбается и поглядывает прямо на меня. Заиграли вальс. Пары начали кружиться на волнах волшебной мелодии, и дирижер взмахом руки сменил декорацию танцевального зала на цветущие каштаны венского парка. Ещё

его движение, и я танцую с брюнеткой-партнёршей, в которой постепенно узнаю свою первую любовь: очаровательную, неразделённую. Танец продолжился. Я чувствую, что мне уже на раз-два-три много лет. Моя спутница ... Волосы уложены, макияж яркий, маникюр. Лицо жены...

Снова танец в зале. Я вспоминаю и не помню, смотрю на себя со стороны и чувствую изнутри. Я в паре с брюнеткой, мы начали вальс. А глаза-то наши встретились!

Я очнулся перед музейной дверью и ещё даже не попытался открыть её, затем ласково прикоснулся, погладил её красивую ручку. Танец окончен. «Усталость прошла», – высветил мой смартфон, но я ему не верю...

А дверь снова открывается, но уже не мне, а уже другому моему «я». И божественные пары снова под полонез возникают передо мной. Чётко и грациозно. Веера. Караул на дверях и у стен. Дирижёр.

Я нахожу, что его и моё грустное настроение – переход к чему-то хорошему и прекрасному.

Только остаётся не забыть затворить за собою волшебную дверь. И я открываю глаза. Красивая какая. У неё массивная ручка...

Итак, открываю!

Лесная лень

Ура! Мы вырвались на природу, а тут, как известно, авто-

ритарно всем правит госпожа Лень. Она живёт здесь, притаившись за каждым зелёным кустом, каждым деревцем и даже травинкой. Вверху по небу в обволакивающем жужжании каких-то лесных насекомых медленно плывут произведения её искусства – белые облака, а внизу мы – бездельники, приехавшие сюда из каменных домов.

Солнце щурится через кроны и, меняя своё местоположение, незаметно, медленно двигает тени от деревьев, а рукава его лучей успевают высветить в полумраке леса светлые пятна, на которых от удивления останавливается глаз.

То тут, то там вдруг слышишь, как дятел выстукивает стволы больших сосен, стоящих на нашем пути, их огибает наша дорога-тропинка. Какой же этот дятел трудолюбивый, непоседливый и настойчивый. Вдруг у другой сосны снова слышатся знакомая дробь и неповторимый перестук. Тук-тук, тук, тук- тук. Только потом понимаешь, что это ещё один дятел, наверное, родственник предыдущего, резвится в своём усердии.

Потом вдруг видишь маленькую ящерку, она неподвижна и пристально смотрит из травы на нашу непонятно откуда взявшуюся меланхолию. Ещё слышишь, как громко стрекочут кузнечики, а ближе к опушке удивляют и умиляют своим неповторимым пением невидимые и неведанные лесные птицы.

Мелкими шажками бережно и мягко наступаем на тропинку, по которой всюду разбросаны хвоя, шишки и мелкие

ветки. По сторонам – крапива в рост, а малина издали показывает нам свои красные, поспевшие ягоды.

Только и остаётся идти медленнее, чтобы ещё больше впитать эту какофонию звуков и запахов.

Что-то невидимое здесь висит в воздухе, наполняя собой все окружающие предметы, кусты и деревья, звенит в ушах, смешно аукается в наших шагах. Тогда это что-то проникает в нас, обволакивает, опьяняя ароматами цветов, радостью и умиротворением. Это что-то и есть субстанция Лени из запахов, пейзажей и ещё чего-то непонятного, неповторимого, но такого желанного.

Наши сердца начинают откликаться на это действие и громко стучать, словно крича о любви. Шаги сами замедляются, и всё сливается в неповторимый хор – гимн природе. Не сговариваясь, берёмся за руки.

Мы внутри этой томной капсулы, будто плывём на фантастическом корабле, тихо, плавно, неповторимо и красиво.

И нет никакой нужды вспоминать о городе, вчерашнем дне. Совсем остановившись, всё понимаем без слов. Только любовь и счастье в волшебном царстве лесной Лени. Потом сладкий сон вмешается и обязательно придёт на смену.

Начало лета

Хорошие деньки, тёплые, хотя по утрам ещё прохладные. Муха, пчела, гусеница – ползают, летают, двигаются. Они

упиваются по-своему даденным им высшими силами жизненным летним теплом вокруг.

Росы еще не бьют по утрам наотмашь, боятся утреннего солнца и неповторимой тишины.

Близкая деревня, хотя и невидима, но добавляет в утренний шум и гам мычание коров, лай собак и крик петухов.

В озёрах и ручьях вода подогревается, готовясь к тому, что скоро можно будет в жару окунуться в неё с прямо с головой, почувствовать и новые жизнеутверждающие ощущения, и зарядиться бодростью и здоровьем.

Вдруг, будто очнувшись от спячки, начинает петь птица, потом к ней присоединяется вторая, потом ещё.

А синкопами вдруг отрывают уши быстрые ласточки, которые в это самое время особенно, наверно, чувствуют волю и простор. Где-то совсем недалеко находятся их гнёзда, вон там, в стене обрыва на речке. Они пискливо кричат, снуют туда, сюда, хватая насекомых себе на пропитание, прямо на лету в головокружительном полёте.

Это же ласковое, невероятное, летнее сказочное утро пришло на нашу русскую землю, в который раз показывая всему миру красоту и истоки нашей силы.

А теперь глубоко вдохните, затаите дыхание. Всё прекрасно! Хорошие деньки проживаем!

Лист

Лист лежит себе на столе белым пространством. Следы от

ручки на нём – это строчки и записи. Мысль ожидаемо нашла в них на его территории себе применение. И слава Богу! Ручка, правда, за мыслью порой угнаться не может, поэтому и оставляет за собой суету, спешку, трудно распознаваемые коленца-каракули. Синие ленточки пасты на бумаге – это желоба, по которым изливается мысль, следуя по ним и оставаясь там навсегда.

Когда читаешь, то мысль пробуждается, опять струится, бежит по желобам, возникая из неодушевлённого когда-то белого листа. Происходит метаморфоза, и вот она уже в вашей голове заставляет не только переживать, а ещё и думать, и любить, и ненавидеть. На ленточках с поворотами и завыками мысль всю резвится, набирает ход, используя такую вот стартовую площадку перед полётом по турбулентному прочитанному недавно тексту о пространстве жизни.

То, что написано на листе ранее, уже не вырубить топором, как в известной пословице, но уже можно прочитать, хмурая лоб или улыбаясь. Мысль как предмет неодушевлённости и значимости образа тиражируется потом то в одном, то в другом человеке. Если мысль дельная, то тогда она приобретает свою собственную жизнь, только бумагу желательнее бы найти побелее да ручкой двигать полегче, но если она с горчинкой, то извините.

Выделяет коленца рука, ведомая мыслью, рисует новую реальность, лежит белый лист квадратом.

Нырните туда по желобам, вам понравится.

Война. Небо.

Выдавливает небо редкий снежок оконцовки февраля из своей утренней серости. Снежинки мелькают у наблюдателя в безветрии, не осознавая, куда они летят и что будет с ними дальше. Их огромное количество, они миролюбивы, ласковы и нежны, дышат небесной свежестью и крепким морозом, ложась на землю сплошным покрывалом, успокаиваются в ожидании.

Вдруг задувает низовой ветер и подхватывает позёмкой, несёт их куда-то всех вместе к непонятному будущему. Они собой слоём скрывают дорогу, они снова при деле. Это замедляет скорость машин, затрудняет водителям здешнюю езду туда-сюда. Абсолютно бессмысленную, лишнюю, по их мнению, вредную. И уже, как хозяева, спросив разрешения у самого серого неба, снежинки заставляют водителей двигаться, рискуя улететь в кювет, может даже перевернуться, поэтому им, водителям, приходится останавливаться «до выяснения». Перемело впереди, переметёт быстро сзади, и дорога спрячется. А с поля, знай, дует, метёт, надувает настоящие барханы. Можно только пешком! Хотя куда пешком, если даже ног не видно.

А что если с разгона и вперёд? Нельзя. Увязнешь, сядешь на брюхо или в кювете окажешься. Копай тогда не перекопай. Вот так выдавливает серое февральское небо из своих

недр снежок. Вот так оно воюет с человеком: тихо, мягко, спокойно, обманчиво. И пушек нет!

«Хочу жить!» – бьёт в висках, заставляет вспомнить всю прожитую жизнь, всё потерянное в позёмке время. Но белые маленькие, живые существа – снежинки продолжают и продолжают мерно, монотонно вываливаться себе из чрева необъятного февральского неба.

Такая весна

Холодная в этом году весна. Словно смеётся над теми, кто норовит поскорее забыть о зимних шубах и куртках. Смущает ярким своим солнцем, которое якобы греет.

Зато без устали дует и дует надоевший, пронизывающий холодный ветер. Он заставляет бухать кашлем в кинозалах, аудиториях и квартирах, не даёт спокойно существовать всяким там рекламным щитам, стенам, крышам домов. Иногда своим холодным напором ветрище приносит даже снежинки – диковинные северные создания конца мая и даже начала июня.

Аптекари рады-радёшеньки активному спросу на таблетки и микстуры. И всё это надолго и, очевидно, затягивается во времени. «Где же ты, лето?» – спрашиваем мы синее, но пока холодное небо.

Студёная весна всё же нашла короткие тёплые дни в своём апреле и растопила сугробы в самых заброшенных, заповедных уголках леса и города, там, где господствует тень и

мрак. А потом успокоилась и затаилась.

Реки тогда сбросили лёд и разлились на пойменных просторах.

По дорогам теперь суетливо движутся чумазные машины, недавно переобутые в летние шины. Они с удовольствием поблёскивали бы разными цветами своих помытых к близкому лету бортов, но ежедневный мелкий дождик и разбитая колёсами грязь делает их одинаково серыми и угрюмыми.

Но их хозяевам словно и не мешает слякоть. Как не заметить открывшихся мужскому глазу красивых ножек в облегающих полупрозрачных колготках? Красавицы живо заставляют оборачиваться водителей, отвлекают, мешают движению. Тогда только и слышится: «Ух, хороша чертовка!»

И летят от них в пространство мечтательные улыбки, посвящённые и этой холодной весне, и прошедшей зиме, и тёплому, где-то затерявшемуся лету.

Салонам красоты прибавилась работа по сбору и утилизации веснушек. Говорят, что их собирают в большие ёмкости и куда-то отправляют потом за счастьем.

Птицы уже чувствуют скорое приближение лета. Каждым ранним утром они громко и старательно выводят такие чудесные ноты, что только открывай окно, не ленись, слушай их громкие рулады, смотри во все глаза.

По тротуару плывёт не спеша юноша с большим букетом тюльпанов, вызывая весеннюю улыбку у прохожих. Наверное, многие просто завидуют ему. Он идёт походкой уверен-

ного счастливого человека. Не страшны ему преграды весны-пересмешницы, её холод и ветер, когда в сердце любовь. Весна всё же умеет заразить всех ожиданием какого-то чуда и счастья.

Всё хорошо: ведь впереди – лето!

Медленное время

Она идёт сюда к машине. Снова засуетилось моё сердце, заворчалось, забилося чаще.

«Милая», с большой буквы, она меня прихватила своей фигурой, своими чертами лица, в которых художник видит правильные линии, манящие его немедленно к написанию прекрасного образа на холсте, а любой математик страстно, не вдруг выведет формулу её красивого лица на кончике пера.

Она сравнимая и несравненная, манящая и отдаляющаяся по причине своей неповторимости и исключительности.

Вспомнилось, как при самой первой нашей встрече она благоухала тонкими дорогими духами, будущим внезапным и долгожданным хлопком передней дверцы, хотя может ли пахнуть самым великолепием хлопок этой самой дверцы какой-то машины?

Деловая моя красавица. Может быть, это богиня? Да, точно, моя богиня. Нет, она, конечно же, не моя, просто я у неё работаю. Я вожу её машину. Я её водитель. Обычный води-

тель.

И каждое утро у меня обычное. Глянул в зеркало, а там – бр.... Дальше обычно бритва, обычная небольшая зарядка «на дышалку», чтобы в тонус войти, обычный завтрак там...

Снова гляжу уже более осмысленно в зеркало: «Вроде по-лучше!» В нём уже не морда, уже физиономия, которая даже улыбается. Тогда вперёд в лифт, вниз. Кнопку красненькую на вдохе машинально на выходной двери нажимаю.

Я на улице! Ключ зажигания повернул и тормознул, пока машина греется. Можно подумать о том, что да где. Музыка «на всю» не включаю, боюсь её бухом хорошего парня в себе загнობить.

Ещё вижу вокруг одних прогревальщиков, сидящих в своих машинах, на мозги и уши которых она здорово бьёт. Они друг перед другом не только матчастью, но ещё и громкими бухами выпендриваются, ничего не замечая, а зря. Средина ведь декабря уже, а они быют, себя не щадя.

Глядишь, так и Новый год бухнет намного раньше времени, сокращая им время. Эти громкие, как зомби, вызывают у меня раздражение, у них «я» на первом месте.

Тахометр на приборной показал, что всё в порядке. По-ехали! Кручу туда-сюда рулевое колесо, потом жду, когда же освободят дорогу. Но вот, наконец, Свобода! Выезжаю на дорогу.

Панорама обычна: вижу очередные аварии. Люди, понурые и горячие, в них поцеловались. Стоят теперь тут и там,

машут руками, доказывают, кто прав, кто виноват.

Люди до, люди после – абсолютно разные. До – они самоуверенные и разгорячённые; после – жалкие. У них всех лишь руки в воздухе летают, доказывая, как пропеллеры. Вообще, редко встретишь водилу со стажем совсем без аварий, таких просто не бывает!

Индивид, человек! Или как тебя там! Ты стоишь и бежишь, спишь и бодрствуешь, судишь и нарушаешь одновременно. Авария для тебя дело не проходящее, а даже закономерное, как без неё, просто нельзя.

Поворот. Красавица грациозно машет, голосует. В перчатках вся. Сю-сю! Колесико с чёрной резиной, с азотом проколола....

Если остановиться и помочь ей? Нет, пожалуй, не буду, нет времени. Потому что проколы разные бывают и предлагают разное. Извини, на работу спешу! Я просто улыбаюсь злорадно и следую дальше. А ещё я научился ворчать, хотя раньше не занимался. Ворчу везде, где только не бываю. потому что раньше, наверное, громко и тихо недоворчал что-то кому-то.

Сейчас вот скоро Новый год. Декабрь. Середина. Нечего говорить, приноровился я к своей работе. День начинается, если он не суббота или не воскресенье, для меня рано: подъём, дорога. Живу в Москве же. Бегу, как очумелый, как все окружающие, туда-сюда, ноги горят вместе с землёй. Людьями правит скорость. Я понял, что здесь главное – не опаздывать:

этого не любят.

Ещё поворот. Приехал! Во двор заезжаю. Известно, к начальнице. Припарковался без проблем, что удивительно. Теперь можно и думы подумать, есть ещё время. Жду.

Надо включить на подогрев движок, стало прохладно в салоне, зима ведь, реальность.

Но как щемит сердце. Интересно, но я ни разу не испытывал раньше этого чувства ни к одной женщине. Да и сердца у себя я никогда не ощущал, не слышал: есть там оно в груди или нет.

Свет вокруг неё какой-то всепроникающий прямо в самого меня. Она окружена ореолом чего-то непонятного, совсем неопознанного. Внутри у меня всё от этого просто трепещет, и каждая клеточка истомно дрожит и взывает к ней.

Сейчас вот выйдет из дома, потом подойдет ко мне незаметно и закроет мне глаза руками, в которых и ласка, и любовь, и много чего в них только нет. Стихи свои ей я из-за своего стеснения и малости прочитывать, конечно же, не могу по причине их хронической нескладности и несуразности, а на другое мне решиться стеснительно, поэтому, наверное, это и не получится.

Нет, она подойдёт и скажет: «Почитай мне свои стихи!»

И буду я громко ей читать их! Была не была! С трепетом! А что, и прочту!

Почему-то вспомнился мне выпускной в школе. Радовал солнечный июньский день, затем тихий красивый вечер. Мы

с пацанами стояли стайкой у стены спортзала с вертикальными деревянными гимнастическими лестницами. Те лестницы выступали в пространство на импровизированной танцплощадке бала.

Девчонки сбились внутрь зала. Их пошитые или купленные к выпускному летние красивые платья подчёркивали буйство радости и даже торжественности момента, нахлынувшей ниоткуда серьёзности.

Учителя, родители здесь же. Они устроились за столами из столовой, переговаривались между собой, кивали, обсуждали каждого.

Ведущей была молодая учительница пения, перед этим объявлявшая наши фамилии в актовом зале для вручения аттестатов. Теперь она объявила вальс, и редкие пары на три четверти стали кружить наперекор всем сидящим, стоящим и говорившим.

Через весь зал, боясь помешать танцорам, в нашу сторону направилась тогда моя одноклассница Танька. Я заметил её решительность и позавидовал какому-то неизвестному, которого она наградит и прижмёт к себе в танце.

Пока она шла, перед ней соединялись пары и дальше кружились, выходя на середину, но она была упорна и, лавируя, продолжала подходить к нам всё ближе и ближе.

Вдруг она чуть поменяла направление, остановилась прямо перед нашей шумной, говорившей между собой компанией. Мы все замерли на полуслове в надежде.

Итак, кто же он? Вот она протянула руку и... Все разом сделали шаг к ней навстречу. Она же в свою очередь отвергла всех и показала на меня.

Вмиг пространство между нами опустело, и пацаны испарились. Она взяла мою руку, поглядела прямо в глаза. Мысль, что я не умею танцевать вальс, что мы в нём просто не совместимы, кольнула тогда, обожгла.

Я с безразличием отдёрнул свою руку, пожал плечами. Нет, если бы она была похожа на какую-нибудь знаменитость или киноактрису, то, конечно, а эта, подумаешь, какая-то Танька.

Я демонстративно отвернулся. А она, оглядевшись по сторонам, увидев всеобщее любопытство окружающих, просто сразу оттуда исчезла, будто её там и не было. Бегом, она уже оказалась на выходе, заставив расступиться всех зевак.

Ко мне быстро подскочил тогда друг Лёшка:

– Дурак же ты, – и помчался за ней следом.

Потом они, говорят, поженились...

Она идёт, приближается сюда, к машине! А я в ней сижу и от стеснения смотрю абсолютно не в её в сторону и жду...

Снова засуетилось моё сердце, заворчалось, забилось чаще. «Милая», ты для меня с большой буквы.

Добро пожаловать сюда! Человек, а не машина ждёт тебя. Поедем с ветерком, прямо внутрь Нового года!

А что, и поедем!

Повесть.

Синее небо.

Синее небо. С одной стороны на нём солнце, а с другой стороны синь, бескрайняя, глубокая, густая. Вон в этой субстанции плывёт серебристый маленький самолёт, оставляя за собой туманную полосу. Он призывно и настойчиво тянет полосу за собой, куда, одному Богу известно.

Так внезапно народившаяся позади от него, белая, она появляется не сразу и на каком-то небольшом удалении по ходу от серебристого начинает увеличиваться, расплзаться прямо на глазах. Дальше её подхватывает высотный не достигаемый с земли ветер, превращая в широкую, величественную пузырчатую полосу – след от моторов, который и замечает с земли простой наблюдатель. Динамичная и одновременно чарующая, она надолго остаётся в глазах, памяти, а, значит, и в его душе. А на бескрайнем синем фоне вдруг возникают видения настоящего и будущего. К наблюдателю живо приходят мысли, становясь и мечтой, и памятью одновременно.

Говорят, что если долго всматриваться туда вверх, то можно увидеть даже силуэты ночных звёзд, только надо не отвлекаться на эти самолётные полосы летящих там чёрными точками птиц, не брать во внимание посторонние звуки и мысли, а если уж ты их увидел, эти слабые, неяркие точки, то сбудутся все твои желания. Надо только сильно-сильно сосредоточиться и уловить этот своеобразный необходимый кураж, надо просто сильно захотеть и всецело раствориться в

нахлынувшей синеве.

Марьям была таким наблюдателем и очень любила в одиночку вот так долго смотреть на небо, просто мечтать. Вспоминала себя, бегущую по двору совсем юную девочку: угловатую, волосы чёрные, как смоль. В них вплетены белые ромашки, такие живые маленькие солнышки. Она их с нежностью поглаживает рукой – красивая, наивная, верящая в своё счастливое будущее. Она гордилась своей красотой, ведь об этом ей говорила её мама: «Красавица моя, самая, самая. Я так тебя люблю, моя девочка!»

Вспоминалось, как мама нежно гладила её волосы с вплетёнными в них ромашками и показывала маленькой Марьям волшебство синего неба. «Милая моя мамочка!» – думала она.

Раиса, так звали маму, была красивой, хорошо сложенной женщиной, и когда родилась Марьям, ей было около двадцати. Она часами проводила время с дочерью, учила её говорить первые слова, ходить. Это от неё малышка услышала про «надо, нельзя, плохо и хорошо». Мать учила свою девочку радоваться и наблюдать, думать и переживать. А её руки? Их ласковое материнское прикосновение запомнила Марьям на всю жизнь.

Они разлучилась, когда малышке было чуть больше трёх. Она помнила, как однажды вывалили в ограду машину с углём для топки зимой, целый самосвал. Уголь был чёрным и блестел на солнце. Вверху куча состояла из мелких камней,

а внизу, ближе к краям, камни были большими. Марьям подошла к куче и потрогала пальчиком черноту. Уголь оказался пугающим, грязным, и это совсем ей не понравилось. Она потеряла к куче всякий интерес.

Но вдруг начались крики и ругань. Пьяный отец кричал на маму. Он страшно тогда пил, а в тот день влил в себя, видно, немереное количество и совсем одурел. Такие приступы ревности с ним случались часто. Дальше была страшная ссора. Отец окончательно рассвирепел и, подбежав к чёрной куче, начал яростно кидать угольные камни, не целясь, исступленно, во что придётся. Они летели со свистом, ударялись об забор, ворота, стены, оставляли в месте удара чёрные следы. Он кидал их куда попало, без разбора и пощады, оставляя навсегда чёрные отметины в памяти девочки. Он стал похож на бешеное животное, рычащее на весь мир громким, злобным, пугающим, идущим откуда-то из нутра страшным рыком.

Марьям удивлённо смотрела на этот ужас и как бы окаменела, превратившись в маленькую статую. Страх у неё почему-то не было. Она просто замерла среди моря криков и грохота ударов.

– Мама! – позвала она тихонько, но мать услышала.

Раиса схватила в охапку девочку и попыталась вынести её из опасной зоны, спасти её. Дикий вепрь догнал их и начал бить. В память Марьям навсегда врезались его беспощадные удары, которые сыпались по маминой голове, спине, живо-

ту... Она только прикрывала собой, как получалось, своего дорогого ребёнка, как могла, увёртывалась, отворачиваясь, пригибаясь пониже к земле. Удары пьяной ярости до Марьям не долетали, разбиваясь об крепкую мамину стену, и ценой жизни матери здесь была жизнь её ребёнка.

Вдруг внезапно деспот вырвал Марьям из рук Раисы и направился прочь, потом остановился, как будто что-то забыл, вернулся к лежащей жене и сильно пнул её в живот. Тихий стон боли и отчаяния гулко пронёсся по двору.

– Убью! Дрянь! – прорычал он и с силой ударил свою жертву прямо по лицу так, что кровь брызнула в разные стороны.

– За что?– послышалось мамино в наступившей вдруг тишине.

С этим последним ударом всё в их семье было кончено.

Деревня, точнее, аул, где прошло детство и юность Марьям, была татарской. Солнце и дождь, ветер и летняя жара, а зимой мороз со снегом делали своё дело. Природа любила здешние серые цвета и раскрашивала ими всю округу, за просто добавляя мрачности в картины старых обшарпанных крыш и стен. Дома на улицах были похожи друг на друга и напоминали какую-то очередь будто бы за лучшей жизнью. Стоящие на улицах заборы состояли из стволиков небольших сосёнок вперемешку с белеющими, давно срубленными берёзками, кора которых уже облупилась. Всё потерялось во времени, местами проросло само место заборов высокими

кустами ирги и черёмухи, совсем не канадского, а сибирского клёна, раскидывающего осенью по ветру свои вертялые семена. Так получалась картина достаточно безрадостного, гнетущего мира. Её дополняли не асфальтированные улицы с глубокими колеями, продавленными колёсами авто. Если долго не было дождя, то любая рычащая здесь машина поднимала огромные столбы пыли. А пыль-то была и рада стараться: оседала толстым грязно-серым слоем на любую любопытную произрастающую из травы или листьев зелень, без разбора надёжно и надолго тогда скрывала живой нормальный зелёный цвет. В довершение, если чуть поднять глаза вверх, то можно увидеть окраину аула, где возвышалась и хозяйничала покосившаяся старая кирпичная водонапорная башня, будто извиняясь своими красными боками за серые краски.

Но зато весной после долгой зимы серые тона отступали, и приходило настоящее весеннее тепло. Казалось, сюда устремлялись все птицы, и новая зелень, и всякая другая живность, все и вся норовили убрать надоевший серый цвет. И вот тогда улыбалась всему этому действию та самая башня, добавляя в довершение на картину пятно красного. Контрасты зелёного и серого бросались в глаза, а фоном служило безоблачное небо, принося с собой элементы какой-то исключительности для всех местных жителей от мала до велика. Звуки этой большой татарской деревни или просто аула криками петухов, мычанием коров, блянием коз, овец и ла-

ем собак по утрам будили обитателей и добавляли колорита в их жизнь.

Если прямо пойдёшь по той или этой улице, без разницы, то увидишь везде и сибирский размах, и какую-то вместе с тем простоту. Только и успевай всё это своеобразие подмечать.

Сибирские татары – черноволосые, смуглые потомки хана Кучума. Они не казанские: и язык немного отличается, и обычаи. Бывали случаи даже, когда не совсем они понимали друг друга. Казанские – побогаче будут, понапыщеннее, а местные во всём попроще: простор больше любят и свободу. Они почти не перемешивались кровью с другими народами и, приняв Ислам, остались своеобразными.

В тот год в аул приехала делегация с юга, будто Коран продвигать. На самом деле местные женщины сманивались южанами в жены. Туда на пмж увозили к себе из аула многих. Брели только молодых, красивых, хотя, впрочем, и другими не пренебрегали. Всё действие оплачивалось так, что большим татарским семьям от таких отъездов женщин был один большой прибыток.

Марьям навсегда запомнила тех людей в тибетейках, на коленях картинно целующих здешнюю землю. Эти чужаки даже языка толком не понимали, только часто взывали к аллаху и всё.

- Откуда эти дядьки?– спрашивала Марьям маму.
- Издалека, а что, на кого они похожи?

– На бабаев страшных,– отвечала ей Марьям.

После случившегося тогда Раиса прибежала к мулле, который контактил с приезжими, и попросила спрятать её от мужа.

Тот посмотрел на неё с жалостью: вся в слезах, лицо заплыло в сплошном синяке, ни глаз, ни рта, брови рассечены, всё в крови, рёбра сломаны, голова пробита, одежда порвана.

Главный южанин решил помочь бедняжке. А что? Красивая женщина, если убрать её синяки да принарядить, то она очень даже может принести ему большую выгоду, ведь там, откуда он приехал, за деньги можно было всё. От такой изящной фигуры, красивых глаз не откажется ни один богач, взяв к себе в гарем, только надо переждать, пока выздоровеет.

Решено было тайно вывезти её из аула, а потом из страны, дав другое имя. Так Раиса исчезла. Её сначала увезли недалеко, за восемьдесят километров тут же в области. Потом где-то через месяц приехал главный южанин. Все склоняли головы перед ним уважительно, подобострастно, все говорили между собой, что этот человек очень влиятелен, богат и имеет высокий мусульманский сан. При встрече южанин спросил Раису о здоровье:

– Голова не болит? Синяки? Они скоро пройдут...

– Я вам так благодарна за всё. Век буду помнить Вашу заботу обо мне, спасибо! – с благодарностью произнесла Раиса. – У меня есть дочь Марьям, я хочу увидеть её.

– К сожалению, это невозможно. У тебя сейчас другое имя. Скоро мы уедем отсюда, а твоя дочь пока побудет с отцом и с бабушкой. Набирайся сил. На всё воля Аллаха, – он поднял руки, обращаясь к небу.

Так Раиса, теперь её звали Алина, уехала из тех мест. Всё было как во сне. Очнулась уже при входе в самолёт на трапе, но было уже поздно – Марьям рядом не было, хотя ей пообещали, что они попрощаются. Слёзы полились сами.

В иллюминаторе увидела огромное небо с маленькими домиками внизу, а сверху слабые не пропадающие звёзды. Она загадала увидеться когда-нибудь с дочерью. Под гул моторов пришло долгое забытьё ...

Мать отца, бабка Алефа, невлюбила Марьям с самого её рождения, звала чужой и как только можно гнобила девочку.

– Твоя мамаша – дочь карела и польки с запада, поэтому наши обычаи здесь не соблюдала, таскалась тут по аулу, бесстыжая. Но Аллах всё видит, где она, и накажет её обязательно. Куда она делась? Даже пашпорт бросила, тебя бросила, бесстыжая такая! Даже если её нет на этом свете, всё равно!

И всю свою неприязнь, даже ненависть она обращала по эстафете вместо Раисы к одинокой маленькой Марьям.

Отец после бегства жены стал пить ещё больше. Он попытался было найти Раису и за волосы притащить её в дом. Для этого он справлялся везде о ней по всей округе, пришёл

даже к мулле, но всё без результата: тот ему ничего не сказал. Отец строил планы, предвкушая жестоко наказать пропавшую жену так, как только он один знает. Этим он живо делился со своими дружками-собутыльниками, и те только кивали в одобрении, надеясь, что тот нальёт им ещё и ещё.

В запоях отец бубнил что-то себе под нос, что он убьет тварь, но когда приходила похмельная относительная трезвость, он снова слабыми попытками пытался найти Раису, ведь он, говорят, даже любил её. Но наступал новый запой, приходили беспомысленность и снова ненависть.

Бывало, ему казалось, что его преследовали, и тогда он закрывал голову руками, громко начинал кричать. Однажды отец решил даже уехать куда-то на заработки, но потом быстро вернулся, ведь кому нужны конченные алкаши. В пьяном угаре он любил почесать кулаки. И он дрался со своими старыми и новыми собутыльниками по любому поводу, всегда зверел и потом не помнил себя, что натворил в этом состоянии. Его постоянные синяки под глазами намертво закрепили за ним соответствующее прозвище «синий». Однажды в одной из таких драк, где он был, как обычно, виновником, пырнул кого-то, и его задержали. «Синему» дали целых четыре года, тогда Марьям было тоже четыре.

А Марьям росла. Она, действительно, была очень симпатичной, наверно, от смешения западных и восточных кровей. Когда она смотрела на синее небо, вспоминала его тайну, рассказанную мамой, то её красивые, выразительные, ум-

ные, миндалевидные глаза частенько застигала слеза.

До семи лет Марьям помогала бабке Алефе по хозяйству, терпя её характер, все проклятия и понукания, доила коз, давала корм животным и многое ещё. Причём, это не было для неё тяжёлым трудом, а скорее было развлечением. Она даже говорила с каждым питомцем, жалуясь на взрослых, но животные в ответ только молчали или блеяли.

Однажды летним днём от болезни лёгких скоропостижно старуха ушла в страну мёртвых, и всё хозяйство в несколько коз и овец перешло к брату отца. Туда же перебралась жить и Марьям. Но не прошло и двух недель, как умер из-за несчастного случая сам дядя, придавленный сорвавшейся с домкрата машиной. Так Марьям оказалась в доме двоюродной бабы Гафии, которая один в один была похожа на бабу Алефу, просто во всём и даже чисто внешне.

В первый класс Марьям отвела баба Гафия. Глаза у Марьям светились от счастья. Ещё бы, теперь она не просто какая-то девочка, она теперь ученица. И всё-то у неё будет, как у взрослых, и она полетит обязательно на том самолёте из памяти, дыша полной грудью, напиваясь и напиваясь синью и свободой глубокого неба.

Как-то мощный раскатистый гул раздался над аулом. Ша-рахнулись тогда в сторону козы и птицы, люди и бараны. Тень вертолёта накрыла на миг целый мир, внося хаос в тягучий деревенский уклад. Железная птица спустилась с синего

неба и заслонила на миг его, шумно и грозно пролетела над Марьям очень низко. Такие небесные машины девочка никогда близко не видела, только издалека, они всегда высоко, а тут вот – рядом. Вертолёт тащил куда-то у себя на подвеске какую-то железную штуку, а баба Гафия полёт истолковала по-своему: это знак Аллаха, будет, наверное, испытание.

Вечером того же дня из тюрьмы вернулся её племянничек – отец Марьям. Он сразу сунулся в свой заколоченный пустой дом, ломиком снял висячий замок. Конечно, обошёл, обшарил все углы, вспомнил, как он тут жил раньше со своей женой и дочкой. На полу в осколках стекла наткнулся на цветную фотографию Раисы, вспомнил, что когда-то растоптал её по пьянке, от злости, как потом отправился «на турма».

Чёрные глаза жены смотрели на него с укором, сводили с ума. Воспоминания прошлого вызвали у него прилив забытой любви и нежности к жене, пробудили злость и обиду за всё, что с ним дальше произошло. Он промычал: «Это ты во всём виновата!» Пауза, которая последовала потом за этой фразой, была долгой, а он всё смотрел и смотрел на свою Раису. «Нет, ты не виновата! Это я дурак!».

В чувствах он вдруг поцеловал фотографию, чего от себя не ожидал. Сухие в шрамах губы ощутили упругий глянec. Он заплакал! Ему стало жалко себя. Хоть стреляйся! Он не плакал прежде, а тут громко завыл, застонал, как раненый зверь.

– Чёрные глаза! Нет мне прощения! – проговорил Синий. Потом одной рукой вытер слёзы, а другой налил себе полный стакан водки, потом пил ещё и ещё. Без закуски. Она была ему не нужна.

Очнулся от того, что кто-то тряс его за плечо.

– Живой? – спросил у него сосед.

В ответ он только покачал головой.

– Четыре года чалился. Откинулся?

В ответ он закивал, что да.

– Пойду сообщу твоим корешам, что нарисовался Синий, не сотрёшь. Сообразим встречу.

Вечером была устроена грандиозная попойка, которая перешла в драку на ножах с кровью. Кого-то, как всегда, «немного» порезали. Отца снова схватили, арестовали и увезли. Дали очередной срок. С Марьям он так тогда и не встретился.

В доме родственников, кроме Гафии, жили ещё сыновья умершего брата отца: Тимур, Тахир и Камиль. Они были двоюродными братьями Марьям. Братья были старше её. Дурная слава о них распространилась по всему району. Не обходилось ни одного ЧП в ауле, где они так или иначе не приложили бы свою руку. Выпадал один Тахир, который давно вырвался в город, там женился и жил своей жизнью. Тимур и Камиль обитали в своих пристройках соответственно с левой и правой стороны от дома. Марьям была поселена в

сам дом с бабой Гафией.

Камиль работал скотником на ферме. Ленивый, вороватый, склочный. Он ходил по ферме и думал только об одном, как бы что-то взять, что плохо лежит. Ему все говорили, что у него нет никакой совести, а он махал вилами или лопатой и думал в ответ: «Ненавижу гадов! Убил бы!»

Однажды он решил жениться на одной. Пришёл к ней и давай подъезжать. То да сё: «Давай распишемся, вместе жить будем».

Так он любовь к ней тогда проявил. Короче говоря, после её отказа он решил применить к ней силу. Разбирались с полицией. Ему чудом удалось избежать реального срока: женщина забрала своё заявление. Правда, у брата Тимура куда-то исчез жигулёнок из их ограды, но Камиль всем говорил, что одно с другим не связано.

Младший брат Камиля Тимур каждое лето ездил на лесоповал с дикой бригадой. Благодаря этому, ему удавалось привозить домой какие-то деньги. Он даже купил подержанную машину, установил у себя первым в ауле на крыше пристройки флюгер, указатель ветра, мечту детства. Он очень гордился флюгером и тем, что он отличается от других людей. Раньше Тимур был женат на сверстнице с соседней улицы. Однажды Тимур с дружкой намеревались разобраться с козой, но жена застучала их полуголых за этим занятием. Разошлись.

Как-то Тимур, изрядно пьяный, а, значит, абсолютно дур-

ной, попытался изнасиловать Марьям. Сначала он заманил её к себе в пристройку, чтобы она помогла ему в каком-то пустяковом деле, а как только девочка переступила порог его жилья, сразу набросился на неё.

Марьям сжалась, как пружина, а потом собрала все свои силы и оттолкнула его, побежала прочь в двери. Она ночевала в овчарне. Теперь представьте девятилетнюю девочку, без одежды, дрожащую от холода, босоногую среди овец и коз. Что же она чувствовала в этот миг, когда угроза сильнее исполнения?

Так Тимур стал для неё этой постоянной угрозой. После того случая он стал часто специально попадаться ей на глаза, всегда нагло улыбался в лицо, шипел на неё, как змей, приговаривая:

– Куда ты денешься с подводной лодки.

Как-то Тимур украл деньги у бабки, а Марьям увидела это и ей рассказала. Разборка была жуткой, пыль до потолка. Марьям даже не знала, что есть такие скверные слова, которые звучали в этих семейных криках.

В один из дней бабка приказным голосом произнесла, обращаясь к Марьям:

– Пойди в сарай, телят надо попоить.

Та повиновалась ей, ничего не подозревая. Она прошла в баню, начала подогревать воду в чане, включила кипятильник. Вдруг за спиной из угла она услышала голос Тимура:

– Ты меня волнуешь, когда упрямишься, это меня-то, тобой горячо любимого! Я хочу сделать что-то и сделаю сейчас. Давай, садись в воду, сначала помою тебя! – и мужчина, смеясь, начал приближаться к ней, намереваясь исполнить задуманное, сорвал одежду.

– В воду, собака, в воду!

Она упала, обезумев от ужаса. Спас тогда её брат Камиль. Он прибежал туда на крики, остановил одуревшего Тимура. Она же, воспользовавшись моментом, побежала раздетая, босиком прочь на улицу, потом к ближайшим соседям. Давай стучать к ним в дверь – ей никто не открывает, она по сугробам – к другому дому, потом – к третьему. Уже окраина.

«Всё, это смерть!» – это последнее, что она помнила, упав без чувств.

Хозяева, увидев её в окно, занесли в дом, растёрли. Хозяйка набросила на бедняжку целых три одеяла. Окончательно очнулась Марьям только утром, хотя она его-то как раз и боялась.

Тем временем братья-садисты подрались.

– Ты понял? – кричал Камиль на Тимура, нанося удары по рёбрам и голове.

– Понял. Буду вторым, после тебя.

– Ни черта ты не понял, – и саданул его по челюсти так, что тот надолго вырубился.

– А, может, и я ей тожа ничего плохого не сделаю, тожа...

Негодяй заулыбался своей беззубой, мерзкой улыбкой. Потом они нашли где-то самогон и помирились. Подумаешь, дело-то семейное...

И над притихшим аулом раздался громкий храп этих страшных тигров.

Через пару дней за Тимуром приехал из райцентра полицейский уазик, уделанный грязью по самую крышу. Приехавшие громко застучали в ворота, намеренно дразнили задремавшую в будке добродушную собаку по кличке Жуфа, а когда поняли, что она их не тронет в силу её добрейшего характера, подошли к самым дверям дома, постучали в окно.

На стук и крики к ним навстречу вышла испуганная баба Гафия.

– В чём дело?– спросила она.

– Здесь такой-то Тимур проживает, он дома?

– Да, – сказала она и повела полицейских к Тимуровой двери, куда все и скрылись.

Марьям, испугавшись людей в форме, тем не менее во все глаза наблюдала за происходившим из окна, как-то связала это с приставаниями к ней и дальнейшей дракой братьев.

Минут через пять вывели в наручниках Тимура. Он плёлся, хромая, низко опустив голову. Синяки и кровоподтёки после драки с Камилем были жуткими. Было видно, что ему трудно дышать. Вдруг он споткнулся и рухнул на землю, за что получил увесистый пинок от конвоиров в бочину, и,

вскрикнув от боли, всё же умудрился погрозить Марьям кулаками, обвитыми стальными наручниками.

Марьям отпрянула от окна и закрыла глаза. Она ведь просила у своего синего неба этого и даже больше, ведь она так хотела, чтобы Тимур вообще исчез...

– Куда это его?– спросила она у бабки.

– В тюрьму дурака, за его старые дела, что-то украл, – ответила ей та.

Когда Марьям исполнилось четырнадцать, она попала с подачи уличных соседей и ходатайства школьного руководства аула в детский дом в областном центре. Мол, Марьям истязают и домогаются, что она ходит голодная и раздетая, что отец сидит, а матери у неё нет, бабка Гафия не родная ей, а двоюродная и не справляется с её воспитанием.

Потянулись длинные, однообразные дни детдомовской жизни. Марьям становилась красивой девушкой, хотя по годам была немного угловатой.

Никто в детдоме не любил красоты. Старшие девочки как раз тоже. Они всячески издевались над ней, травили, дразнили «конченной».

Однажды напали на неё в тёмном коридоре. Оглушили внезапно. Не запомнила лиц из-за этого. Удары по рукам и спине. Слезы. Ненависть к ней кого-то, про кого и не знала. Кроссовки и туфли. Мелькание. Удары. Голову обхватила руками, защищала. Пол перед глазами. Притворилась,

что в отключке. Скрылись потом бегом. Тишина. Трудная дорога до туалета. Надо привести себя в порядок. Холодная вода в лицо. Обтёрлась кое-как полотенцем.

Через пару дней, когда она немного оклемалась, ей была устроена «тёмная» сразу у входа в спальню. Накинули на голову одеяло. Опять удары, опять пол. Опять та же обувь. Молчала и терпела, никому не жаловалась, дома-то привыкла к такому.

Нет ничего страшнее детской корпоративной ненависти, основанной на зависти. Объединившись против неё, маленькие изверги могли сделать такое, что не придумать их старшим соратникам: садистам и насильникам. К примеру, они распускали, раскидывали целую катушку ниток на матрац, на котором спала Марьям, стелили сверху простыню и ждали, пока жертва заснёт, а потом тянули за концы нити. Марьям через сон чувствовала, как что-то движется в ногах, под головой, на боку, везде. Она переворачивалась и от испуга, естественно, просыпалась. Чтобы себя не выдать, маленькие злоки переносили свои игры на другую ночь, а когда им меняли постель, убирали нитки, потом снова раскидывали свои забавы, издеваясь над Марьям.

Воровство было здесь не удивительным, а привычным делом, только не для Марьям. Что-то друг у друга крали, а показывали на новенькую Марьям, что это она сделала и что они это видели. Марьям, не разобравшись, наказывали, надолго запирали в глухой кладовой, где урчали холодильники.

ки. Иногда попадало тумачков от воспитателей (физические наказания тоже здесь очень даже имели место).

Мальчишки здесь, как она видела, подобрались все какие-то хилые и не могли защитить её, им бы защитить было себя. Она задумала от безысходности повеситься. Была не была! Завела шею в верёвку, привязав за перекладину в комнате, встала на табуретку. Тогда её взгляд упал на зеркало, стоящее на тумбочке. И вдруг она как бы себя увидела со стороны, что у неё синее лицо, как глаза закатились... Там, в том мире, на окне лежали ножницы. Явь и сон смешались. Кто-то, чьё лицо было не разобрать, будто взял эти ножницы и перерезал злосчастную верёвку. Вдруг – боль на шее и щелчок! Она потеряла сознание. Долгая пауза. Очнулась. Послышалась чья-то ругань. Подумалось: «Что это? Выходит, и на том свете тоже ругаются?»

Оказалось, что верёвка не выдержала, лопнула, а ножниц нигде и в помине не было. Она их искала потом, у всех спрашивала, но их просто НЕ БЫЛО!

Тогда-то она и поняла, что сам Аллах, наверное, помог ей спастись и перерезал злосчастную верёвку, показав её синее лицо в зеркале и ножницы, а это значит, что совсем не случайно она осталась жива и что впереди её ждёт счастье, и она всё выдержит. Она просто стала ждать, жить назло всем тем и этим. Она поклялась для себя, что никогда больше не смалодушничает.

Ей так сильно захотелось увидеть небо, её синее небо. Вы-

брав удачный момент, она выскочила из здания интерната, но это же был город, а этого она совсем не учла: небо было серым, дома и деревья почти полностью скрывали его. А еще небо было всё в проводах, как будто какой-то паутине. И в эту паутину она попалась!

За ней тут же погнались, думали, что она захотела убежать прочь. Вернули. Внушали. Дальше троица снова на её пути. Тумаки, знакомые те же кроссовки, крики. Изолятор в кладовой. Ночь. А звёзды только мерцали своим холодным светом в окне.

«Передайте, звёзды, моему синему небу, что я здесь вот, совсем в неволе! Я в паутине запуталась!» – умоляла она.

Как-то у завуча пропали большие деньги, пока она посещала с контролем урок по русскому языку, прямо из кармана куртки вместе с кошельком. Вызвали полицию. Пустой кошелёк нашли у Марьям в тумбочке. Но она в это время сидела в кладовой, молила звёзды и украсть их, эти деньги, конечно, не могла, но какое это имеет значение?

«Как громко звучат холодильники, словно радуются, что я опять здесь», – подумала Марьям.

Утром хватились, что нет троих воспитанников. Сбежали. Сообщили куда следует. Объявили в розыск. Безрезультатно. Прислали проверку из Министерства образования. Собрали педколлектив.

«Максималистка, – сидел и думал проверяющий, упёр-

шись взглядом в одну, – наверняка, в декрет собралась смыться». Он рассматривал молодую учительскую поросль, работающую здесь. Любил он молодых учительок, такие, если что, правду и скажут, и покажут. Колготки, ножки, мини, чтоб аж дух захватило. Или вон откровенные разрезы на длинных платьях, они вообще манили куда-то, заставляли примеривать на себя обстановку грёз и представлять себя рядом. «Если человеки – это точно, мужчины, то женщины тогда кто? Инопланетяне, не иначе», – рассуждал проверяющий.

Разбирались, оправдывались.

– Да всё хорошо здесь, – сонно отметил он, довольно поглядывая на рюмку угодливо налитого кем-то вечернего коньяка.

На крыльях мечты на смену зиме заспешила новорождённая от зимы и лета красна весна. Она пришла внезапно, превратив снежные барханы сугробов в белую, проседающую под своим весом прямо на глазах мокрую субстанцию. Из окон здания пар от дыхания прохожих не стал виден, птицы засновали туда-сюда с завидной быстротой, предчувствуя скорую сытую жизнь, а не диету из прошлогодних ягод мелкого ранета, твёрдого, как мёрзлый камень, который не уклюёшь, целиком не проглотишь, а оттаявшего на припекающем солнце и ставшего от этого мягким.

Вверху над всем миром верховодило радостное весеннее

небо.

После окончания учебного года приехала баба Гафия. Она упростила детдомовское начальство забрать на лето Марьям. Ей даже расписку пришлось написать и привезти свежую баранью полутушку. Всплакнув для жалости, в конце концов, забрала к себе девочку.

Добродушный Жуфа встретил Марьям, виляя хвостом, как охранник у ворот потустороннего мира. Он похудел, потому что кормёжкой его хозяева не баловали, научился рычать и еще скулить, когда ему хотелось «жрать». Какое же это хорошее слово, какое оно правильное и подходящее к тому положению, если ты на длинной цепи.

С другой стороны аула, на другой улице от дома бабы Гафии жили Салиховы. Семья хорошая, дружная, крепкая.

Отец и мать, учителя в школе, души не чаяли в своих сыновьях – погодках Гильмане и Равиле. Отец брал ребят с собой в лес сено косить, грибы собирать, насекомых всяких подмечать, птиц и зверей различать. Он брал их с собой везде, где требовалась хоть какая-то ему помощь, будь то на рыбалке, в лесу или по исполнению своих мужских делах по хозяйству. Мать находила время для малышей на чтение книг, причём, она занималась с ними этим занятием всего по полчаса, но почти каждый день. Неудивительно, что уже к школе дети умели читать и писать, имели широкий кругозор. Именно родители приучили ребят к ежедневной зарядке до пота, бегу по соседним лесам на лыжах или просто налегке.

Гильман стал спортивным человеком. В школе бегали кросс – он был первым, поехал в район – там успех. Все стали говорить о задатках юноши. Ему пророчили спортивную карьеру, а он подался в инженеры. Равиль же стал юристом, окончив юридический факультет. Годы учёбы неслись для них с огромной скоростью. Шутка ли, учёба, спортивная секция по лыжам и лёгкой атлетике. И тренировки, тренировки. Занятость полная.

Однажды, еще студентом, Гильман заметил ребят-студентов с компасами и картами, которые садились в старенький автобус-газик, у него рычагами водитель, сидя на своём месте, дверь открывает. В общем, с ними Гильман поехал в лес и так попал на спортивное ориентирование. Ребята на секции подобрались волевые, выносливые. Так уж получилось, что они были уже на последнем году обучения и в скорости выпускались, становились инженерами. Гильман увлёкся этим немного экзотическим видом спорта и с удовольствием ходил туда на тренировки. Требовалось бегом найти точку на карте, прокладывая себе кратчайший путь к ней самостоятельно. Здесь просто необходима голова, как в шахматах, и хорошая физика, потому что местность пересечённая, а бежать надо кроссом без дороги через заросли и овраги.

Девушки и развлечения были на втором плане. Нет, они, девушки, конечно, были недалеко, украшали жизнь своим присутствием: поцелуями, ничего не значащими обещаниями, и Гильман платил им высокочастотной влюблённостью

и только дружбой.

«Должна же когда-нибудь ему встретиться одна, ну та, единственная», – думал Гильман. Эта мысль проявлялась всегда в его сознании. Он представлял свою девушку, которая станет потом его женщиной, будет при этом его любить и, в общем, будет центром целой вселенной, но его вселенной.

Гильман подъезжал в аул на автобусе. Издалека он увидел знакомые родные дома, увидел чуть наклонённую краснеющую кирпичом водонапорную башню. Ему стало вдруг как-то спокойно на душе и приятно. С особой гордостью он вдруг осознал, что здесь родился, что здесь его корни, малая родина. Так с автостанции он легкой походкой с небольшой спортивной сумкой через плечо зашагал, подмечая мелочи и изменения в облике домов, кивал, здороваясь, всем встречаемым. «Домой же вернулся, я же у-у какой».

Мимо проехала скорая с надписью «Реанимация», включив свою громкую сирену. «Кому-то стало худо, и скорая из города», – подумал Гильман, повернув на свою улицу. «Калитка настежь, странно». Стоящий неподвижно в ограде отец.

– Мать..., здесь не смогли помочь, повезли в больницу.

Туда она доехала, но ей стало хуже. Она умерла.

Потом похороны. Пришли люди. По заведённой мусульманской традиции они пришли в этот день посочувствовать, погрустить вместе с родственниками. Много людей. Почти весь аул.

На него нахлынула такая тоска, сердце сжалось. Ему вдруг вспомнилось недалёкое детство. Как мама смеялась, когда он вместо слова «ладно» говорил «гадно», как они вместе с ней хоронили у дороги умершую птичку. Многое вспомнилось. От нахлынувших переживаний его ноги сами тогда куда-то пошли, понесли куда глаза глядят.

И вдруг он как будто очнулся. Перед ним стояла девушка. Худенькая, невысокая, в тёмные волосы вплетены белые ромашки. Миндалевидные чёрные глаза смотрели на него испуганно, поражая своей глубиной и какой-то восточной красотой.

Гильман остолбенел, стоял и смотрел на это природное произведение искусства, не в силах даже пошевелинуться. Она глядела на него, отрешённого и напуганного, уже с любопытством. Улыбнулась. Не кокетливо, а как-то тепло и по-детски трогательно, и убежала.

Незнакомое чувство наполнило грудь, постучало и отозвалось в каждой его клеточке необъяснимым зарядом лучистой энергии.

Гильман долго ещё стоял, не понимая, что же произошло. Потом обошёл «квадратом», как в ориентировании, все соседние улицы, но всё безрезультатно. Исчезла!

Когда вернулся домой, он рассказал про всё брату Равилю. Тот долго не мог понять, о ком идёт речь, а на другой день принялся выручать брата, наводит о незнакомке справки по всей округе. Выяснил, что она детдомовская, зовут её Ма-

рьям, что ей только пятнадцать, и в ауле она сейчас живёт временно на лето у бабки Гафии.

Утром, когда солнце ещё не набрало силу и освещало аул косыми бархатистыми, пока не знойными дневными лучами, отражая зеркальные зайчики от росы кружевных кустов, Гильман подошёл к дому бабки Гафии. Огляделся.

По ограде на цепи вяло ходил большой худой пёс, ожидая, наверное, свой утренний завтрак, в сарае слышались петушинные голоса и различалось бляенье овец. Гильман решил подождать, вдруг Марьям выйдет, он так хотел увидеть её, заговорить с ней, а потом будь что будет, как говорится, куда кривая выведет.

Прошло достаточно времени, прежде чем открылась дверь дома. Гильман внутренне собрался и тут увидел Марьям. «Вот, оказывается, ты какая, Марьям!» – пронеслось в голове. Вместо слов пришло оцепенение и переиначило всё. Он стоял и молчал. Наконец, он смог выговорить:

– Здравствуй.

Сердце его часто забилося. Тощий пес завилял хвостом и гавкнул для приличия.

Она же думала в этот момент, что какой интересный парень растерялся по ту сторону ограды, и даже немного испугалась, что даже в зеркало не посмотрелась – некогда. Застеснялась, вспомнив про их встречу раньше, и отпрянула обратно в двери. Она держала рукой задвижку, не знала, как

поступить дальше. Сердце подсказывало: «Это он!»

Потом решительно открыла дверь и вышла к нему.

– Здравствуй, – ответила девушка. – Не бойся Жуфу, он не кусается.

– Скажи, а где живёт..., – видно было, что он просто не придумал, кто и где живёт. Как говорят в таких случаях: «Не знал да ещё и забыл».

– Это прямо туда и ещё через два дома, – ответила она в том же духе. Оба засмеялись и, не отводя взгляда, смотрели друг на друга.

– Мы виделись раньше? – спросила Марьям, чуть посерьёзнев.

– Да, в прошлом месяце, так давно, что я захотел тебя снова увидеть.

– А, я тоже помню тебя.

Она отвечала так по-детски просто, немного застенчиво улыбаясь. Он смотрел в её чёрные удивительной красоты глаза, и ему стало ясно: пропал, влюбился, как мальчишка!

Они ещё говорили, просто так, ни о чём, как бывает в таких случаях. Только краснобокая водонапорная башня знала о чём, да ещё небо, глубокое, как колодец, в котором оно отражалось и запросто показывало звёзды тому, кто туда смотрел. Решили встречаться. Гуляли по улицам. Смеялись. И говорили, говорили.

Гильман боялся даже дотронуться до Марьям, но однажды робко обнял и поцеловал. Марьям затрепетала от счастья. Её

маленькое сердце, измученное чужими и родными людьми, отозвалось и потянулось к нему, уже такому взрослому и такому доброму парню. Она впервые после исчезновения матери слышала ласковые слова, чувствовала тепло, нежность в голосе. Она ещё не поняла, что влюбилась.

Из разговоров с девушкой Гильман понял, что уже пришлось той пережить и как теперь ей в неволе за решётками детдома.

Он обо всём рассказал брату.

– Ну, и что ты думаешь делать? – спросил он у Гильмана

– Не знаю, но я хочу забрать Марьям из детдома.

– Ну, а дальше что?

– Женюсь на ней. Она уже согласна. Спрашивал её сегодня. Мы поклялись быть теперь вместе.

– Да, но она же еще ребёнок!

– Я поговорю с отцом, как поступить.

Вечером Гильман поведал отцу о своей любви. Отец долго расспрашивал в тот вечер Гильмана.

– Я, как учитель, помню эту Марьям, хорошая прилежная ученица. Красавица! Но у неё были всегда грустные глаза, ведь её мать исчезла неизвестно куда, когда той было совсем мало лет. Помню историю с отцом, потом слышал про жизнь девочки у дальних родственников. Видишь, ты старше её на целых восемь лет, поэтому не обращал на неё внимания и не знал её. Так ведь?

– Да, так.

– Помочь хочешь, понятно. Жениться ведь ты на ней пока не сможешь. Придётся поступить как-то иначе. Надо думать. – Повисла долгая, тягучая пауза.

– А давай возьмём её к себе, она поживёт здесь, ты присмотришься к ней, потом уже будем думать о дальнейшем. Там же ещё с родственниками надо будет разговаривать. Может, мне взять над ней опекунство или даже удочерить, ведь в нашей семье так не хватает женщины, – отец вздохнул с сожалением, потом улыбнулся.

– Пойдёт так, юрист?– обратился он к сидящему в соседней комнате Равилу, который, конечно же, слышал всё.

– Да, и я даже помогу с оформлением документов.

– Спасибо, отец, что ты меня понял и поддержал, как здорово, что ты у меня есть.

Гильман с благодарностью обнял отца за плечи.

Но пока всё оставалось по-прежнему. Марьям помогала по хозяйству, забот было много. Однажды в один из последних летних дней приехал двоюродный брат Марьям – Тахир. В городе он работал на автосервисе. Когда увидел Марьям, поразился, как она выросла и похорошела.

Как-то он собрался на шашлыки с друзьями и решил пригласить туда и сестру.

– Приходи к нам, не пожалеешь, – сказал он Марьям.

К сестре он один относился хорошо, не обижал, даже по-

могал ей в её домашних заботах, и она его уважала и даже любила, выделяя его из всех братьев.

– Да нет, я не приду, там же парни одни, – ответила ему Марьям, улыбаясь, хотя ей очень хотелось хоть посмотреть, как это – отдыхать, есть шашлыки, хотелось попробовать вкусное мясо.

– Ладно, я тебе шашлык принесу, горяченький! – согласился Тахир.

Не знала Марьям, что больше никогда его не увидит. Долго в тот день ждала девушка брата, к вечеру на сердце становилось всё тревожнее.

Она решила пойти туда, в лес, хотя и очень боялась.

Солнце уже в закат прыгнуло, значительно увеличив тени кустов и деревьев. Вдали курился костёр. Дым от него скрывал пеленой противоположную часть поляны. Сердце ёкнуло, когда она увидела сиротливо лежащий на земле свитер Тахира. А чуть дальше на суку висел и сам Тахир. Язык вывалился, глаза навывкат, на щеках слёзы застыли, как будто из того её видения, которое было в детдоме. Крича и причитая, Марьям кинулась в аул, не чуя под собой ног.

Пока в райцентр сообщили, пока приехала полиция, пока то да сё, прошло время.

Только к обеду на другой день люди в форме приехали разбираться. Возились недолго. Сказали, что и так им всё ясно – суицид в чистом виде.

Правда, Марьям лишь потом узнала, что это и не само-

убийство вовсе. Тахира подвесили на сук за подбородок. «Разве может человек сам себя подвесить за подбородок?» – говорили в ауле люди. Вздёрнули Тахира его же дружки, говорят, за долги.

Но кто будет разбираться? Подумаешь, какой-то деревенский Тахир, который живёт не здесь, а в городе, который работает себе на каком-то там СТО? Так вот, самоубийство и всё.

Жуфа выл, накрывая округу щемящей тоской, плакала Марьям.

Она рассказала обо всём, что случилось, Гильману, который стал для неё по-настоящему и другом, и подругой, и подушкой для слёз.

Беда не ходит одна. Весть о том, что в аул приехали южане, причём, всем известно зачем, распространилась мгновенно.

Главный южанин был уже стареющий смуглый мужчина. В руках он постоянно держал и перебирал чётки, которые спасали его от быстрых шагов во всём и повсюду, где бы он ни был. Чётки – признак его принадлежности к не низкому сословию. Несомненно, он имел влияние и власть над простыми людьми там, у себя, а расшитая яркая тюбетейка говорила, что её хозяин богат и набожен. Сухое продолговатое лицо обрамляла редкая конусообразная борода, и от того оно казалось ещё длиннее. Дополняли физиономию маленькие хитрые бегающие глазки, а брови росли как бы вопреки

всем удлиняющим линиям перпендикулярно. Там у себя на юге он наверняка повседневно носил дорогой халат, а здесь, чтобы не выделяться, был одет в серую старомодную куртку и такие же неказистые брюки.

– А помнишь девочку, которую мы отметили с тобой в прошлый сюда приезд? Сколько лет прошло! Красивенькая была такая? Её мать ещё муж избил. А мы-то её мать за границу переправили, помнишь? – спросил он муллу, своего старого надёжного знакомого и партнёра.

– Это, наверно, ты о Марьям сейчас говоришь. Она в детстве. Стала настоящей красавицей. Недавно узнал, что её удочерил местный учитель. Он живёт здесь недалеко. Его жена чуть раньше умерла.

– Полагаю, чтобы сделать её новой женой? Или как?

– Очень может быть, – вздохнул мулла ему в ответ.

– Когда-то мы по рукам ударили. Аллах аккбар!

Сулиму тоже нужна жена.

– Думаю, нам сейчас труднее будет заполучить Марьям. Неясно, какой такой интерес в этом у старого учителя. Тут что-то не так.

Сулим – сын главного южанина, любил просыпаться рано, но не совсем рано, конечно, а так, часов в девять или десять. Он минут пять обычно лежал, не шевелясь, закрыв глаза, и нежился в своём тепле под одеялом, которое, как скорлупа или щит, отделяли его мирок и его в нём от утренней про-

хлады, новых забот нового дня. Рядом лежала женщина. Но ему до неё не было дела: спала или нет, ему было в тот момент абсолютно безразлично.

Он в эти минуты сканировал себя, как механизм, начиная от пальцев ног, потом выше и выше, охватывая внутренним взглядом и все свои достоинства, и живот, и спину, пока не добирался до головы. Тут он обычно вспоминал, что было вчера, накануне данного утра. Вот вчера были скачки, где он выиграл, поставив на «Пятого». Его цвет был желтый. SMS пришла с цифрой «2», а «2» – это как раз «Жёлтый». Сначала «Пятый» отставал, и Сулим даже подумал, что проиграл, но потом, слава Аллаху, всё встало на свои места, и система сработала.

Пошевелилась женщина. Она посмела просунуть свою руку с острыми коготками в его мирок и отвлечь его от воспоминаний. Сулим знал, что она хочет сейчас. «А вот этого не хочешь?» – он с силой молча откинул руку, правда, оставив свою руку там, на её территории. Через некоторое время уже в поиск его руки отправилась женская грудь, и Сулим сдался...

Внезапно раздался телефонный звонок. Дорогуший гаджет играл и играл красивую песню звонка.

– Пусть подольше попоёт, а то я эту песню никогда не слышала до конца, – прошептала женщина. Но Сулим быстро встал и взял трубку.

На проводе, хотя какой провод у гаджета, был отец:

– Здравствуй, Сулим! Я из Сибири. Помнишь, я тебе рассказывал о девочке. Так вот эта девочка стала красивой девушкой, и я постараюсь связать вас как-то.

– Так у меня же уже вроде есть, – проворчал Сулим и продолжил с явным недовольством в голосе:

– Не надо мне никого! Слышишь, отец, не надо! А сейчас, извини, я очень занят!

– Хорошо, бай! – засмеялся отец, как американец.

Сулим накинул одеяло себе на голову, нырнув в объятия женщины.

Осенью Марьям забрали из детдома, она переехала в дом отца Гильмана. Все формальности по опекунству были пройдены: остались позади комиссии, собраны множество справок, ходатайств, заявлений. Занимался этим в основном Равиль, как юрист, да и сам отец, чтобы всё по закону было. Просто Равиль пообещал, просто он тоже немного влюбился в Марьям, но брат есть брат, и тут уж ничего не поделаешь. Злые языки доносили, что все детдомовские девки – прожжённые шлюшки и что горя не оберётесь с ней. Слухи о прежней лёгкой жизни Марьям были специально раздуваемыми, причём, это делали и её двоюродные братья, и бабка Гафия. Она ненавидела девушку и винила во всех своих бедах только её. Но при оформлении предоставили медицинскую справку, что Марьям девственна и абсолютна здорова.

Она стала жить в одной из отдельных комнат дома, ходить

в десятый класс местной школы. Гильман стал приезжать в аул часто, а на самом деле только бы повидаться с любимой. Они давно не могли уже жить друг без друга.

Как-то в один из таких приездов отец сказал сыну, что теперь после окончания Марьям школы он разрешит им жить вместе. Но надо соблюсти правила, прочесть молитву «Никях». При этом брачном обряде молодые дают прилюдную клятву, а потом распишутся в ЗАГСе. Так они решили. Так потом всё и произошло.

Синее небо. Оно особенно бывает ярко-синим после дождя или снега, утром, до обеда: если ранней весной – на фоне белостволых берёз, если летом – на фоне кудрявой зелени прииртышских лугов, если зимой – на фоне пирамид-сугробов, если осенью – на фоне отлёта на юг сборищ стайных птиц.

Но здесь его почти не видно. За окном унылый апрельский пейзаж с грязной дорогой и потемневшим снегом.

Медицинская палата: две койки с прикроватными тумбочками по стенам да небольшой обеденный стол. Больница страшная по своему предназначению: онкологическая. У окна стоит симпатичная женщина лет пятидесяти. Операция позади. Дни тянутся долго. Впереди неизвестность и постоянный страх, что всё может вернуться.

Вдруг в палату почти бесшумно вошла молодая женщина.
– Здравствуйте! – сказала она тихо. Красивые чёрные

миндалевидные глаза были испуганны и смотрели с беспокойством.

– Здравствуйте! Господи, а вы-то тут почему, такая молоденькая?

– На операцию: опухоль.

– Ой, а сколько же вам лет?

– Да тридцати ещё нет.

– Замужем?

– Да, и деток трое у нас.

– Молодцы! Ну, не переживайте, помогут тут, всё будет хорошо.

Девушка присела на край кровати. Помолчали. Только без конца звонил её сотовый.

– Муж переживает, да?

– Да, он у меня очень хороший. Знаете, я только теперь с ним поняла, что такое счастье, я так хочу жить! Он спас меня, в моей жизни это единственный человек, который обо мне так заботится. Вот недавно мы переехали в просторный двухэтажный дом, он сам его построил. Мы очень любим друг друга.

И вдруг она начала рассказывать про свою жизнь. Про детство, про маму, про детдом, про унижения, про то, как издевались над ней братья, как встретила Гильмана. Прошло часа два, Марьям, как она назвала себя, и плакала, и смеялась, и не могла остановиться. Почему ей вдруг захотелось обо всём рассказать чужой незнакомой женщине, она не зна-

ла. Может, она откликнулась на добрый участливый взгляд, спокойный ласковый голос, может, что-то в этой женщине напомнило мать, ведь она общалась только с мужем, подружки же у неё никогда не было.

– Не хочу умирать! Я только жить начала!

Галина, так звали соседку по палате, не перебивала её, поняла, что той нужно выговориться.

– Надо верить. Смотри, какая ты сильная, столько перенесла, справишься и с этим. А свою маму ты так и не встретила?

– Мама когда-то мне сказала, а это я запомнила очень отчётливо, что мы с ней встретимся. Я уже совсем и не надеялась на это. Мой Гильман от муллы узнал, где моя мамочка. Оказалось, что она попала в гарем. У неё совсем не было все эти годы возможности связаться со мной. Она жила всё это время под чужим именем, терпела голод и унижения. И вот мама совсем недавно случайно умудрилась всё же позвонить тому, помните, я рассказывала про главного южанина. Много времени прошло. Где она и где эфенди, так там того все называли. Как-то Гильман пригласил меня на сеанс по скайпу, сказал, что будет какой-то сюрприз. А это была... мама! Были наши слёзы радости. Слова, которые не у каждого есть. Ведь свершилось! Сбылось загаданное! Мама тогда сказала, что мы обязательно встретимся, небо нам поможет, и спросила, помню ли я, как она мне говорила когда-то про него. Камень свалился после нашего разговора тогда с моих плеч.

– Видишь, как всё получилось! Конечно, небо поможет, встретитесь. А тебя обязательно вылечат! Здесь хорошие врачи.

Спустя полгода Галина встретила Марьям в коридоре той же больницы. Женщина пришла тогда на контрольную явку, чтобы получить о себе мнение врачей: есть ли у неё осложнения. Консилиум врачей отметил, что всё нормально, хотя осложнения могут наступить, когда угодно, просто надо наблюдаться. Довольная результатом, Галина направилась к лифту, и тут из него вышла Марьям.

– Ой, снова мы встретились!

– Как ты? Расскажи, пожалуйста.

– Приехала вот. Сейчас результат анализов дадут на руки и всё. Не знаю. Очень боюсь.

Обе по инерции подошли к дверям того же кабинета, где недавно была Галина. Уселись на пустую скамью для посетителей, говорили о себе, об этой чёртовой болезни, не обращая ни на кого внимания.

Вдруг за дверью громкий голос назвал фамилию Марьям, прервав на полуслове говоривших женщин. Марьям поспешно встала и скрылась за дверью. Галине стало так жалко её да и себя. Она даже заплакала и решила дождаться Марьям. Ожидание длилось минут пять, может, чуть больше. Но вот двери тихо открылись, и девушка появилась в проёме. Она улыбалась.

– У меня ничего не обнаружили, сказали, что я... Я абсо-

лютно здорова!

– Ура! – громко закричали обе, не сдерживая своих слёз.

Галина в порыве обняла Марьям.

– Доченька, как же я рада за тебя!

В длинном коридоре сидели и стояли люди, шли туда-сюда, они все обратили внимание на этих двух счастливых женщин. Все улыбались, даже их потухшие глаза вмиг засветились.

– Скажи, как твои детки?

– Знаете, я для них живу. И никому не дам их в обиду. Я сделаю всё, чтоб они были счастливы.

Синее небо. С одной стороны на нём солнце, а с другой стороны – синь, бескрайняя, глубокая, густая. Вон в этой субстанции плывёт серебристый маленький самолёт, оставляя за собой туманную полосу. Он призывно и настойчиво тянет полосу за собой, куда, одному Богу известно.